

Джек Уильямсон

Легион пространства

МАРСИАНСКАЯ КРЕПОСТЬ

— Жду ваших приказаний, майор Стелл.

Джон Стар, стройный и подтянутый в новой форме Легиона, стоял перед столом, за которым сидел и поигрывал серебряной моделью космического крейсера сухощавый, седовласый офицер. Джон ощущал пронизательный взгляд майора, который пристально рассматривал его.

Напрягшись, он старался выдержать этот пронизывающий взгляд, сгорая от желания узнать, каково будет его первое назначение.

— Джон Ульмар, готовы ли вы к выполнению первого приказа Легиона и к тому, чтобы, как это положено, ставить долг превыше всего?

— Да, сэр. Я считаю, что готов.

— Я тоже надеюсь на это, Джон Ульмар.

Итак, Джон Стар был известен ранее как Джон Ульмар. «Стар» — это титул, знак различия, данный ему позднее Зеленым Холлом. Всем следует называть его Джон Стар согласно Эдикту Зеленого Холла.

Этот день был одним из первых в тридцатом столетии, был самым главным, самым волнующим днем за все двадцать один год его жизни. Он означал конец пятилетнему упорному обучению в Академии Легиона на острове Каталины. Сейчас все церемонии были завершены. Вот-вот должна была начаться жизнь в Легионе.

Он напряженно размышлял: куда ему предстоит отправиться. В космические пустыни на каком-нибудь крейсере Патруля? На изолированный пост в страшных джунглях Венеры? Или, быть может, в охрану Зеленого Холла? Он с трудом скрывал нарастающее беспокойство.

— Джон Ульмар, — сказал, наконец, майор Стелл с неторопливостью, доводящей до безумия, — я надеюсь, вы понимаете, что такое долг?

— Надеюсь, сэр.

— Потому что, — столь же медленно продолжал офицер, — вам предстоит задание особой важности.

— Какое же, сэр?

Он не мог совладать с желанием побыстрее удовлетворить свое распаленное любопытство. Однако майор Стелл не собирался спешить. Его пронзительные глаза продолжали безжалостно разглядывать Джона, а тонкие пальцы по-прежнему вертели игрушечный крейсер на столе.

— Джон Ульмар, такое задание, как ваше, прежде поручалось лишь бывалым, отборным ветеранам Легиона. То, что выбор пал на вас, должен признать, удивило меня. Отсутствие опыта — это, определенно, недостаток.

— Надеюсь, не очень значительный, сэр...

Почему он не переходит к делу?

— Приказ о вашем назначении, Джон Ульмар, исходит непосредственно от командора Ульмара. Случайно, вы не родственник командиру Легиона и его племяннику, Эрику Ульмару, исследователю?

— Да, сэр. Дальний.

— Это объясняет причину выбора. Но, если вы не справитесь с заданием, Джон Ульмар, не надейтесь, что положение командора спасет вас от неприятностей.

— Конечно, сэр! Разумеется!

Сколько времени он еще будет испытывать его терпение?

— Служба, которая вам поручается, Джон Ульмар, мало кому известна. В сущности, она секретна. Но крайне важно, чтобы она была поручена солдату Легиона. Вы будете отвечать непосредственно перед Зеленым Холлом. Могу вас заверить, любой промах, даже малейший, повлечет за собой разжалование и суровое наказание.

— Да, сэр.

Так что же это?

— Джон Ульмар, вы когда-нибудь слышали об АККА?

— АККА? По-моему, нет, сэр.

— АККА — это символ.

— Да, сэр.

И что это означает? Наконец-то! Неужели он сейчас узнает?

— Люди отдавали свои жизни, чтобы узнать это, Джон Ульмар. И люди умирали потому, что знали об этом. Лишь один человек в Системе знает в точности, что означают эти четыре буквы. Этот человек — молодая женщина. И самая важная обязанность Легиона — охранять ее.

— Да, сэр.

И что это означает?

— Дело в том, Джон Ульмар, что АККА — самая драгоценная вещь, которой обладает человечество. Мне нет нужды говорить вам, что это значит. Потеря ее или, потеря этой молодой женщины, которая знает, что такое АККА, будет означать беспрецедентное бедствие для человечества.

— Да, сэр. — Ожидание было мучительным.

— Я не могу представить службы более важной, чем вступление в ряды тех немногих опытных людей, которые охраняют девушку. И более тяжелой службы! Ибо о существовании АККА известно людям, готовым на все, и они знают, что обладание ей позволит им установить диктат над Зеленым Холлом — или уничтожить его.

— Да, сэр.

Где эта девушка?

— Никакой риск, никакие трудности не могут отучить их от попыток захватить эту девушку и узнать у нее секрет. Вы должны быть постоянно начеку, постоянно готовы защитить ее от любого насилия. Девушка и АККА должны быть спасены любой ценой.

Информацию о девушке вы не получите, пока не окажетесь в космосе. Опасность, что вы не удержите ее, вольно или невольно, слишком велика. Безопасность девушки зависит от того, насколько секретно ее местонахождение. Если о нем станет известно, весь Легион будет не в состоянии защитить ее.

Вы направляетесь, Джон Ульмар, на охрану АККА. Вам надлежит немедленно доложить об этом Зеленому Холлу, а именно, капитану Эрику Ульмару, перейти под его начало.

— Под начало Эрика Ульмара!

Он был изумлен и переполнен радостью, узнав, что будет служить у этого известнейшего исследователя космоса, своего родственника, только что возвратившегося из отчаянной смелости путешествия за пределы Системы, на далекую неведомую планету Убегающей Звезды Барнарда.

— Да, Джон Ульмар, и я надеюсь, что вы не забудете о чрезвычайной важности этого поручения, прежде чем вы... Впрочем, у меня все.

Понятное дело, сердце Джона Стара с болью переносило расставание со старым корпусом Академии, прощание с одноклассниками. Но, тем не менее, боль была не столь уж острой, потому что он сгорал от нетерпения. Впереди лежала тайна, волнующая встреча с известным родственником. Будучи по природе своей оптимистом, он не обратил внимания на мрачные намеки майора Стелла о возможной неудаче.

В полдень этого дня из иллюминаторов снижающегося стратолета он впервые увидел

Зеленый Холл — резиденцию Верховного Совета объединенных планет.

Словно гигантский изумруд, он мерцал темным огнем на выжженной солнцем вершине столовой горы в Нью-Мексико — величественное колдовство, чудо из зеленого прозрачного стекла. Квадратная центральная башня поднималась на три тысячи футов, увенчанная посадочной площадкой, на которую спускался стратолет. Четыре огромных крыла с колоннами простирались на добрую милю по роскошным ухоженным паркам. Драгоценный бриллиант в пустыне, под зубчатой, в милю высотой, стеной Сан-Диаса.

Джон Ульмар был как на иголках, и ему не терпелось увидеть Эрика Ульмара, который был сейчас в полном расцвете своей славы после совершенной под его началом первой удачной экспедиции за пределы Системы — если можно было назвать успешной эту экспедицию, в результате которой на Землю вернулось около четверти ее членов, и большинство из них умирало от страшной болезни, искажавшей саму форму человеческого тела.

Присутствовали в истории этого путешествия темные, а то и безмолвные главы. Однако общественность, и Джон Стар в ее числе, игнорировала их. Эрик Ульмар был осыпан почестями, в то время как большинство его спутников лежали забытые в госпитальных палатах, бредя ужасами той далекой зловещей планеты, а их тела гнили самым немыслимым образом, и тут бессильна была помочь и понять что-либо медицинская наука.

Джон Стар нашел Эрика Ульмара в личном его кабинете в просторном Зеленом Холле. Тот ждал его. Длинные золотистые волосы и изящное тело делали юного офицера почти женственно привлекательным. Горящие глаза и надменное выражение выдавали в нем страсть и незаурядную гордость. Скошенный подбородок и нерешительный рот открывали фатальный недостаток этого человека.

— Джон Ульмар, я считаю вас моим родственником.

— Я тоже так считаю, сэр, — сказал Джон Стар, скрывая разочарование, которое пробило даже сквозь восхищение. Он стоял — весь внимание, — в то время как высокомерные глаза Эрика Ульмара настырно рассматривали его длинное тело, жесткое и умелое после пяти изнурительных лет в Академии.

— Адам Ульмар — мой дядя. Он повлиял на то, что я выбрал тебя. Я надеюсь, что ты будешь служить мне верно.

— Конечно, сэр. Кроме того, что вы мой родственник, вы мой начальник по Легиону.

Эрик Ульмар улыбнулся, на секунду его лицо стало почти привлекательным, несмотря на вялость и гордыню.

— Уверен, что мы поладим, — сказал он. — Но я могу попросить тебя о чисто родственных услугах, чего не сделал бы, если бы ты был просто моим подчиненным.

Джон Стар подумал о том, что это могли быть за услуги. Он не мог привыкнуть к мысли, что Эрик Ульмар оказался не таким, каким он представлял себе героя космических исследований. Что-то в нем вызывало смутное недоверие, хотя этот человек был его идолом.

— Ты готов отправиться на наш пост?

— Конечно.

— Тогда мы немедленно поднимемся на крейсер.

— Мы покидаем Землю?

— Для твоей же пользы будет лучше, — сказал Эрик Ульмар с резким начальственным оттенком в голосе, — если ты будешь повиноваться приказам и не будешь задавать вопросов.

Лифт поднял их в сверкающую путаницу посадочной площадки. Там их ждал «Скорпион», новый скоростной крейсер, сужающийся к одному концу цилиндр длиной добрую сотню футов, весь серебряно-белый, если не считать черных дюз.

В воздушном шлюзе их встретили два легионера и взошли вместе с ними на борт. Варс — длинный, сильный, с крысиным лицом; Кимпен — высокий, с жестокими глазами и волчьим обликом. Оба значительно старше Джона Стара, оба, как он вскоре узнал, ветераны межзвездной экспедиции — в числе тех немногих, кто избежал таинственного

заболевания, — они выразили в отношении его неопытности начальственное сочувствие, что было ему неприятно. Странно, подумал он, что люди их типа были избраны для стражи бесценного АККА. Он бы, подумал он, не доверил ни одному из них расплатиться за него в ресторане.

«Скорпион» был загружен провизией, заправлен топливом, имел экипаж из десяти человек, находившихся на своих постах. Воздушный шлюз был быстро задраен, дюзы начали источать голубоватое пламя, и корабль умчался сквозь атмосферу навстречу свободе космоса.

Через тысячу миль, когда они благополучно оказались в стылом, испещренном звездами вакууме пространства, пилот выключил двигатели. По приказу Эрика Ульмара он направил нос крейсера в сторону далекой красной искорки Марса и включил геодиновые генераторы. Тихо гудя, их мощные поля вступили во взаимодействие с кривизной самого пространства, и геодины — точнее говоря, электромагнитные геодезические отражатели — повели «Скорпион» за сотни миллионов миль к Марсу, с ускорением и конечной скоростью, которые некогда человеческая наука объявила невозможными.

Забыв о неприятном чувстве недоверия к Варсу и Кимплону, Джон Стар наслаждался путешествием. Вечные чудеса космоса развлекали его долгими часами. Эбеновые небеса; замерзшие крапинки звезд, разноцветные, неподвижные; серебряные облака туманностей; божественное солнце, голубое, с крыльями огненно-красной короны.

Трижды в узкой каюте был накрыт стол. Двенадцать часов спустя геодины, слишком мощные для безопасного маневра близ планет, были остановлены. «Скорпион» падал, полыхая вспышками дюз, к ночной стороне планеты Марс.

Стоя возле навигатора, Эрик Ульмар читал ему указания из личного меморандума. Во всем путешествии присутствовала атмосфера тайны, загадочной безотлагательности, вызова, брошенного неведомым угрозам, что крайне интриговало Джона Стар. И все же, он чувствовал, что что-то идет не так, и это ощущение не оставляло его.

Они приземлились в каменистой марсианской пустыне, по-видимому, далеко от города либо обитаемого плодородного «канала». Поблизости в звездном свете возвышались приземистые темные холмы. Джон Стар, Эрик Ульмар, крысоликий Варс и Кимпен с волчьим обликом высадились; рядом с ними был выгружен скудный багаж и небольшая груда припасов.

Из тьмы неожиданно вышли четверо легионеров — часть стражи, понял Джон Стар, которую они должны сменить. Четверо зашли на борт, после чего их старший обменялся какими-то документами с Эриком Ульмаром, и люк лязгнул за ними. Из дюз ударили голубые струи пламени. «Скорпион» с ревом умчался, превратившись в мерцающую синюю комету, и вскоре затерялся среди ярких звезд марсианского неба.

Джон Стар и остальные ждали в пустыне наступления дня. Солнце вспыхнуло неожиданно, ослепительное и голубое, после непродолжительной желтой зари, заливая красный ландшафт жаркими лучами.

Древняя планета под фиолетовым зенитом, с лимонно-зелеными горизонтами выглядела заброшенной и покинутой. По безлюдным пространствам охряного песка рядами шли полумесяцы дюн. Грубые зубчатые гряды красных вулканических скал выпирали из желтого песка, словно обломанные клыки. Одинокие валуны, источенные безжалостным, переносимым ветром песком, походили на карикатурных злых чудовищ. Над равниной сгрудились холмы. Низкие, старые, изрытые эрозией безвременных лет, как и все возвышенности умирающего Марса. Монументальные массивы красного камня, разбитые красно-черные палисады каменных колонн. Неровные, испещренные трещины. На вершине холма распростерся древний полуразрушенный город. Массивные стены цеплялись за кромки обрывов, тут и там их перемежали квадратные высокие башни. Все это было из красного вулканического камня, характерного для марсианской пустыни, и все медленно превращалось в тлен.

Джон Стар знал, что крепость датируется покорением жутких кремниево-панцирных

марсиан. Должно быть, ее покинули полных три столетия назад. Однако сейчас она не пустовала. Когда они поднялись к воротам, их встретил часовой, очень толстый приземистый синеносый мужчина в форме Легиона, лениво развалившийся на кушетке под теплым солнцем. Он изучил документы Эрика Ульмара внимательным взглядом рыбьих глаз.

— Ага, так вы, значит, сменная стража, — засопел он. — Смерть моя, до чего же редко видим мы здесь живое существо. Проходите. Капитан Стан у себя в квартире за двором.

За осыпающимися красными стенами они обнаружили большой открытый двор, окруженный галереей. На него открывалось множество дверей и окон. В маленьком саду с красными цветами играл крошечный фонтан. За ним находился теннисный корт, в котором при их появлении торопливо исчезли мужчина и очаровательная девушка. При виде девушки сердце Джона Стара возбужденно подпрыгнуло. Он мгновенно понял, что она хранительница таинственного АККА. Это та девушка, которую ему поручили охранять. Вспоминая предупреждение майора Стелла о том, что отчаянный враг готов захватить ее, Джон Стар испытал прикосновение предчувствия. Старый форт не представлял собой укрепление, это был не более чем кров. И вскоре он обнаружил, что его охраняют всего лишь восемь человек, как ему и было сказано. Вооружены они были лишь ручными протонными иглами. Говоря откровенно, тайна была их единственной защитой. Тайна и секретное оружие девушки. Если эти враги откроют, что она здесь, и пошлют современный вооруженный корабль...

В этот день он ничего больше не узнал. Эрик Ульмар, Варс и Кимпен не были общительны. Четверо оставшихся из старой стражи человек почему-то соблюдали дистанцию, были осторожны в разговорах и явно держались настороже. Они были заняты переносом припасов с места посадки «Скорпиона». Видимо, это была провизия на многие оставшиеся месяцы. За час до темноты Джон Стар находился в собственной, представленной ему комнате, выходящей на старый двор; здесь он и услышал тревогу.

— Ракета! Ракета! Снижается чужой корабль!

Выбежав во двор, он увидел среди звезд зеленоватое пламя. Он услышал тонкий свист, который перерос в пронзительный визг, отчего он едва не оглох. Пламя, выросшее до огромных размеров, исчезло за восточной стеной, визг неожиданно прекратился. Он почувствовал под ногами резкий толчок.

— Большой корабль! — закричал часовой. — Он опустился так близко, что встряхнул холм. Его дюзы горели зеленым. Я такого никогда не видел!

А не может ли быть, подумал Джон Стар, и сердце его при этой мысли почему-то замерло, что таинственные враги девушки прознали о том, где она находится? Что этот корабль прибыл за ней?

Капитан Стан, командир крошечного гарнизона, явно испытывал те же предчувствия. Старейший маленький человек, очень взволнованный, он собрал всех легионеров и поставил их на старые стены с ручными протонными ружьями. Три часа Джон Стар провел, глядя в бойницу. Ничего не происходило. В полночь его сменили.

Старый офицер, однако, был по-прежнему встревожен прибытием незнакомого корабля. Он приказал трем людям из его подразделения — Джею Каламу, Халу Самду, Жилю Хабибуле оставаться на страже. От него Джону Стару передалось чувство страха и неумолимого рока, которые с тех пор стали его спутниками на многие мрачные и зловещие годы.

ВИД НА УБИЙСТВО

Внезапно Джон Стар обнаружил, что сидит на своей койке и глядит в открытое окно, за которым располагался большой двор. Разбудила его не боевая тревога. Хуже того — озноб инстинктивного страха, интуитивный ужас. Глаз! Должно быть, это был глаз, глядевший на него. Однако он был в длину целый фут, овальный и выпуклый, без белка. Его окаймляли тонкие, отороченные черным мембраны. Он был пурпурный и сиял во тьме, как гигантский

люминесцентный колодец. Что-то в нем было невообразимо злобное. Один взгляд на него вызывал ледяной первобытный ужас. Один лишь краткий миг смотрел на него глаз с невообразимой злобой, затем исчез.

Дрожа, он слез с кровати, чтобы поднять тревогу. Но испытанное потрясение заставило его усомниться в своих чувствах. Когда он услышал во дворе крик часового, как будто ничего не случилось, он решил, что виденное им — не более чем ночной кошмар. Он не был подвержен ночным кошмарам, однако, в конце концов, он ничего не слышал, да и сам глаз исчез при первом взгляде на него. Это совершенно невозможно: ни одно существо в Системе не имело глаза длиной в фут, даже морские ящеры Венеры. Он вновь улегся на кровать и попытался уснуть. Безуспешно, потому что образ этого ужасного глаза не оставлял его. Он встал до рассвета, горя желанием узнать о чужом корабле. Пройдя мимо усталых часовых, он поднялся по спиральной лестнице в старую северную башню и взглянул на зловещий ландшафт как раз в тот момент, когда солнце внезапно взмыло над горизонтом.

Дюны желтого песка, расколотые, донельзя выветренные скалы, и ничего больше. Но полуобрушенные стены на востоке застилали вид. Корабль, возможно, находился за ними. Любопытство возросло. Если это дружественный корабль Легиона, почему огонь его дюз был зеленым? Если там были враги, почему они еще не ударили?

Он повернулся, и перед ним оказалась девушка — та, которую он мельком заметил на теннисном корте и предположил, что она хранительница АККА. Он опять обратил внимание, что она очень привлекательна. Красивая, стройная, прекрасного телосложения. Холодные серые глаза, умные и честные, коричневые волосы с глянцем, которые в свете солнца горели волшебным пламенем. На ней была обычная белая туника, грудь ее вздымалась от бега за ним по ступенькам.

Его удивило, что хранительница АККА столь молода и симпатична.

— О... о, доброе утро. — Он испытывал смущение, поскольку кадеты Легиона уделяют очень мало времени изучению правил хорошего тона, и все же он был восхищен и готов услужить ей.

— Он, должно быть, очень близко! — сбивчиво крикнула она. Голос ее, как он заметил, был восхитителен и тревожен.

— Наверное, за стенами.

— И я так думаю. — Ее серые глаза быстро изучили его, взвесили — тепло, как ему показалось, с одобрением. Внезапно она произнесла, снизив тон:

— Я хочу поговорить с вами.

— Я весьма польщен. — Он улыбнулся.

— Прошу вас быть серьезным, — настойчиво сказала она. — Вы верны? Вы верны Легиону? Зеленому Холлу? Человечеству?

— Ну, конечно же, а что?

— Я верю вам, — прошептала она. Серые глаза ее по-прежнему очень настойчиво смотрели ему в лицо. — Я верю, что вы верны нам.

— А почему вы сомневаетесь?

— Я вам скажу, — произнесла она быстро. — Однако вы должны держать это при себе. Каждое слово. Даже вашему офицеру, капитану Ульмару, ни слова.

Ее лицо, когда она произнесла это, исказила неприязнь, если не ненависть.

— Как скажете, хотя я и не понимаю...

— Я должна вам довериться. Во-первых, вы знаете, зачем вы здесь?

— Мне приказано охранять девушку, которой известен некий секрет.

— Эта девушка — я. — Голос ее зазвучал более спокойно, более уверенно. — Я сама не имею ценности. Но тайна, АККА, — это самое ценное и самое опасное в Системе. Я должна сообщить вам чуть больше того, что, как мне кажется, вам известно. Потому что АККА — это страшная опасность. Вы должны помочь нам спасти ее.

Затем она тихо задала вопрос, который выглядел странным:

— Вы, надеюсь, знаете историю старых войн между Пурпурными и Зелеными?

— Думаю, что да. Пурпур был цветом императоров, зеленый — фракции, ведомой учеными исследователями, которые восстали и восстановили демократию Зеленого Холла. Последний император, Адам III, низложен двести лет назад.

— Вы знаете, почему он низложен?

— Нет. Нет, в книгах об этом не говорится. Однако хотелось бы узнать...

— Я должна вам сказать. Это важно. Как вы знаете, императоры наслаждались деспотическим правлением. Они были необычайно богаты: они водили личные космические флотилии и они владели целыми планетами. Они правили с железной жестокостью. Враги, которых они не ликвидировали, отправлялись на Плутон.

Мой предок, Чарльз Антар, был выслан только за то, что, проповедуя свободу в речах и исследованиях, доверился человеку, которого считал другом. Он был физиком в Системе. Он провел четырнадцать лет в холодных застенках на Черной Планете.

На Плуtone он совершил научное открытие: теория, которую он разработал в своем поселении, была чисто математическая. На это ему потребовалось девять лет. Затем его друзья-узники контрабандой доставили ему материалы для постройки разработанного им аппарата. Аппарат был очень прост, но на то, чтобы собрать части, потребовалось пять лет.

Затем, когда он собрал аппарат, он уничтожил стражу. Сидя у себя в камере, он заставил Адама III выполнять его приказы. Если бы император отказался, Чарльз Антар уничтожил бы солнечную систему.

С тех пор его открытие служило Зеленому Холлу. Оно было столь опасным, что двое людей одновременно не могли быть в него посвящены. С этой целью для его обозначения стали использовать аббревиатуру.

Она показала ему татуировку на белой ладони — «АККА».

— И вы теперь в опасности? — прошептал Джон Стар.

— Да, — сказала она. — Видите ли, Пурпурные не утратили своего богатства и влияния, и они всегда лелеяли планы восстановления Империи. Ужасная власть АККА — это единственное, что препятствует осуществлению их замыслов. Им нужна эта тайна, однако Зеленому Холлу всегда удавалось хранить ее, посвящая лишь потомков Чарльза Антара.

Мое имя Аладори Антар. Я получила секрет от моего отца шесть лет назад перед его смертью. Мне пришлось поступиться той жизнью, которую я для себя планировала, и дать очень суровое обещание.

Пурпурные, конечно же, с самого начала знали об АККА. Они постоянно затевают интриги, идут на взятки и убийства, лишь бы завладеть этим. Если это удастся, они воцарятся навсегда. А сейчас, я думаю, Эрик Ульмар пришел именно за этим.

— Вы должны верить Эрику! — запротестовал Джон Стар. — Как же так, он же известный исследователь и племянник командира Легиона.

— Поэтому-то я и думаю, что он предатель.

— Но почему, я не понимаю?

— Ульмар, — сказала она, — это семейное имя императоров. Я знаю, что Эрик Ульмар — прямой потомок, претендент на трон. Я не верю ни ему, ни его дядюшке, пройдохе и интригану.

— Адам Ульмар — пройдоха и интриган? — Джон Стар был в ярости. — Вы так называли командира?

— Да, назвала. Я думаю, что он воспользовался своим богатством и влиянием, чтобы стать командиром. Так он смог докопаться, где я скрываюсь. Он послал сюда Эрика. Этот корабль, прибывший ночью, привез подкрепление изменнику. И это способ бежать со мной вместе.

— Невозможно! — прохрипел Джон Стар. — Ну, быть может, Варс, ну Кимпен. Но не Эрик.

— Он — главный. — В голосе ее звучала холодная уверенность. — Ночью Эрик Ульмар тайком выбрался из форта. Он отсутствовал два часа. Я думаю, что он отправлялся к кораблю, к своим союзникам.

— Эрик Ульмар — герой и офицер Легиона.
— Я не могу доверять человеку по фамилии Ульмар!
— Моя фамилия тоже Ульмар!
— Ваша фамилия... Ульмар?... — потрясенно прошептала она. — Вы род...
— Да, — сказал он. — Родственник. Своим направлением сюда я обязан великодушию командира.
— Теперь я вижу, — горько сказала она, — зачем вы здесь.
— Вы ошибаетесь насчет Эрика, — настаивал он.
— Но помните, — бешено хлестнула она, — что вы — предатель Зеленого Холла. Что вы уничтожаете свободу и счастье.

Сказав это, она повернулась и побежала по старым каменным ступеням. Он смотрел ей вслед, не дыша и не в силах сосредоточиться. Хотя он и защищал Эрика, он не мог справиться с сомнением. Варсу и Кимплону он глубоко не доверял. И его тревожила близость чужого корабля. И сейчас он очень сожалел, что лишился доверия Аладори Антар.

Теперь ее, быть может, будет труднее защищать, и, кроме того, она ему нравилась!

Эрик Ульмар встретил его, когда он вернулся во двор, и сказал с мрачной сардонической улыбкой:

— Похоже, Джон, что капитан Стан ночью был убит. Мы только что нашли его труп в комнате.

ТРОЕ ИЗ ЛЕГИОНА

— Видимо, задушен, — сказал Эрик Ульмар, указывая на пурпурную отметину.

Обстановка в квартире была по-солдатски аскетичной. Мертвый командир лежал лицом вверх на узкой кушетке, члены его окоченели в агонии, тонкое лицо искажено, глаза выпучены, рот обезображен жуткой гримасой ужаса и боли.

Склонившись над телом, Джон Стар обнаружил и другие странные следы. Кожа в некоторых местах была сухой, затвердевшей в необычную зеленоватую чешую.

— Взгляните на это, — сказал он. — Похоже на химический ожог. И эта ссадина — она не могла быть сделана человеческой рукой. Может быть, веревка?

— Так ты, выходит, еще и детектив? — резко отозвался Эрик Ульмар, не переставая начальственно улыбаться. — Я должен предупредить тебя, что любопытство — очень опасная штука. Но что ты надумал?

— Сегодня ночью я видел нечто — очень страшное. Я думал до последнего момента, что вижу кошмар. Огромный пурпурный глаз, глядевший в мое окно со двора. Должно быть, шириной в фут. Это было зло в чистом виде. Должно быть, кто-то приходил во двор. Он глядел в мое окно. Он убил капитана. И оставил эти следы. Эта отметина на горле — человеческая рука не могла сделать ее.

— Непохоже, чтобы космос влиял на тебя благотворно, а Джон? — В голосе Эрика Ульмара, кроме иронии, казалось, звучала резкая нотка раздражения. — Как бы там ни было, а это произошло, когда на часах была старая стража. Я собираюсь изолировать их для допроса.

Его узкое лицо было холодным.

— Джон, ты арестуешь Калама, Самду и Хабибулу и запрешь их в старом тюремном помещении под северной башней.

— Арестовать их? Вы уверены, сэр, что это нужно сделать прежде, чем они получат право рассказать?..

— Ты злоупотребляешь нашим родством, Джон. Прошу помнить, что я твой начальник. А теперь, к тому же, и единственный офицер, поскольку капитан Стан мертв.

Он отмел сомнения. Аладори, должно быть, ошиблась.

— Вот ключи от старой тюрьмы.

Каждый из людей, которых он должен был арестовать, занимал отдельную комнату,

выходившую во двор. Джон Стар постучал в первую комнату, и ее открыл весьма элегантный темноволосый легионер, которого он перед этим видел на теннисном корте с Аладори Антар.

Джей Калам был в халате и в шлепанцах. Его мрачноватое задумчивое лицо было усталым. Тем не менее, он улыбнулся, вежливо, но безмолвно пригласил его войти и указал на кресла. Это была комната культурного человека, обставленная скромно, однако с большим вкусом. Старомодная мебель, несколько прекрасных картин. Ящик с лабораторной утварью. Оптифон, который наполнял комнату нежной музыкой. Его стереоскопическая видеопанель сияла цветом и движением пьесы. Джей Калам вернулся в кресло, снова занявшись созерцанием драмы.

Джону Стару неприятно было арестовывать такого человека за убийство, но он относился к своим обязанностям с большой ответственностью. Он должен был повиноваться своему начальнику.

— Прошу прощения, — начал он.

Джей Калам остановил его едва заметным жестом.

— Пожалуйста, подождите. Это скоро кончится.

Не в силах отказать в такой просьбе, Джон Стар сидел, пока действие не закончилось, и Джей Калам обернулся к нему с мрачноватой улыбкой, сдержанный, однако внимательный.

— Спасибо, что подождали. Это новая запись, пришедшая на «Скорпионе». Я не мог справиться с желанием посмотреть ее, прежде чем лягу спать. Но что вам угодно?

— Мне очень жаль, — начал Джон Стар. Он помолчал, подбирая слова, затем, видя, что надо делать дело, быстро добавил:

— Простите, но капитан Ульмар приказал мне взять вас под стражу.

В темных глазах промелькнуло удивление. Была в них и боль, словно он увидел нечто страшное.

— Могу я спросить, почему? — Голос был тихим и равнодушным.

— Капитан Стан был убит ночью.

Джей Калам быстро встал, однако не утратил самообладания.

— Убит? — спокойно переспросил он некоторое время спустя. — Я понимаю. И вы отведете меня к Ульмару?

— В камеру. Я сожалею.

На миг Джону Стару показалось, что безоружный человек постарается напасть на него. Он отступил, положив руку на протонный пистолет.

Но Джей Калам не напал. На его лице появилась напряженная ироничная улыбка, совсем не веселая, и он сказал:

— Я пойду с вами. Погодите, я возьму кое-что из одежды. Старые подземелья, как известно, не всегда комфортабельны.

Джон Стар улыбнулся, не убирая руки от иглы.

Пройдя через двор, они спустились по спиральной лестнице в зал, высеченный в красной вулканической породе. Карманным фонарем Джон Стар осветил изъеденную коррозией металлическую дверь. Он попробовал открыть ее ключами, которые дал ему Эрик Ульмар, и не сумел.

— Я могу открыть, — предложил арестованный.

Джон Стар дал ему ключ. После недолгой возни тот открыл дверь, со скрипом повернув ключ, и шагнул в кромешную тьму.

— Я очень сожалею, — извинился Джон Стар, — это неприятное место, как я вижу. Но приказ...

— Пустяки, — быстро проговорил Джей Калам. — Однако, пожалуйста, помните об одном. — Он был серьезен. — Вы — солдат Легиона.

Джон Стар запер дверь и отправился за Халом Самду. К его изумлению, этот человек встретил его в форме генерала Легиона с полным комплектом наград, предусмотренных за героизм и служебную доблесть. Белый шелк, золотой галун, алый плюмаж — роскошь была

просто ослепительной.

— Он прибыл со «Скорпионом», — сообщил Хал Самду. — Очень неплох, как думаете? Хотя в плечах не совсем впору.

— Я удивлен, что вижу вас в форме генерала.

— Разумеется, — сказал Хал Самду серьезно. — Я не ношу его на глазах у публики. Пока. Однако я заказал его на случай повышения.

— Мне очень жаль, — сказал Джон Стар, — но мне приказано взять вас под стражу.

— Арестовать меня? — Широкое красное лицо выразило откровенное изумление. — За что?

— Капитан Стан убит.

— Капитан убит? — Он глядел с полным непониманием, которое вскоре сменилось гневом. — Вы думаете, это я?

Огромные кулаки сжались. Однако Джон Стар шагнул в сторону и выхватил протонный пистолет.

— Стоять! Я всего лишь выполняю приказ!

— Ну что ж... — Большие руки раскрылись и конвульсивно сжались. Хал Самду взглянул на наведенную иглу, и Джон Стар увидел в его глазах презрение к опасности. Но он остановился.

— Ну что ж, — повторил он, — если это не ваша вина, то я пойду.

Третий человек, Жиль Хабибула, не открыл дверь, когда Джон Стар постучал, а просто крикнул, чтобы он входил. Могучий синеносый часовой, которого вчера видел Джон, он сейчас сидел, расстегнув для удобства форму, за столом, заставленным бутылками и тарелками.

— О, входи, входи, дружище! — воскликнул он. — Мне тут смертельно захотелось вспомнить вкус ленча, прежде чем лечь спать. Чертовски отвратительную ночь провели мы, ожидая в холодке неприятностей. Однако подсаживайся и перекуси со мной. Мы получили со «Скорпиона» свежие припасы. Это все же основная замена тем смертельным синтетическим пайкам. Натуральная ветчина, засахаренная слива и старый датский сыр. Но ухаживай за собой сам, дружище.

Он кивнул на стол, на котором, по мнению Джона Стар, хватило бы еды на шестерых голодных мужчин.

— Нет, спасибо. Я пришел...

— Если не хочешь есть, то уж выпьешь-то ты в любом случае. Тебе смертельно повезло, дружище, насчет питья. Да, этот форт много лет назад покинули, но погреба оставили полными. Оно прекрасно сохранилось, это замечательное вино. Я отважусь заявить, что оно самое лучшее в Системе. Там был полный погреб, когда я его нашел. А...

— Я должен сказать вам, что у меня есть приказ взять вас под стражу.

— Арестовать? Но чем, парень, провинился старый Жиль Хабибула? Я никому не причинял вреда, во всяком случае, здесь, на Марсе.

— Ночью был убит капитан Стан. Вы будете допрошены.

— Ты не шутишь над старым бедным Жилем?

— Нет, разумеется.

— Убит! Я говорил ему, что он должен был со мной выпить. Он вел спартанскую жизнь, дружище... Ах, должно быть, это ужасно, когда тебя ждет такой конец. Но ты же не думаешь, что это сделал я, дружок?

— Я, разумеется, не думаю. Однако мне приказано запереть вас в камеру.

— Эти старые подземелья смертельно холодные и сырые, дружище.

— Мне приказано...

— Я пойду с тобой, дружище. Убери руку от своего протонного пистолета. Старый Жиль Хабибула никому не станет причинять неприятности. Пойдем. Но можно ли мне перед этим слегка подкрепиться и допить вино?

Чем-то Джону Стару понравился Жиль Хабибула при всей его грубоватости. Поэтому

он уселся и смотрел, пока блюда не опустели вместе с тремя бутылками вина, после чего они вместе спустились в подземелье.

Аладори Антар встретила его, когда он вернулся во двор. На лице ее была тень тревоги и беспокойства.

— Джон Ульмар, — приветствовала она его, скривившись при этой фамилии, — где трое моих верных людей?

— Я запер Самду, Калама и Хабибулу в старой тюрьме.

Лицо ее побелело от страха.

— Вы что, думаете, что они убийцы?

— Нет, я весьма сомневаюсь в их вине.

— Тогда почему вы их заперли?

— Я выполнял приказ.

— Вы что, не видите, что вы наделали? Мои верные стражники либо убиты, либо заперты. Я в руках Ульмара. И он — настоящий убийца! АККА предана!

— Эрик Ульмар — убийца? Вы несправедливы!

— Пойдемте, я покажу вам его, убийцу. Он только что выбрался из форта. Он возвращается на корабль, который приземлился вчера ночью, к своим друзьям-предателям.

— Вы ошибаетесь!

— Конечно. Пойдем! — требовательно вскричала она. — Не верьте ему! — Она быстро провела его вдоль бастионов и парапетов к восточному краю старой крепости, на платформу башни.

— Взгляните, там корабль! Я не понимаю, откуда он взялся. И Эрик Ульмар, этот ваш герой Легиона!

Источенные временем укрепления и красные валуны заканчивались у подножия холма, сменяясь мертвенно-бледной равниной. А там, невдалеке, располагался чужой корабль. Джон Стар ничего подобного раньше не видел. Он был колоссален, настолько огромен, что парализовал разум. Громадный и чужой, весь блестящий, весь из вороненого металла.

Обычный космический корабль Системы — веретенообразной формы, аккуратно заостренный на конце. Все такие корабли имеют зеркальное серебряное покрытие, чтобы снижать в космосе радиацию и поглощение. Все они сравнительно невелики, самый крупнейший не достигает в длину четырехсот футов. Эта же машина создавала впечатление паучьего переплетения частей, стволов, соединительных поверхностей, огромных крыловидных лопастей, массивных, состыкованных металлических ярусов — все это соединялось с корпусом, имеющим форму гигантского черного шара. Он был невероятно огромен. Металлические полозья, на которых он покоился, уходили на добрые полмили вглубь красной пустыни: сфера была тысяча футов в диаметре.

— Корабль! — прошептала девушка. — И Эрик Ульмар — предатель!

Она показала, и Джон Стар увидел крошечную фигуру человека, бредущего вниз по склону. Он казался крошечным насекомым в тени этой машины. Такой огромный, чужой и умопомрачительно-черный.

— Теперь вы верите?

— Что-то происходит, — согласился он, помедлив. — Что-то... я пойду за ним. Я верну его, заставлю его рассказать, что происходит. Пусть даже он мой начальник... Он бесстрашно помчался по лестнице из старой башни.

«ДА, ДЖОН, Я ПРЕДАТЕЛЬ!»

Черная масса чужого летательного аппарата заполняла небо на востоке, центральный шар возвышался, подобно темной луне, опустившейся в красной пустыне. Полмили черных полозьев, лежащих на обломках валунов, раздавленных ими, были похожи на высокие металлические стены. В тени этого невиданного механизма человек, шедший впереди,

казался крошечным атомом. Находясь на полпути к черному корпусу, почти под темным крылом, которое заполняло одну восьмую неба, он все еще не оглядывался.

Джон Стар был в сорока футах от него и дышал с таким трудом, что боялся, что будет услышан.

Он выхватил свой протонный пистолет и закричал:

— Стой! Я хочу поговорить с тобой!

Эрик Ульмар остановился, изумленно оглянувшись. Он сделал слабое движение, словно желал выдернуть из кобуры свой собственный пистолет, однако остановился, увидев лицо Джона Стар.

— Иди сюда! — приказал Джон Стар.

Он подождал, контролируя дыхание и пытаясь умерить нервное дрожание оружия, пока его знаменитый родственник медленно возвращался с явно выраженным раздражением на узком вялом и красивом лице.

— Да, Джон. — Эрик Ульмар терпеливо и покровительственно улыбнулся. — Ты опять превышаешь служебные полномочия. Боюсь, ты слишком старателен, чтобы стать удачливым легионером. Моему дядюшке будет жаль услышать о твоей оплошности.

— Эрик, — сказал Джон Стар, слегка удивленный собственным спокойствием, — я хочу задать тебе несколько вопросов. Если мне не понравятся ответы, я боюсь, что буду вынужден убить тебя.

На девичьем страстном лице Эрика Ульмара вспыхнуло бешенство.

— Джон, за это ты пойдешь под трибунал.

— Возможно. Однако сейчас я хочу узнать, откуда прибыл этот корабль и что ты здесь делаешь.

— Откуда мне знать? Ничего подобного в Системе еще не видели. Достаточно любопытства, Джон, чтобы я оказался здесь.

Эрик Ульмар коснулся своей круглой золотистой головы и язвительно улыбнулся.

— Я боюсь, Эрик, что ты замыслил предать Зеленый Холл, — тихо сказал Джон Стар. — Я думаю, тебе известно, откуда этот аппарат и почему убит капитан Стан. Пока ты не убедишь меня, что я ошибаюсь, я буду готов убить тебя, освободить троих запертых мной людей и защищать девушку. Что ты на это скажешь?

Эрик Ульмар взглянул на огромную черную лопасть над ним и вновь улыбнулся, почему-то не теряя присутствия духа.

— Да, Джон, — произнес он отчетливо, — я предатель!

— Эй! — Джон Стар был поражен и разгневан. — Ты признаешь это?

— Разумеется, — был ответ. — Я никогда ничего иного и не замышлял. Если ты называешь предательством стремление вернуть принадлежащее мне по праву... Я полагаю, ты даже не знаешь, что в твоих жилах течет кровь императоров. Похоже, ты получил недостаточное образование. Но так оно и есть.

Я — полноправный Император Солнца, Джон. В самое кратчайшее время я снова верну трон. Как принц крови, я надеюсь, что ты займешь под моим началом высокий пост. Однако, боюсь, Джон, что ты будешь обойден наградами революции. Ты слишком независим.

— Что ты задумал? — спросил Джон Стар. — И откуда взялся этот аппарат?

Он не сводил взгляда и угрожающе нацеленного оружия с противника.

— Этот корабль прибыл с одной из планет Звезды Барнарда, Джон. Я думаю, ты слышал о тех умирающих людях, которых мы привезли из экспедиции. Слышал, о чем они бормотали. Они не безумны, как о них думали. Большая часть того, о чем они говорят, существует в действительности. Это как раз то, что поможет мне сокрушить Зеленый Холл, Джон.

— Ты привел назад союзников?

Эрик Ульмар иронично улыбнулся, услышав в его голосе ужас:

— Да. Видишь ли, хозяева найденной нами планеты — они столь же разумны, как и люди, хотя и не столь человечны. Дело в том, что они нуждаются в железе. На их планете

оно не встречается, и потому они платят за него большую цену. Оно нужно для магнитных инструментов, электрического оборудования и тысячи прочих мелочей. Поэтому я заключил с ними союз, Джон...

Они послали этот корабль, погрузив на него кое-что из своего оружия. У них есть боевые машины, которые удивят тебя, Джон. Их научные достижения просто замечательны. Они послали этот корабль, чтобы помочь свергнуть Зеленый Холл и восстановить Империю. В награду им было обещано, что их корабль будет нагружен железом.

Железо дешево, мы это сделаем. Но я все же думаю, что мы их истребим после того, как завладеем АККА, и Пурпурный Холл будет благополучно править опять. Они не слишком приятные партнеры. Хуже, чем ты можешь представить.

— Те безумные люди?

— Да, Джон, я уверен, нам придется уничтожить их после того, как мы получим секретное оружие. Девушка должна была сказать тебе об АККА, Джон.

— Она сказала! И я думал... я верил тебе, Эрик.

— Выходит, она уже подозревает! Тогда мы должны заковать ее в цепи прежде, чем она получит шанс использовать АККА. Однако, я полагаю, Варс и Кимпен уже позаботились о ней.

— Ты — предатель! — воскликнул Джон Стар.

— Конечно, Джон. Мы заберем ее. Я полагаю, нам придется убить ее после того, как она выдаст нам свой маленький секрет. И очень плохо, что она такая красотка.

Джон Стар стоял неподвижно, не веря собственным ушам, и Эрик Ульмар улыбнулся.

— Я предатель, Джон, если пользоваться твоим определением. Но ты — нечто хуже. Ты дурак, Джон. Я привез тебя с собой, потому что мне нужен был надежный человек для пополнения стражи и потому что мой дядя настаивал, чтобы тебе предоставили в жизни шанс. Похоже, он был слишком хорошего мнения о твоих способностях.

Внезапно Эрик Ульмар разразился пронзительным девичьим хихиканьем.

— Ты дурак, Джон! Если ты хочешь знать, какой ты большой дурак, только взгляни вверх!

И благородная золотистая голова иронично дернулась.

Джон Стар не сводил с него взгляда, ожидая подвоха, могущего отвлечь его.

Едва взглянув вверх, он понял, что ему угрожает. В пятидесяти футах над ним висело нечто, похожее на гондолу. Машина из ярко-черного металла, подвешенная на тросах к огромному суставчатому стволу, который вытянулся из чрева летательного аппарата, внутри которого виднелись титанические черные механизмы.

В гондоле он мельком заметил нечто. Черные борта не позволяли видеть это ясно. Однако то небольшое, что он увидел, заставило кровь застыть в жилах. Вдоль позвоночника побежали мурашки, по телу как бы пошел электрический ток. Дыхание стало прерывистым, сердце стучало, все тело напряглось и дрожало. Один лишь взгляд на это нечто пробудил все его инстинкты самосохранения — само присутствие этого поднимало в душе первобытный ужас.

И все же под тенью огромной черной машины он мало что увидел. Выпуклая темная поверхность, прозрачно-зеленая, скользкая, пульсирующая слизнеобразной жизнью. Поверхность тела чего-то огромного и совершенно чужого.

Он увидел, что из-за бортов на него зловеще глядит глаз. Длинный, овальный, блестящий. Колодец холодного пурпурного пламени, замутненного древней мудростью, вкупе с чистым злом. И это было все.

Выпуклая, колышущаяся зеленая поверхность. И этот пурпурный глаз. Он не мог больше смотреть. Но этого было достаточно, чтобы в нем проснулись все реакции первобытного страха.

Страх заставил его онеметь. Он остановил его дыхание и задержал сердцебиение. Он всыпал в его глотку пыль ужаса. Он омыл его члены ледяным потом. Наконец, Джон освободился от оцепенения и вскинул оружие. Однако то, что находилось в гондоле, ударило

первым. Из борта машины вырвался красноватый газ. Что-то ударило его по плечу. Всего лишь холодное дыхание. А потом красное землетрясение невыносимой боли швырнуло его на песок. Черное забвение принесло избавление от боли.

Когда сознание вернулось, он с трудом сел. Он был буквально растоптан, все тело дрожало, было мокрым от пота. Рука и плечо были парализованы и горели от страшной боли. Ничего не соображая, наполовину ослепший, он огляделся.

Эрик Ульмар исчез, и он сразу же обнаружил, что не видит черной гондолы. Но циклопический корабль по-прежнему чудовищно возвышался на фоне зеленоватого марсианского неба. Он рассматривал путаницу лопастей, ярусов и труб, пока наконец не увидел качающегося механизма. Титанический кран протянулся к самому форту. Механизм как раз поднялся над красными стенами, когда он обнаружил его. Тросы быстро втянулись. Ствол длиной в милю телескопически сложился, и огромное отверстие в черном сферическом корпусе, поглотило гондолу. Должно быть, они забрали Эрика Ульмара и затем вернулись в форт, чтобы взять на борт Варса и Кимплена с Аладори. Девушку, подумал он, и сердце его защемило, уже затащили во вражескую машину.

В самое ближайшее время она поднялась. Пелена зеленого пламени вырвалась из пещероподобных дюз. Вытянулись бескрайние эбеновые крылья, чтобы опираться на разреженную атмосферу Марса. Земля задрожала под ним, когда черные полозья подняли свою ношу над каменистой пустыней. Чудовищная злая птица-машина грозно поднималась в зеленоватом небе в фиолетовый зенит.

Грохот подъема ударил его, вверг в бушующее море песка. Жаркий ветер преисподней взметнул вверх занавеси желтого песка, осушил его пот, ослепил и опалил его. Он следил, как корабль превратился в уродливое черное насекомое. Зеленое пламя померкло. Чем дальше, тем менее различим он становился и, наконец, исчез.

Он лежал на песке, в отчаянии и боли, кляня себя за глупость. Подняться он смог лишь вечером, все еще очень слабый. Его рука и плечо были непонятным образом обожжены, словно его облили какой-то едкой жидкостью. Кожа была жесткая, покрытая зеленоватой твердой чешуей.

На трупe капитана Стана были те же следы. И глаз того зеленого колышущегося монстра — это был тот же самый кошмар, который он видел в свое окно. Да, это нечто из корабля убило Стана.

Ведомый слабым искоркой иррациональной надежды, он вскарабкался по склону холма в старый форт, чтобы обыскать обитаемые помещения. Там было тихо и совершенно пусто. Аладори, разумеется, исчезла, и АККА была похищена. Аладори, такая нежная и красивая, была в руках Эрика Ульмара и тех чудовищных существ с темной планеты Звезды Барнарда.

Лишь дикая злость на себя не позволила ему сдаться. Восхищение знаменитым родственником слишком долго ослепляло его. Неправильно понятый долг legionера привел его к этой ошибке. Сам того не желая, он помог предать Зеленый Холл и Легион.

«ПУРПУРНАЯ МЕЧТА»

— О, дружище, наконец-то ты подумал и о нас, — засопел из мрака за решеткой старой тюрьмы Жиль Хабибула. — Мы уже бог знает сколько времени торчим здесь, взаперти, в смертельно холодной и темной камере. Мои старые кости болят от этой несчастной сырости. К тому же, дружище, я жутко проголодался. Как могли вы запереть нас на столь долгий срок, не оставив даже жалкого кусочка еды? Неужели ты, дружище, никогда не испытывал грызущего чувства голода?

Джон Стар отомкнул скрипучую ржавую дверь. Единственное, что он мог сделать, чтобы хоть частично исправить беды, нанесенные предателем-родственником. Хотя, самое главное, спасение Аладори и ее могущественной тайны было всего лишь надеждой.

— Дружище, не мог бы ты принести нам супчику? — ныл старый legionер. — И бутылочку старого винца из погреба? Чтобы хоть немного оживить нас и дать нам сил

выносить лишения.

— Я собираюсь выпустить вас, — сказал Джон Стар и добавил с горечью: — Это все, что я могу сделать, чтобы хоть немного уменьшить последствия собственной глупости.

— Другище, ты должен помочь нам выползти к солнышку. Не забудь, что мы смертельно ослабели. И проголодались. Ни крошки не ели с тех пор, как ты нас запер. Ни маковой росинки. Мы заживо гнили в подземелье все эти смертельные недели. Ах, и тратили свое великолепное искусство на попытки открыть замок; разрушенный коварной ржавчиной.

— Недели? Это было меньше десяти часов назад. Я позволил вам съесть весь завтрак, а там было еды на целый полк.

— Не мучьте меня своими шутками. Я превратился от истощения в жалкий мешок с костями. Во имя жизни, другище, помогите старому Жилью Хабибуле выйти к свету и дайте ему капелькой вина согреть бедную старую кровушку.

Наконец, старый засов соскочил, и Жиль Хабибула, качаясь, вышел. За ним выбрался Хал Самду, и третьим, осторожно ступая, шагал Джей Калам.

— Мы свободны? — спросил последний.

— Да, — сказал Джон Стар. — Это все, что я могу сделать. Я был полным идиотом. Никогда мне не искупить вину в том, что я помог Эрику Ульмару осуществить его план. Хотя и собираюсь посвятить этому всю свою жизнь.

— Что произошло? — В голосе Джея Калама звучала тревога.

— Как и предполагала Аладори, Эрик Ульмар был предателем. После того, как я запер вас троих, путь перед ним был открыт. Корабль, тот, что приземлился вчера ночью, прибыл с планеты Звезды Барнарда. Чудовищные существа на его борту — союзники Эрика. Это одно из них убило капитана Стана. Эрик пообещал им корабль, груженный железом, в награду за их участие. Железо у них ценится. Корабль увез Эрика и Аладори. Меня вывели из строя. Я только сейчас смог ходить.

— Это Пурпурные?

— Да. Как и думала Аладори. В их намерения входит восстановление Империи, и Эрик будет на троне.

Они вышли во двор, ярко освещенный полуденным солнцем. Жиль Хабибула стоял, вытянув перед собой толстые руки, и глядел в изумлении. Он помял пальцами тяжелую челюсть, похлопал себя по выпуклому брюху.

— Во имя жизни, другище, — прохрипел он. — Скажи мне, это не шутка? Неужели это тот самый смертельный день? А как же голодовка? Мои несчастные сапоги!

— Забудь о своем чреве, Жиль! — закричал Хал Самду, медлительный и спокойный великан. Он повернулся к Джону Стару, разгневанный, с красным лицом.

— Этот Эрик Ульмар. — Он тяжело дышал, не в силах совладать с гневом. — Он забрал Аладори, ты говоришь?

— Да. Я не знаю, куда.

— Мы выясним, куда. И вернем ее. А Эрика Ульмара...

— Конечно. — Это был тихий и спокойный голос Джея Калама. — Конечно, мы попытаемся спасти ее. Безопасность Системы требует этого, если не говорить о том, что мы в долгу перед Аладори. Первое, что от нас потребуется, — это выяснить, где она, — что будет не просто.

— Мы должны выбраться отсюда, — сказал Джон Стар. — Здесь есть радио?

— Маленький ультракоротковолновый передатчик.

— Мы должны сообщить немедленно в штаб Легиона.

Джон Стар поморщился и горько добавил:

— Да, конечно, сообщить, какого дурака сделал из меня Эрик Ульмар.

— Не из тебя одного, — спокойно возразил Джей Калам; — И другие, рангом повыше, попались на его удочку. Иначе он сюда не попал бы. Ты мало что мог сделать. Единственная твоя вина — выполнение приказов. Забудь свои печали, давай исправлять причиненный ущерб.

— Пошли. Мы пошлем сообщение на базу, если они не разбили передатчик перед уходом.

Однако, маленький передатчик, помещавшийся в небольшой комнате в башне, был тщательно и полностью уничтожен. Лампы разбиты, конденсаторы превращены в бесформенный металл, батареи выпотрошены, провода разрезаны на кусочки.

— Разрушен, — сказал он.

— Мы должны его отремонтировать! — закричал Джон Стар.

Но при всем своем оптимизме он вскоре должен был признать невозможность этой задачи.

— Тут делать нечего. Но кое-что должно быть. Корабль обеспечения.

— Не вернется в течение года. Он приходит редко, чтобы не привлекать внимания, — сказал Джей Калам.

— Но если наша станция будет хранить молчание, неужели они ничего не заподозрят?

— Мы связываемся только в крайних случаях. Передатчиком мы практически никогда не пользуемся. Сигналы можно перехватить, и станцию запеленговать. Мы полагались на абсолютную секретность, а также на саму АККА. И, конечно, Аладори не держала свое оружие наготове, опасаясь, что оно может быть выкрадено. Что и дало на этот раз возможность предателям захватить ее. Мы не были готовы к измене.

— А можно пройти пешком?

— Невозможно. В пустыне нет воды. Это одно из самых изолированных мест на Марсе. Нам не нужны были случайные посетители.

— Но должно же быть кое-что...

— Мы должны поесть, дружище, — настаивал Жиль Хабибула. — Пусть это даже самый смертельный день. Ничто так не ускоряет работу ума, как добрая еда. Хороший ужин, дружище, с бутылочкой старого вина, и ты вызволишь нас отсюда в эту же несчастную ночь.

И, действительно, когда он выпил бокал вина из замечательного погреба старого форта, на него нахлынуло вдохновение.

— У нас есть фонари! — вскричал он. — Мы должны установить их на полную мощность. Ничего, если в этом случае они скоро погаснут. Пошлем сигнал бедствия. На темном фоне пустыни он будет хорошо виден из космоса.

— Попробуем, — согласился. Джек Калам. — Может быть, заметят. Если даже не с крейсера Легиона, то все равно можно будет передать это сообщение по любой рации.

— Ага, дружище, что я тебе говорил! Что тебе говорил бедный старый Жиль Хабибула? Разве капелька вина не обострила твой ум?

Когда зеленое свечение погасло и холодная чистая марсианская ночь опустилась на красный ландшафт, Джон Стар стоял наготове на платформе северной башни, и его карманный фонарь был у него в руке. Несколько витков были убраны, чтобы в тысячу раз увеличить его яркость.

Он светил им в испещренную звездами ночь, снова и снова посылая кодированные сигналы бедствия. Фонарь обжигал ладони, и, когда электроды догорали, перегруженные витки погасли. Однако наготове с другим фонарем стоял Джей Калам, и его фонарь вспыхнул в ту же секунду. Он посылал безмолвный призыв о помощи.

Сейчас ему казалось невероятным, что сегодня утром на этой платформе рядом с ним стояла Аладори. Невероятным, ибо сейчас она затерялась где-то в черном водовороте космоса, возможно, в десяти миллионах миль от него. В сердце сидела боль. Он опять рисовал в воображении, как она стоит — стройная, изящная, ясно очерченная. Глаза серьезные, холодные, серые. Коричнево-золотистые волосы горят на солнце. Его решимость освободить ее была бы не меньшей, если бы она была просто частицей человечества, а не хранительницей бесценного сокровища Системы.

Спустя долгое время после полуночи погас последний фонарь. Затем до лимонно-зеленого рассвета они ждали на платформе, вглядываясь в испятнанный звездами пурпур, с вожделением ожидая, когда голубые сполохи дюз сообщат о появлении

спускающегося корабля. Однако они не видели ничего, кроме слабо различимой искорки Фобоса, поднимающейся на западе и быстро переползающей к востоку.

Жиль Хабибула был рядом с ними. Он лежал на спине, мирно похрапывая. Он проснулся с рассветом и спустился на кухню. Неожиданно он закричал, что завтрак готов. Остальные уже были готовы в отчаянии покинуть башню, когда услышали рев дюз приземляющегося корабля.

Длинный серебристый корабль, стрела белого пламени в утреннем солнце, опускающаяся над фортом, выталкивала перед собой голубое пламя дюз.

— Крейсер Легиона! — воскликнул Джон Стар. — Новейший, самый быстрый тип.

Его голубые глаза, прищурившись, смотрели на корабль. Хал Самду прочитал на борту название:

— «Пурпурная»... что-то вроде «Пурпурная Мечта».

— «Пурпурная Мечта»? — эхом отозвался Джей Калам. — Это флагман флота Легиона. Это корабль самого командора.

— Корабль командора? — эхом повторил Джон Стар, сразу упав духом. — Я боюсь, что он не принесет нам ничего хорошего. Командор Адам Ульмар — дядя Эрика, подлинный лидер Пурпурных. Это Адам Ульмар послал Эрика в звездную экспедицию и это Адам Ульмар нашел Аладори в ее убежище и назвал Эрика командиром ее стражи. Боюсь, что от командира Легиона нам нельзя ожидать ничего, кроме неприятностей.

ВАКАНТНАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Четверо вышли из старых ворот. Жиль Хабибула поглощал припасы, рассованные по карманам. Они спустились по красному каменистому склону к «Пурпурной Мечте», располагавшейся посреди дюн желтой пустыни.

Офицер, человек слишком старый для своего ранга, худой и порывистый, с челюстью, похожей на капкан, появился в открытом шлюзе.

— Это вы посылали сигнал бедствия?

— Мы, — сказал Джон Стар.

— В чем ваша проблема?

— Мы должны покинуть это место. Нам необходимо немедленно явиться с сообщением в Зеленый Холл.

— Каким именно сообщением?

— Это конфиденциально.

— Конфиденциально? — медленно повторил офицер, глядя вниз водянистыми глазами. — Тогда поднимайтесь на борт, в мою каюту.

Они поднялись по трапу и прошли за ним по узкой палубе в его каюту. Закрыв дверь, он повернулся к ним с явно раздраженным видом.

— Вам совершенно нечего от меня скрывать. Я капитан Мадлок. Я пользуюсь полным доверием командора Ульмара. Я знаю, что вы были отправлены сюда на охрану бесценного сокровища. Что у вас произошло?

Все хранили молчание. Джей Калам имел привычку выжидать. Хал Самду был немногоречив. Жиль Хабибула был слишком осторожен. Джон Стар горько произнес:

— Это сокровище потеряно!

— Потеряно? — рявкнул Мадлок. — Вы потеряли АККА?

Джон мрачно кивнул. Сердце его ныло.

— Сюда был подослан предатель.

— Меня не интересует алиби. Вы признаете, что не оправдали наше доверие?

— Похищена Аладори Антар, — жестко сказал Стар. Резкое лицо Мадлока заставило его вспомнить лекции по воинской вежливости. — Я полагаю, сэр, что эти новости следует сообщить в Зеленый Холл.

В голосе Мадлока звенел металл:

— Я сделаю все необходимые сообщения.

— Сэр, поиски надо начать немедленно, — настойчиво сказал Джон Стар.

— Я не принимаю от вас приказов, многоуважаемый. И я немедленно отправлю вас четверых к командору Ульмару, на его базу на Фобосе. И вы сообщите ему о своем провале.

— Сэр, нельзя ли мне вернуться на несколько минут? — попросил Жиль Хабибула.

— Для чего?

— Всего лишь несколько жалких ящиков старого винца.

— Что? — изумился Мадлок. — Винца? Мы отправляемся немедленно.

— Я прошу прощения, сэр, — хмуро вмешался Джей Калам. — Наша миссия представляет нам особое положение в Легионе, невзирая на военный ранг. Мы не находимся под вашим командованием.

— Ваши сигналы были замечены в личной обсерватории командора Ульмара на Фобосе, — рявкнул Мадлок. — Предположив, и не без оснований, что вы не оправдали нашего доверия и потеряли АККА, он послал меня, чтобы доставить вас в Пурпурный Холл. Я полагаю, что вы должны подчиниться командиру Легиона. Мы отправляемся через двадцать минут.

Джон Стар слышал о резиденции Ульмара на Фобосе, ибо знаменитая роскошь Пурпурного Холла славилась по всей Системе. Ближняя к Марсу луна, кусок скалы менее двадцати миль в диаметре, всегда, по праву освоителей, принадлежал Ульмарам. Оборудовав пустынную каменистую поверхность искусственными гравитационными системами, синтетической атмосферой и морями, искусственной воды, вырастив леса на почве, изготовленной из химических веществ и дезинтегрированного камня, планетарные инженеры превратили его в замечательную личную резиденцию.

У себя в резиденции Адам Ульмар, приобретая архитектурные проекты Зеленого Холла, а именно колоссального здания конгресса солнечной системы, повторил его до последней комнаты. Однако в основании оно было на дюйм шире, и использовалось при его постройке не зеленое, а пурпурное стекло.

«Пурпурная Мечта» опустилась на посадочную площадку на вершине титанической квадратной башни. Джон Стар увидел крыши огромных крыльев здания, блестящую пурпурную поверхность, простирающуюся над яркой зеленью газона и сада. Далее — леса и холмы крошечного мира, казалось, обрывались с заволаживающей внезапностью. Так что он чувствовал себя так неудобно, словно находился на вершине зеленого шара, плывущего в звездной, пурпурно-синей бездне.

Они спустились на лифте на три тысячи футов в сопровождении Мадлока и полудюжины бдительных, вооруженных мужчин с крейсера и прошли в удивительную комнату. Скопированная с Зала Совета Зеленого Холла, она была площадью в 500 квадратных футов и имела форму грандиозного купола. Галереи и стены с колоннами освещались разноцветными лампами, подчеркивающими эффект огромного пространства и роскоши. В центре зала, сгруппировавшись на участке, казавшемся крошечным, располагалась тысяча кресел, такие же как в Зале Совета Зеленого Холла. Над ними, на высоком помосте, стоял величественный трон из пурпурного стекла под балдахином. На его сиденье лежала старая корона и скипетр императоров в ожидании. Они прошли, изумленные и очарованные, под шепчущими сводами, обошли помост. За тронем они проследовали в маленькую комнату, охраняемую стражниками. Здесь, за простым столом, сидел Адам Ульмар, командир Легиона, хозяин всей этой роскоши, несметных богатств и обладатель власти, которую они ему предоставляли.

В два раза старше Эрика Ульмара и в два раза превосходящий его весом, Адам Ульмар был столь же красив, как и его племянник. Прямой, с квадратными плечами, он носил обычную форму Легиона без знаков отличия. В лице его была спокойная сила, нос крупный, рот мягкий. Глубоко посаженные синие глаза контрастировали довольно резко с девичьей вялостью узкого лица Эрика. Его длинные волосы, почти белые, были для него почти такой же характерной чертой, как и золотистые волнистые локоны для Эрика.

Джон Стар, к своему удивлению, почувствовал немедленную приязнь к этому человеку одной с ним крови, столь щедрого к своему неведомому родственнику, но теперь, похоже, предателю Легиона, которым он командовал.

— Командор, это люди, — кратко сообщил Мадлок, — которые потеряли АККА.

Адам Ульмар взглянул на них без удивления, на его выразительном лице блуждала слабая улыбка.

— Так это вы охраняли Аладори Антар? — спросил он, голос его был хорошо поставлен и приятен. — Ваши имена?

Джон Стар назвал своих спутников.

— А я Джон Ульмар.

Вновь улыбнувшись, Адам Ульмар встал из-за стола.

— Джон Ульмар? Надо думать, мой родственник?

— Я тоже так считаю.

Он стоял, не улыбаясь.

Адам Ульмар обошел вокруг стола, чтобы приветствовать его с теплой вежливостью.

— Мы поговорим наедине, Джон, — сказал он и кивнул Мадлоку, который удалился вместе с остальными.

После этого он повернулся к Джону Стару и сказал радушно:

— Приветствую тебя, Джон. Мне бы хотелось встретиться с тобой пораньше и при иных обстоятельствах. Академия Легиона дала тебе замечательную характеристику. Я задумал для тебя карьеру тоже замечательную.

Джон Стар, оставшись стоять с напряженным лицом, сказал жестоко:

— Надо думать, мне следует поблагодарить вас, командор Ульмар, за мое образование и направление в Легион. Несколько дней назад я сделал бы это с большой радостью. Сейчас же мне кажется, что меня обманули и превратили в инструмент.

— Я бы не сказал этого, Джон, — мягко возразил Адам Ульмар. — Это верно, что события пошли не так, как я запланировал. Эрик взял на себя слишком многое. Однако я направил тебя под его непосредственное начало. Я собирался...

— Под начало Эрика! — горячо воскликнул Джон Стар. — Предателя! А я-то просто боготворил его, не зная, кто он. Выполняя его приказы, я предал Легион и Зеленый Холл.

— Предатель — слишком грубое слово, Джон, для политических разногласий.

— Политические разногласия! — Голос Джона Стара срывался от ярости. — Вы признаете, что нарушили свой долг офицера Легиона? Вы, сам командир Легиона?

Адам Ульмар тепло улыбался ему, его это забавляло.

— Разве ты не понимаешь, Джон, что я — самый богатый человек в Системе? Что я — самый могущественный и влиятельный? Разве тебе не приходит в голову, что быть сторонником Пурпурного Холла гораздо выгоднее, чем поддерживать демократию?

— Вы пытаетесь, сэр, сделать из меня предателя?

— Прошу тебя, Джон, не применяй этого слова. Форма правления, за которую я стою, санкционирована историей гораздо раньше, нежели твои глупые идеи о равенстве и демократии. И, в конце концов, Джон, ты же Ульмар. Если ты поймешь свое преимущество, я смогу дать тебе богатство, положение и власть, чего ты от своей нынешней непрактичной демократии никогда не добьешься.

— Я этого не пойму.

Джон Стар по-прежнему стоял, напрягшись, перед столом. Адам Ульмар подошел к нему и настойчиво взял его за руку.

— Джон, — сказал он. — Ты мне нравишься. Даже когда ты был очень маленьким — я не думаю, что ты помнишь, что мы встречались, — ты проявлял качества, которые мне по душе. Твоя храбрость и эта упрямая целеустремленность, которая нам сейчас так мешает, — это то, чем не может похвастаться мой племянник.

Я заинтересован в твоей карьере. Я участвовал в ней гораздо больше, чем ты думаешь. Твое продвижение в Академии, все, что ты сделал, было под моим пристальным

наблюдением.

У меня нет сына, Джон. А семья Ульмаров не очень велика. Только Эрик, сын моего несчастного старшего брата, ты и я. Эрик на двенадцать лет старше тебя, Джон. Он был избалован в детстве. Ему всегда говорили, что однажды он может стать императором. Он испортился. И мне не совсем нравятся результаты, Джон. Эрик слаб. Он твердолюб и коварен. Этот союз с существами планеты Убегающей Звезды — это прием труса. Он пошел на него без моего согласия. Потому что боялся, что мои планы восстания потерпят провал.

Мне крайне не нравится результат, Джон.

Что же касается тебя, то я устроил тебя в Академию, не сообщая тебе о своем высоком положении. Я хотел, чтобы ты научился полагаться на себя, выработал характер, уверенность и храбрость.

Последнее событие, Джон, было чем-то вроде проверки. И оно доказало, надо думать, что ты обладаешь всем, на что я рассчитывал. Кроме того, ты мне нравишься.

— Да, — сказал холодно Джон Стар и замолчал.

— Империя будет восстановлена. Ничто не сможет остановить нас, Джон. Зеленый Холл обречен. Однако я не хочу ставить на это место слабого человека. Ульмары — старая фамилия, гордая фамилия, Джон. Наши предки заплатили за Империю кровью, трудом и мозгами. Я не хочу, чтобы наше имя было опозорено, а такой человек, как Эрик, может опозорить его.

— Вы хотите сказать... — закричал пораженный Джон Стар. — Вы хотите сказать, что я...

— Именно, мой мальчик. — Адам Ульмар улыбался, его приятное, гордое, выразительное лицо светилось надеждой. — Я не хочу, чтобы Эрик Ульмар был Императором Солнца, когда Зеленый Холл будет низложен. Новым императором будешь ты.

Джон Стар стоял, не шевелясь, молча глядя в красивое сильное лицо с короной белоснежных волос.

— Да, ты будешь императором, Джон, — мягко повторил Адам Ульмар, ласково улыбаясь.

— Ты подходишь гораздо лучше, чем Эрик, ты на прямом пути к цели. Я получил подтверждение.

Джон Стар встряхнул руками и сделал шаг назад, недоверчиво смеясь.

— В чем дело, Джон? — Высокий командор выглядел глубоко удивленным. — Ты не...

— Нет! — Джон справился с дыханием и добавил решительно: — Я не хочу быть императором. Если бы даже я стал императором, я бы отрекся. Я бы восстановил Зеленый Холл.

Адам Ульмар медленно вернулся за стол и тяжело, устало сел. Долгое время он безмолвно сидел, глядя на напряженную решительную фигуру Джона Стара в хмурой задумчивости.

— Я вижу, — сказал он наконец, — что ты серьезен. Неудачный результат твоего обучения, чего я не мог предвидеть. Я думаю, что сейчас тебя слишком поздно изменять.

— Я уверен в этом.

Адам Ульмар снова задумался, и затем, когда он вдруг встал, его длинное лицо стало властным и решительным.

— Я надеюсь, ты понимаешь ситуацию, Джон... Наши замыслы будут осуществлены. Если не ты, то Эрик будет Императором Солнца. Возможно, прислушиваясь к моим советам, он будет править не слишком плохо. В любом случае, Зеленый Холл обречен. Я думаю, что ты, со своими дурацкими убеждениями, будешь против нас?

— Да, — тепло пообещал Джон Стар. — Я ни на что другое не надеюсь, только на срыв ваших подлых планов.

Адам Ульмар кивнул. Какой-то миг казалось, что он улыбается.

— Я знаю это. — В его печальном язвительном голосе отчетливо звучала фамильная гордость. — И это означает, Джон Ульмар, — я буду столь же честен с тобой, как и ты со

мной — это означает, что ты должен провести всю свою жизнь в заключении, иначе будет необходимо тебя убить. Я слишком уверен в твоих способностях и целеустремленности, чтобы оставить тебя на свободе.

— Спасибо, — сказал Джон Стар голосом более теплым, чем ему бы хотелось.

Что-то смягчило гордую властность на лице старого командора.

— Так до свидания, Джон. Мне жаль, что нам приходится расставаться именно так.

Он положил ладонь на плечо Джона, и на лице его было сочувствие, когда тот невольно вздрогнул от боли.

— Ты нездоров?

— Какое-то оружие с черного корабля. Оно делает зеленые ожоги.

— А, красный газ! — Неожиданно командор стал очень хмур. — Приоткрой тунику, дай мне взглянуть. Похоже, что это некий аэробный вирус. Хотя отчеты, привезенные экспедицией, неполны и крайне запутаны. Его воздействие очень неприятно, однако мои эксперты в области планетарной медицины научились с ним бороться. Повернись-ка, дай я еще раз посмотрю... Ты должен немедленно лечь в госпиталь. И я думаю, мы сможем тебя вылечить.

— Спасибо, — сказал Джон Стар менее угрюмо. Ибо он слышал ужасные рассказы о несчастных людях, заживо гниющих в ужасных мучениях от такого газа.

— Мне жаль, мой мальчик, что я ничего другого уже не смогу для тебя сделать. Я очень сожалею, что ты предпочел заключение после госпиталя, а не пустующий трон императора.

ЗОВ СВЫШЕ ЖИЛЯ ХАБИБУЛЫ

В госпитальной палате, в южном крыле колоссального Пурпурного Холла, грубоватый немногословный доктор промыл рану Джона Стара голубым, слегка люминесцирующим раствором, наложил густой слой мази, перевязал и отправил его в постель. Двумя днями позже старая кожа стала отваливаться жесткими зеленоватыми чешуйками, оставляя под собой новую здоровую плоть.

— Хорошо, — сказал лаконично врач, придя осмотреть его. — Даже шрама не осталось. Тебе повезло.

Джон Стар применил один из приемов, которым он научился в Академии. Он вышел из палаты в одежде доктора, оставив его с кляпом во рту, связанного, разъяренного, но невредимого.

Четверо в форме Легиона встретили его за дверью. Они были вооружены, ничуть не удивились и даже соблюдали вежливость.

— Прошу сюда, Джон Ульмар, если вы уже готовы отправиться в тюрьму.

Джон Стар молча кивнул, напряженно улыбаясь. Тюрьмой служило просторное кубическое помещение над северным крылом Пурпурного Холла. Стены его были из белого металла, блестящего и непробиваемого. Тройные двери были массивными, каждая представляла собой отодвигавшуюся броневую плиту. В узких коридорах между ними находились стражники. Механизм позволял открываться одновременно только одной двери, так что две другие постоянно преграждали путь к свободе.

Тюремный блок располагался в центре громадной комнаты — двойной ряд больших железных клеток, разделенных листовым металлом. В каждой камере были жесткие узкие нары, рассчитана такая камера была только на одного человека. Один стражник находился на часах, постоянно обходя вокруг блока.

Джон Стар, запертый в одиночестве, удрученно бросился на нары. Сердце его искало путь к свободе, ибо Легион под началом Адама Ульмара не предпримет никаких попыток спасти Аладори. Зеленый Холл, с горечью подумал он, не будет даже информирован об утрате АККА. Но как бежать, как покинуть запертую камеру? Как обмануть часового, вооруженного только дубинкой на тот случай, если кому-нибудь из узников удастся его

обезоружить? Как пройти через три двери со стражниками между ними? Как пробраться по бесконечному коридору Пурпурного Холла, надежной крепости? Как, наконец, покинуть крошечную планету, ставшую личной империей Адама Ульмара, охраняемой его верными сподвижниками? Как совершить невозможное? В соседней камере кто-то льстиво заговорил:

— О, друг, неужели в тебе нет сердца? Нас посадили в эту зловещую камеру на хлеб и воду. Неужели у тебя сердце из камня, приятель? Ведь ты же можешь принести нам что-нибудь еще на ужин, какой-нибудь вкусный кусочек, чтобы пробудить наш аппетит к тюремному пайку, скажем, толстую отбивную с грибным соусом и по мясному пирогу для каждого из нас. Только для аппетита!

— Для аппетита, мешок с салом? — откликнулся добродушно часовой, проходя мимо. — Ты ешь столько, что хватило бы семерым.

— Конечно, — занял голос вновь, — что еще может делать человек, заслуженный старый солдат Легиона, гниющий заживо в этом черном подземелье, обвиненный в убийстве, измене долгу и бог знает еще в каких преступлениях, которые он не совершал. Поэтому иди, приятель, и принеси мне бутылочку вина. Одну лишь жалкую бутылочку. Оно слегка согреет бедного старого солдата, окоченевшего среди этих железных стен. Оно поможет мне забыть о трибунале и о камере смертников после вынесения приговора. Ведь, видит бог, они хотят убить всех нас троих. Как ты можешь быть таким бессердечным, дружище? Как ты можешь отказать в капелке счастья человеку, уже обреченному и почти покойнику? Иди, во имя жизни. Ах, друг, только одну бутылочку для бедного, голодного, избитого, проклятого, старого Жиля Хабибулы!

— Хватит! Молчать! Я уже принес тебе сегодня все, что можно! Ты уже вылакал сегодня шесть бутылок. Начальник тюрьмы говорит — хватит. Мне еще никогда не приходилось слышать о подобной мягкости. Лишь благодаря особому разрешению командора тебе вообще разрешается пить. И больше никаких разговоров, таковы правила.

Джон Стар был рад, что опять слышит своих спутников, хотя то, что они дожидаются суда, было плохой новостью. Адам Ульмар, видимо, будет безжалостен к этим верным людям, чье единственное преступление заключается в том, что они знали об его измене.

Он удрученно лежал на узких нарах, как вдруг услышал тихий стук по металлической переборке над головой, который враз вытащил его из апатии.

Поскольку буквы выстукивались легионерским кодом, он понял:

— К-Т-О?

Он быстро и осторожно ответил:

— Д-Ж У-Л-Ь-М-А-Р.

— Д-Ж К-А-Л-А-М.

Он подождал, пока часовой снова пройдет мимо, и отстукал:

— Б-Е-Ж-А-Т-Ь.

— Е-С-Т-Ь Ш-А-Н-С.

— К-А-К?

— Д-У-Б-И-Н-К-А С-Т-Р-А-Ж-Н-И-К-А.

Уже большую часть дня и ночи Джон Стар смотрел на эту дубинку, которая проплывала за его решеткой через равные промежутки времени. Обычный 18-дюймовый деревянный стержень с резной рукояткой, обмотанной для тяжести зеленой проволокой. Он не мог понять, как ее можно использовать, однако, очевидно, она входила в некий план, возникший в отточенном, аналитическом уме Джея Калама.

Каждый стражник был заперт в большом помещении вместе с ними на четыре часа и обходил блок через каждые 15 минут, докладывая по переговорному устройству. Привычки часовых различались. Первый, добродушный мужчина, из осторожности носил дубинку не в той руке, что была ближе к узникам. Другой ходил в удалении и был недостижим. Третий был не столь осторожен и дубинку на кожаном темляке перекидывал с одной руки на другую. Однажды Джон Стар заметил, как он сделал это всего лишь в футах от его решетки. Напрягшись, он ждал, когда это повторится. Но его шанс еще не пришел.

Снова добродушный человек. И опять осторожный. Затем вновь тот, у которого дубинка болталась свободно.

Джон Стар ждал в течение часа, растянувшись на нарах, с мрачным выражением на лице, машинально выдергивая нитки из одеяла, и шанс представился. Каждое движение он продумал и прогнал у себя в голове. Он приготовился. Тренированное тело двигалось с легкостью и быстротой. Он беззвучно прыгнул, когда дубинка качнулась. Рука проскользнула между прутьями решетки. Сильные пальцы сомкнулись вокруг дерева. Он прижал колено и плечо к решетке, рука пошла назад. Все это произошло еще до того, как стражник смог повернуть голову. Кожаный темляк на запястье притянул его к решетке камеры, череп ударился о прутья. Он тихо упал. Джон Стар снял темляк с его обессилившей руки и прошептал:

— Джей, дубинка у меня.

— Я надеялся, что тебе удастся, — тихо и быстро прошептал Джей Калам из камеры справа от него. — Будь любезен, передай ее Жилу.

— Сюда, дружище. — Слева послышалось жуткое сопение. — Побейте, во имя жизни!

Он сунул дубинку за решетку и почувствовал, как пальцы Жили Хабибулы схватились за нее.

— Мне обыскать стражника? — прошептал он.

— У него нет ключей, — сказал Джей Калам. — Они знали, что это могло случиться. Надо положиться на Жилу.

— Мой отец был изобретателем замков, — послышалось сопение из камеры слева. — Мне было знамение свыше. Жиль Хабибула не всегда был старым увечным солдатом Легиона. В свои лучшие годы... — Голос затих.

Джон Стар взял себя в руки и стал молча ждать. Больше ничего не оставалось делать. В соседней камере Жиль Хабибула занимался делом. Ясно слышалось его тяжелое дыхание. Время от времени Джон Стар слышал жуткое бормотание:

— Смертельные минуты!.. Эта проклятая, проволока!.. Во имя жизни!.. О, бедный старый Жиль!

— Поторопись, Жиль — подал голос Хал Самду из камеры позади. — Поторопись.

Слышны были тихие лязгающие звуки.

— У нас еще пять минут. — Голос Дджея Калама был тих. — Потом стражник должен доложить.

Часовой застонал. Джон Стар молча отправил его в беспамятство при помощи приема, которому научился в Академии, — одного короткого удара ребром ладони.

Дверь распахнулась. Он вышел к Жилу Хабибуле. Приземистое и массивное тело старого легионера, казалось, дрожало от возбуждения, однако толстые руки были необычно уверенны и тверды, хотя он лихорадочно возился с дверью Дджея Калама, вскрывая ее с помощью куска проволоки, изогнутой, зеленой, из оплетки дубинки.

— Бедный старый Жиль не всегда был ленивым и бесполезным солдатом Легиона, парень, — отвлеченно сопел он. — Все было не так, когда он был молод и силен, прежде чем с ним случилась смертельная беда на Венере и ему пришлось вступить в этот жалкий Легион...

Дверь выпустила Дджея Калама, следующая дала свободу Халу Самду.

Не дыша, Джон Стар прошептал:

— Что теперь?

У них было четыре минуты, затем стражнику надо было докладывать. Огромная комната, в которой находился блок камер, имела массивные металлические стены, и окна в ней отсутствовали. Выход был только один, и между тремя запертыми, дверями в коридорах ждали вооруженные люди.

— Вверх, — сказал, как обычно настойчиво, Джей Калам. — На крышу блока.

Джон Стар подтянулся на решетках. Остальные быстро последовали за ним. Жиль

Хабибула пыхтел, сверху ему помогал Джон Стар, а снизу его поддерживал Хал Самду. Они забрались на металлическую сеть, которая покрывала второй ряд камер. Белый металлический потолок был в пятнадцати футах над ними.

— Вентилятор — прошептал Джей Калам.

Он указал на тяжелую металлическую решетку в потолке, из которой к ним нисходил прохладный поток. — Твоя очередь, Хал. Если и суждено тебе когда-нибудь применить свою силу, то именно сейчас.

— Поднимите меня! — потребовал гигант, вскинув огромные руки. Они подняли его. Пыхтящий Жиль Хабибула и Джей Калам стояли на сетке. Джон Стар, самый легкий из них, стоял у них на плечах, а огромный Хал Самду стоял на плечах у него. Решетка вентилятора была прочна, хотя ее и вставили туда, куда беглецы, по их мнению, не могли бы добраться. Огромные руки Хала Самду сомкнулись на прутьях. Он напрягся. Дыхание было коротким, прерывистым.

— Я не могу, — простонал он. — Не этим путем.

— У нас одна минута, — мягко сказал ему Джей Калам.

Гигант приподнялся на плечах Джона Стара и сложился пополам, упершись ногами по обе стороны решетки и виса на руках.

— Держи его! — воскликнул Джон Стар. Хал Самду напрягся, упираясь ногами в потолок. Лопнувший металл поддался. Он упал головой вниз с 15-футовой высоты, держа в руках вырванную решетку. Наверху разверзлась черная шахта, из нее изливался поток холодного воздуха.

Трое успели подхватить его на руки. Со стороны двери в большое помещение послышался воющий звук. Механизм замка открывал внутреннюю перегородку. Через несколько секунд войдут стражники, чтобы выяснить, почему молчит переговорное устройство.

— Ты первый, Джон, — сказал Джей Калам. — Ты самый легкий. Поможешь нам.

Они подняли его к отверстию. Он уперся коленями в край и свесился, вытянув руки.

Жиль Хабибула, сопя, полез первым, поддерживаемый снизу. Затем Хал Самду, спустивший Джона Стара, как живую веревку, чтобы Джей Калам мог ухватить его за руки.

— Эй! — прозвучал приказ из открытой двери. — Ни с места, или мы будем стрелять.

Они карабкались вверх, во чрево темной вентиляционной шахты. Опять прозвучала отрывистая команда.

Заряд протонного пистолета осветил темную шахту яркой вспышкой и разбросал горящий металл под ними. Искры ослепили их, жала электрическими уколами. Они ползли в изогнутом черном пространстве.

СО СМЕРТЬЮ ЗА СПИНОЙ

Горизонтальный проход, по которому они двигались, был из тяжелого листового металла, квадратного сечения, не более трех футов в высоту.

— Смертельно темно, как в кишке у кита, — сказал Жиль Хабибула.

Они ползли все вчетвером, стучаясь о заклепки и выпирающие части головами и конечностями. Впереди был Жиль Хабибула, за ним — Джей Калам и Хал Самду, а Джон Стар двигался последним. Стража, должно быть, замешкалась, разыскивая лестницу, — побег через вентиляционную систему застал их врасплох. Во всяком случае, погони поначалу слышно не было. Все четверо протискивались в узком пространстве, сильный ветер обдувал их. Жиль Хабибула пыхтел, как двигатель.

— Если это боковое ответвление, — задыхался Джей Калам, — мы должны повернуть лицом к ветру. Он поведет нас к отверстию, в которое поступает воздух. Надо будет пройти через вентиляторы воздухозаборников. Если мы заблудимся, они выловят нас как крыс.

Он замолчал. Ветер внезапно перестал дуть в лицо.

— Они вырубili вентиляторы, — прошептал он. — Теперь мы не сможем идти на

воздушный поток.

— Я слышу голоса, — прошептал Джон Стар. — Позади. Идут за нами.

— Во имя сладкой жизни, — засопел Жиль Хабибула чуть позже. — Смертельная стена! Я врезался в нее своей старой головой!

— Пошли, — сказал настойчиво Джей Калам за его спиной. — Наощупь, — добавил он. — Здесь должен быть путь.

— Моя жалкая голова! О да, путь здесь есть. Два пути. Мы подошли к другой галерее. Направо или налево?

— Пусть нас ведет слепой шанс, раз уж они остановили вентиляторы. Направо.

Они заторопились один за другим, опираясь на руки и разбитые колени.

Послышался крик со стороны Жили Хабибулы:

— Моя смертельная жизнь! Жуткая шахта! Я в нее наполовину провалился. Во имя жизни, не давите так! Я цепляюсь за край!

— Должно быть, колодец, ведущий вниз. Боюсь, мы повернули не туда — воздухозаборник должен быть выше. Однако поворачивать поздно. Пощупай на ощупь. Тут должны быть скобы — лестница на случай, если шахтам потребуется прочистка.

— О да, ты прав, Джей. Я нашел их, и до чего же они хлипкие для такого мужчины, как я! Ах, Джей, я лучше бы остался в камере, пусть бы они меня пытали, мучили голодом и делали с моим бедным старым телом все, что хотели, судили, запирали в камеру смертников. Джей, Жиль Хабибула слишком стар, слишком болен и ленив, чтобы бегать по черным крысиным норам на четвереньках и карабкаться во тьме вверх и вниз по хлипким лесенкам. Он вам не жалкая обезьянка.

И, тем не менее, он вмиг скользнул через край. Он уже грохотал вниз по темному трапу, остальные — за ним, улавливая его фразы сквозь прерывистое дыхание.

— Фу, — просопел он вдруг. — Боюсь, это все. Я добрался до дна. Пути нет, кроме тонких труб, через которые и крысе не пролезть.

Дрожащими кровоточащими пальцами они ощупывали поверхность, но не находили ответвления, достаточно большого для человека.

— Надо было свернуть налево, — сказал Джей Калам.

— Мы должны вернуться! — воскликнул Джон Стар. — Если мы поспешим, то, может быть, справимся с ними.

Теперь он уже мчался вперед вверх по трапу. Он достиг горизонтального прохода и двинулся по нему, не обращая внимания на ушибы и ссадины. Хал Самду наступал ему на пятки. Джей Калам тоже отставал ненамного. Жиль Хабибула, тяжело и прерывисто дыша, окликнул их издали:

— Ради драгоценной жизни, вы не можете покинуть бедного старого Жили. Подождите меня, ребята! Джей, Хал, вы не можете оставить своего бедного товарища на голод, пытки и смерть. Обождите одну лишь секундочку. Дайте бедному истощенному Жилу Хабибуле глотнуть хоть немножко воздуха.

Джон Стар увидел впереди на стене белый луч карманного фонаря. Выходит, преследователи только что приблизились к перекрестку. Он пополз, отчаянно стремясь встретить их первым. Свет падал из ответвления на стену ярким пятном. Он сориентировался на него и стал ждать, скорчившись за углом, стараясь дышать как можно тише. Сзади подошел Хал Самду, и он предостерег гиганта, нажав ему на ногу подошвой. Далеко позади он услышал жалобные призывы Жили Хабибулы:

— Всего лишь одну жалкую секундочку, ради самой сладкой жизни. Ах, бедный солдат, больной и измученный, заключенный и обвиненный как самый последний предатель, брошен своими товарищами и заперт в этой вонючей дыре, как подышающая крыса.

Фонарь вновь блеснул, на этот раз близко. Из бокового туннеля показался шедший первым человек. Джон Стар схватил его на вытянутую руку и вытащил из-за металлического угла.

Бой шел в полной темноте, потому что упавший фонарик погас. Свирепый бой:

неизвестный стражник сражался за свою жизнь, Джон Стар — более чем за свою. И краткий — все было кончено прежде, чем следующий человек дошел до перекрестка.

Академия Легиона многому научила Джона Стара — он знал каждую слабую точку человеческого организма. Он знал, как выкручивать конечности, чтобы они ломались, знал захваты, парализующие нерв, знал броски, убивающие противника с помощью его же силы. Он был легок, однако легионерские тренировки сделали его жестким и быстрым, и сейчас он имел все шансы на победу в схватке с другими легионерами.

Его противник пытался первым использовать тяжелый маленький протонный пистолет, находившийся у него в правой руке. Но обнаружил, что рука сломана в запястье. Тогда левой рукой он ударил во тьму, и собственный удар швырнул его на стену шахты. Он рванулся, пытаясь ударить назад, и сломал себе шею.

С этим все было кончено. Когда следующий человек включил фонарик, чтобы посмотреть, как проходит бой, Джон Стар уже держал протонный пистолет, выроненный первым стражником, наведя его прямо на туннель. Тонкая ищущая струя чистой электроэнергии — протонная вспышка жгла металл, воспламеняла горючее, разрезала плоть. Это узкий убийственный меч мощного фиолетового излучения, а не игрушка.

На все ушли секунды. У других людей было похожее оружие и тоже наготове, однако они вынуждены были мгновение помедлить, чтобы найти цель. Джон Стар не медлил. И пятеро человек погибли в шахте: трое от непосредственного контакта с лучом, двоих других убил разряд ионизированного воздуха. Протонный пистолет был не игрушкой. И Джон Стар сильно надавил на спуск, опорожнив одним выстрелом весь магазин.

Столь быстрая расправа вызвала у Джона Стара тошноту. Это был первый тест на те смертельные виды искусства, которым его обучали, — никогда прежде он не убивал человека. Его мутило. Он почувствовал слабость.

— Джон? — неуверенно прошептал Хал Самду.

— Я... со мной все в порядке. — Он попытался взять себя в руки. Выбора не было. Если бы ему пришлось убивать снова, он сделал бы это... «Несколько жизней, — сказал он себе мрачно, — ничто по сравнению с безопасностью Зеленого Холла. Или, — прошептала вторая часть его „я“, — с безопасностью Аладори.»

Он неуверенно наклонился над выроненным фонариком.

— Стражники... они все мертвы, — хмуро прошептал он. — Я убил их всех.

— У тебя протонный пистолет? — Хал Самду сам не сознавал своего страха.

— Мертвы! — Но вопрос вернул его в действительность. — Да. Хотя он бесполезен, пока я не найду запасного магазина.

Заставив себя, он обыскал ближайшее к нему тело и не нашел запасного магазина, затем двинулся к тем, кого убил луч.

Джей Калам встал.

— Ты применил протонный пистолет на полную мощность? Тогда бесполезно искать запасной магазин или вообще что-нибудь электрическое — все выгорело.

Он нашел второй протонный пистолет — полурасплавленный, дымящийся горелой изоляцией, он был настолько горяч, что жег пальцы.

Вдалеке, в стороне, где находилась тюрьма, послышалась команда. Они увидели отблески мерцающего света.

— Опять идут. Мы должны идти. На этот раз налево.

Жиль Хабибула с шумом поднялся. Он наткнулся на Джея Калама и засопел:

— Пора бы отдохнуть! Я потерял десять смертельных фунтов уже, шныряя по этим грязным и бесконечным крысиным норам. И я запарился, как...

— Пошли, — коротко позвал Хал Самду. — Ты еще больше запаришься, когда протонный разряд угодит тебе в корму.

Они двигались, отчаянные, исцарапанные, хватая ртами воздух, но без оружия, если не считать бесполезного протонного пистолета. Бежали все вчетвером, болезненно натываясь на выступы и углы.

— Играем в глупую игру в кошки-мышки, — хныкал Жиль Хабибула.

Джон Стар, шедший впереди, внезапно окликнул их:

— Вторая шахта — большая. Ведет и вверх, и вниз.

— Тогда вверх, — сказал Джей Калам. — Воздухозаборник должен быть над нами. Вероятно, на крыше.

Они поднимались по шатким металлическим скобам в тесной темной трубе.

— Крыша, — сказал внезапно Джон Стар. — Можем ли мы подняться на посадочную площадку на башне? На ней корабли.

— Возможно, — сказал Джей Калам. — Однако надо пройти мимо вентиляторов. Это довольно просто, если они остановлены. Но на посадочной площадке стража, а у нас нет оружия.

Они поднимались по бесчисленным скобам в непроглядной мгле. Дыхание давалось с болью. Мускулы скрипели и дрожали. Ободранные руки оставляли на металле кровавые следы.

Жиль Хабибула, плетясь в отдалении, шумно пыхтел, и все же ему хватало дыхания для жалоб:

— Ах, бедный старый Жиль умирает, хочет пить. Ну хоть один жалкий глоточек винца! Его несчастное горло стало сухим как кожа. Бедный старый Жиль! Ленивый старый больной Жиль Хабибула. Ему этого не вынести. Все вверх и вверх, и скоро почувствуешь, как превращаешься в смертельную механическую обезьяну.

— Я считал скобы, — сказал, наконец, тихо Джей Калам, прерывая молчание с невероятным мучительным усилием. Мы должны быть в башне.

Поток воздуха неожиданно обрушился на них, обдувая шахту.

— Снова вентиляторы! Интересно, почему?..

Вскоре он узнал, почему. Дующий сверху ветер усилился. Он превратился в злобный ураган. Он выл в ушах демоническими голосами. Он срывал с тел одежду. Он хлестал их когтистыми руками, наносил жестокие удары.

— Пытаются... — кричал Джей Калам, перекрывая его рев, — сбросить нас с лестницы. Вверх, остановить вентиляторы. — Ветер уносил его слова.

Джон Стар поднимался под безжалостными ударами воющего ветра, сражаясь с рвущими его демоническими когтями. Слабые металлические скобы дрожали, прогибаясь под его тяжестью. Медленно, мучительно он выигрывал у быстрого потока сантиметры. Наконец, в ушах раздался другой звук, громче визжавшего воздуха. Гул шестеренок, урчание огромных лопастей. Гудение перегруженных вентиляторов во тьме.

Медленно, дюйм за дюймом, карабкался он вверх, на вершину лестницы, на широкую платформу с вибрирующими металлическими перилами. Там он остановился, чтобы сыграть со смертью.

Где-то над ним рыскали огромные крылья, и он знал, что они не задержатся, даже если расколот ему череп и расплещут мозги.

Он осторожно двинулся, нащупывая путь. Он уже вышел из главного воздушного потока, поэтому мог передвигаться с большей легкостью. Хотя внезапные порывы еще набрасывались на него: это были руки демона, дергающие его к невидимым лопастям. Он двигался на шум шестеренок. Он осторожно изучил пальцами каркас вибрирующей машины. Он пытался представить в уме ее образ. Наконец, он нашел край вращающейся оси и медленно, осторожно ударил тяжелым маленьким пистолетом три раза подряд, но тщетно... Металлические зубья вырвали пистолет из его руки. Бурчание сменилось гневным рыком. Шестеренки ревели и завывали. Они жевали металл и злобно выплевывали осколки. И они сломались. Перегруженный металл кратко и яростно взревел. Затем — тишина. Покой. Невидимые урчащие лопасти замедлились и остановились. Демонический воздух стал недвижим. Джон Стар стоял безмолвно, тяжело дыша, давая отдых дрожащим мускулам; тем временем остальные поднялись к нему.

— Теперь в воздухозаборник, — тихо и требовательно сказал Джей Калам. — Прежде,

чем они придут сюда.

— Подождите жалкую секундочку, — засопел Жиль Хабибула, хватая ртом воздух. — Ради самой сладкой жизни, неужели вы не можете подождать ленивого старого солдата, карабкающегося словно белка в колесе?

Они вновь поднимались, карабкаясь по огромному неподвижному лезвию лопасти, по массивной безжизненной оси. Они бежали по огромному горизонтальному туннелю воздухозаборника и вышли на дно другой вертикальной шахты.

— Свет! — воскликнул Джон Стар. — Небо!

Квадратное отверстие на верху шахты светилось, как кусок сала. Хотя это было не небо, а всего лишь нижняя поверхность посадочной площадки.

Вверх по последней короткой лестнице, и вот, наконец, они стоят на крыше. Плоская, выложенная пурпурным стеклом огромная крыша была усеяна отверстиями других вентиляционных шахт и загромождена гигантскими опорами, поддерживающими огромную платформу взлетной площадки еще в ста футах выше.

— Они узнают, что мы здесь, — тихо напомнил Джей Калам. — Нельзя терять времени.

Они подбежали к краю крыши и снова стали карабкаться по диагональной решетке огромной вертикальной конструкции. Последние пять футов вокруг края гигантской металлической конструкции Джон Стар прошел в одиночестве.

Цепляясь, словно муха, он осторожно перевалился через край грандиозного плоского стола. Всего лишь в двухстах футах от него находился нос «Пурпурной Мечты». Стройная яркая стрела — флагман — сияла под маленьким солнцем, жарко горевшим под прозрачной атмосферой Фобоса.

«Пурпурная Мечта»! Всего лишь в тридцати ярдах были свобода и безопасность, возможность поиска Аладори. Щеголеватая, красивая, новейшая, лучшая, быстрее! Лучший крейсер флота Легиона. Великолепная надежда. И напрасная. Воздушный шлюз был задраен, сверкающий корпус непроницаем. В линии возле нее стояли наготове двенадцать вооруженных легионеров. Что за безумие — пытаться вчетвером захватить ее!

Четверо избитых, измученных, ободранных, безоружных беглецов против тысяч, гонящихся за ними. Что за безумие — пытаться захватить крейсер, самую мощную боевую машину в Системе!

Джон Стар знал, что это безумие. И все же отважился составить план.

ПЛАН

Он спустился обратно, к остальным, к холодному сосредоточенному Джею Каламу, порывистому молчаливому Халу Самду, хныкающему, скулящему Жилу Хабибуле.

— «Пурпурная Мечта» на месте. Люк направлен в нашу сторону и задраен. На страже — дюжина человек. Однако, мне кажется, у нас есть выход.

— Какой?

Он объяснил, и Джей Калам кивнул, тихо задав несколько вопросов.

— Попытаемся. Ничего другого не остается.

Они вновь спустились на крышу, причем Жиль Хабибула горько жаловался при каждом новом усилии. Они пробежали по диагонали по пурпурным стеклянным черепицам, среди путаницы опор и устало взобрались на платформу за «Пурпурной Мечтой».

Опять Джон Стар взглянул сверху вниз на поверхность крыши.

Ни часовых, ни погони сейчас уже не было видно. Этот титанический подъем в шахте, причем по последней тысяче ступенек против ураганного ветра, бегство через лезвие лопасти вентилятора — все это не должно было вязаться с планами преследователей.

Плоская платформа. Бок «Пурпурной Мечты» в пятидесяти футах, сверкающая округлость обшивки. Пурпурно-синее небо над ними и вдали.

— Пошли, — прошептал он. — Все чисто.

Через несколько секунд он перебрался через край, хотя даже для его тренированного тела это было крайне тяжело. Хал Самду с его помощью перебрался уже быстрее. Жиль Хабибула, взгромоздясь на край, рыхлый, зеленолицый, взглянул вниз с трех тысячефутовой высоты на пурпурные крыши зданий и зеленую выпуклость крошечной планеты, и ему вдруг неожиданно стало крайне плохо...

— Тошнит! — застонал он. — Смертельно тошнит, умираю. Держи меня, дружище! Потому что бедный Жиль слабеет и умирает. И он чувствует, что падает с этого жалкого спутника!

При всей своей скорости и боевой мощи «Пурпурная Мечта» была небольшой, сто двадцать футов в длину, тридцать футов в наибольшем диаметре. И все же непросто было пробираться незамеченными и неслышанными на ее верх, как требовал план Джона Стара.

Они пробежали под защитой ее коротких острых дюз и подняли Джона Стара. И он снова помог остальным подняться. От дюз они начали медленный и опасный путь вперед и вверх по корпусу корабля.

Однажды Жиль Хабибула сорвался. Он начал скользить по полированной обшивке, хрипя от ужаса. Джон Стар и Хал Самду поймали его, втянули наверх. Наконец, они были в безопасности на середине корабля.

Там они лежали и ждали.

Поначалу они были рады, что им представилась возможность отдохнуть по-человечески. Однако солнце падало прямо на них, проникая сквозь тонкую атмосферу Фобоса, — слепящее, яркое и жуткое. Оно отражалось от обшивки корабля. Они потели, задыхались от жары, и жажда приступила к пытке. Они не отваживались двигаться, они могли лишь ждать. И положение у них было угрожающее.

От корабля, разумеется, они не были видны. Но яркая металлическая платформа просматривалась издали, она блестела и лучилась теплом. Любой случайный наблюдатель мог легко заметить их на крейсере.

Вероятно, они лежали на плоской серебряной жаровне часа два, и вдруг внизу раздался звонок, и напряженный, взволнованный голос произнес:

— С поручением от командора. Он прибудет на борт через пять минут. Крейсер должен быть готов к немедленному отбытию.

— У нас задраен люк, свяжитесь с капитаном Мадлоком.

— Не знаете, где он может быть?

— Я думаю, он ушел до тех пор, пока эти беглые заключенные не будут пойманы.

— Говорят, это легионеры. — Один — старый, преступник. А все они отчаянные ребята. Очень опасные.

— Я слышал, они прячутся в вентиляционных шахтах.

— Не вините командора за то, что он улетает. Если этим людям удалось вырваться из-под ареста...

— Они уже убили в шахтах шестерых.

— Я слышал — двенадцать, причем их собственным оружием.

Звук торопливых шагов по ступенькам от лифта. Звонкое лязганье металла, и огромный наружный люк опустился, образовав крошечную площадку под воздушным шлюзом. Шаги по трапу, затем — внутри корабля. Наконец, хриплый приказ:

— Все в порядке. Задраить люки!

Джон Стар быстро покатился по корпусу и первым соскользнул на маленькую платформу — люк. Удар потряс его, однако он удержал дыхание и метнулся в шлюз. Следом за ним там оказался Хал Самду, затем — Джей Калам; Жиль Хабибула, при его комплекции, немного отстал.

В борьбе, которая последовала затем, они имели преимущество полной внезапности. Первый человек, занимавшийся управлением механизмами люков, не был даже вооружен. Он поперхнулся воздухом, увидев Джона Стара. Лицо его тотчас побледнело от ужаса, ибо новая репутация четверки попала на борт раньше их. И он попытался бежать.

Джон Стар поймал его. Резкий удар в солнечное сплетение, удар плоской стороной ладони возле уха. Тот рухнул, безвольный и тихий.

Жиль Хабибула, сопя, перешагнул через край люка, и Джон Стар закричал ему:

— Закрывай люки!

Как только воздушный шлюз был задраен, он знал, что «Пурпурная Мечта» надежно защищена от внезапной опасности.

Перед ним появились двое людей в форме, тяжело дышащие, изумленные. Они попытались схватиться за оружие. Первый из них встретился с кулаком Хала Самду, треснулся спиной о перегородку и медленно соскользнул на палубу. Протонный пистолет, крутясь, стал падать, и Джей Калам подхватил его как раз вовремя, чтобы встретить третьего нападающего в зеленой форме Легиона.

Джон Стар быстро справился с собственным противником. Они оба имели легионерскую подготовку, но Джон Стар дрался за АККА и Аладори. Противник схватился за пистолет и зашатался — рука его была вывернута, спина сломана. Джон Стар повернулся и встретил капитана Мадлока, только что вышедшего из-за угла.

Мадлок отпрянул, съежившись и рыча, протонный пистолет уже был у него в руке. Однако Джон Стар опять опередил его, быть может, на сотую долю секунды, но этого было достаточно. Белое лезвие электрического пламени вырвалось из ствола, и у «Пурпурной Мечты» появился новый командир.

Теперь они разделились. Жиль Хабибула остался охранять воздушный шлюз. Хал Самду побежал в направлении кают экипажа, в сторону носа. Джей Калам бросился вниз, в отделение генераторов. Джон Стар помчался вперед, к каюте командора и навигационной рубке.

Их все еще превосходили в отношении двое к одному — ведь состав «Пурпурной Мечты» были двенадцать человек. Такого экипажа было вполне достаточно, поскольку корабль почти полностью управлялся автоматическими механизмами, и люди требовались лишь для инспекции и навигации. Однако на этот раз уже и думать было нельзя о преимуществе внезапности.

Джон Стар встретил всего двух человек. Навигатор вышел из рубки с протонным пистолетом в руке. Он увидел Джона Стар и попытался выстрелить. Но его не подстегивала необходимость вернуть, и безотлагательно, АККА. Он опоздал на две тысячные доли секунды, и этого было достаточно.

Джон Стар распахнул дверь с табличкой «КОМАНДОР» и увидел Адама Ульмара в его каюте — тот натягивал куртку, которую носил на борту.

Долгую секунду высокий беловолосый властелин «Пурпурной Мечты» и Пурпурного Холла стоял совершенно неподвижно, не дыша, глядя на грозную иглу протонного пистолета. Его красивое лицо застыло, и на нем абсолютно отсутствовало какое-либо выражение. Внезапно он вздохнул. Куртка выпала из его рук. Он тяжело уселся в единственное кресло.

— Ну что ж, Джон, ты меня удивил, — сказал он, коротко и хрипло рассмеявшись. — Я учту, что ты слишком опасен, чтобы оставлять тебя в живых. Я этого не ожидал. Однако на всякий случай решил обратиться отсюда.

— Я рад, что вы цените свою жизнь, — резко ответил Джон Стар. — Потому что я намерен поторговаться с вами за нее.

Адам Ульмар улыбнулся успокаивающе, он старался снова взять себя в руки. Это вновь был бывалый старый властитель Пурпурного Холла.

— У тебя преимущество, Джон. Твои люди, надо думать, завладели крейсером?

— Мне тоже так представляется.

— Что ж, это добавляет к твоему, длинному списку преступлений еще и пиратство. Теперь за тобой будет охотиться весь флот Легиона.

— Я знаю. Но это не спасет вашей жизни. Так будем торговаться?

— Чего ты хочешь, Джон?

— Информации. Я хочу знать все об Аладори Антар.

Адам Ульмар облегченно улыбнулся и сказал более свободно:

— Это вполне приемлемо. Обещай мне жизнь, и я все расскажу, хотя не думай, что информация принесет тебе удовлетворение.

— Итак?

— Мне кое-что самому не нравится, Джон. Я хотел, чтобы ее доставили сюда, в Пурпурный Холл. Я думаю, что Эрик уже слишком доверился своим чужакам-союзникам. Видишь ли, она не расположена говорить. Ее трудно убедить, не рискуя убить ее и ее тайну. А нам все еще приходится иметь дело с некоторыми стоеросовыми болванами из Легиона, вроде тебя, Джон, верными Зеленому Холлу.

— Но где она?

— Ее взяли на корабль медузиан и везут к Убегающей Звезде.

— Только не туда! — судорожно произнес он. — Даже Эрик не смеет...

— Да, Джон, — трезво подтвердил знаменитый родственник. — Я не думаю, что этот факт покажется тебе приятным.

— Мы последуем за ней!

— Да, Джон. Я верю, что ты пойдешь на это. — В голосе Адама Ульмара послышалось чуть ли не восхищение. — Однако тебе не следует надеяться на успех.

— Почему?

— Наши союзники, Джон, — это совершенно иная раса. Они существуют дольше, чем человеческая раса. Я их не люблю, говоря откровенно, мне уже приходилось с ними встречаться. Я не одобряю этот союз. И я не одобряю похищения ими девушки. Я не настолько доверяю им в отличие от Эрика.

Они, как ты понимаешь, совершенно не имеют в себе ничего человеческого — да и не похожи ни на одну жизненную форму в Системе, хотя Эрик и зовет их медузианами. У них извращенная психология. Неприятная. Если честно, то я их боюсь.

Но они имеют науку, они способны, развиты. Они обладают накопленными знаниями — сколько веков на это ушло, я не имею представления. Злобные, они располагают великолепными мозгами, холодным, бесчувственным разумом. Они больше похожи на машины, чем на живых существ. Они берут все, что хотят, и очень эффективно, без человеческих предрассудков.

Поэтому я думаю, Джон, что они способны на своей планете охранять девушку и заставить ее выдать тайну.

Они установили всевозможные защитные устройства, чтобы охранять свой чужеродный мир. Это пояс зла — о нем до сих пор бормочут уцелевшие безумцы из экспедиции Эрика.

И если даже я, благодаря тебе, Джон, останусь здесь беспомощным, наши планы будут осуществляться и дальше. Медузиане вернутся. Легион не справится с ними — наша организация Пурпурных уже контролирует это дело. Зеленый Холл будет сметен — у медузиан замечательное оружие. И Эрик займет трон.

Трон, который мог быть твоим, Джон.

ПРОЩАЙ, СОЛНЦЕ!

Жиль Хабибула издал странные звуки. Он кашлял, хрипел, плевался. Из рта его вылетали куски пищи. Его лицо, за исключением пурпурного протуберанца носа, покрылось болезненной зеленоватой белизмой. Толстые руки дрожали, когда он вскидывал большую бутылку вина и прочищал голосовые связки, чтобы вернуть себе связную речь.

— Моя милая жизнь! — бормотал он, выкатывая рыбы глаза и озирая носовую рубку. — Моя смертельная жизнь! Нам туда не добраться!

— Возможно, мы и не доберемся, — трезво согласился Джон Стар. — Шансы против нас, я полагаю, сто к одному. Однако мы попытаемся.

— Проклятие моим костям! Нам туда не добраться, приятель. Это за пределами Системы — шесть световых лет, а то и больше. Это ужасное расстояние, если потребуется шесть световых лет полного одиночества, чтобы пройти его. Ах, и там подстерегает тысяча опасностей, одна жизнь знает, каких. Я смелый человек — вы все знаете, что добрый старый Жиль Хабибула достаточно смел, чтобы иметь дело с любой обыденной опасностью. Но этого нам не осилить. Из всех роковых экспедиций, которые отправлялись за пределы нашей драгоценной Системы, только одна вернулась назад.

Внезапно на геодезическом экране-карте замерцал крошечный огонек красного цвета. Предупреждающе зазвенел звонок.

— Крейсер Легиона, — заключил Джей Калам вполголоса. — Двигается наперехват «Пурпурной Мечте». А теперь их уже пять. Охота на пиратов всегда была популярным спортом в Легионе.

— Ближайший в десяти тысячах миль от нас, — добавил Джон Стар, взглянув на диски. — Хотя, вероятно, они не заметят нас, пока нам не удастся починить генераторы и начать движение.

— К Убегающей Звезде! — продолжал сопеть Жиль Хабибула. — Во имя сладкой жизни, к темному и зловещему миру зеленых медузиан. Экспедиция Легиона состояла из пяти прекрасных боевых кораблей. Лучшее, что могла построить Система. С полными комплектами обученных экипажей. И посмотрите, что вернулось назад спустя бесконечный год.

Один потрепанный корабль! И люди на нем, большинство из них жалкие бормочущие психи, они лепечут о вещах, от которых кровь стынет в жилах, — об ужасах, с которыми они встретились на мрачной и грозной планете под злым солнцем. И с тех пор они гниют от некоего страшного вируса, неизвестного докторам: плоть их смертных тел становится зеленой и отваливается.

Смертельные ужасы! И ты хочешь, чтобы мы отправились туда, на жалком и одиноком маленьком корабле, у которого уже повреждены геодины. Нас всего четверо против целой планеты, изобилующей зелеными и подлыми монстрами!

Ты, не должен требовать, чтобы старый Жиль Хабибула отправлялся туда, парень. Бедный старый Жиль, полумертвый от шныряния, как загнанная крыса, по вентиляционным трубам Пурпурного Холла. Старый Жиль слишком слаб для этого. Если вы, трое идиотов, хотите отправиться навстречу смерти в безумии и воплях ужаса, то почему бы вам не высадить старого бедного Жилиа на Марсе?

— Чтобы тебя судили и казнили за пиратство? — спросил Джон Стар, мрачно ухмыляясь.

— Не шути со старым Жилем, парень! Он тебе не чванливый пират с окровавленными руками. Старый Жиль — он всего лишь...

— За нами охотится весь Легион, Жиль, — тихо вмешался Джей Калам. — С той самой минуты, когда мы захватили «Пурпурную Мечту». Агенты Легиона сразу же до тебя доберутся, даже спрятаться не успеешь!

— Во имя жизни, Джей, не говори так! Я не подумал об этом. Но мы теперь проклятые пираты, и против нас каждый честный солдат. Ах, все теперь будут смотреть на нас с ужасом и искать способы разделаться с нами.

Его рыбы глаза блестели от слез, сопящий голос, прерывался:

— Бедный старый Жиль Хабибула, состарившийся на верной службе Легиону, не имеет теперь даже жалкого местечка на какой-нибудь планете, чтобы обрести там покой. Его гонят сквозь черные и стылые глубины космоса, изгоняют из Системы, которой он отдал все свои годы и силу. Его гонят на планету, кишашую зелеными нечеловеческими чудовищами. Ах, я, бедный! Неблагодарная Система пожалеет, что была несправедлива к этому смертельному герою!

Он вытер слезы, затем встряхнул бутыл.

Он воспользовался возможностью заглянуть в кладовые сразу же, как только они

захватили корабль. Его вместительные карманы были набиты пакетами с синтетическими легионерскими пайками, сладостями, кусками ветчины, которые сейчас вновь плыли в его рот, и поток их прерывался лишь подносимой с той же целью винной бутылкой.

«Пурпурная Мечта» дрейфовала в космосе на расстоянии ста тысяч миль от огромного рыжевато-коричневого охряного шара Марса. Крошечный Фобос затерялся среди миллионов разноцветных точек, которыми пестрила черная сфера ожидающего их космоса. Они застыли, выключив огни и сигналы, беспомощные, и флот Легиона алчно охотился за ними.

Командор Адам Ульмар был благополучно заперт в каюте, остальных своих пленников они выпустили через воздушный шлюз, и они, подталкиваемые энергией из дюз, отчалили от посадочной площадки Пурпурного Холма. Джон Стар уже чувствовал себя в объятиях свободы.

Однако затем умирающий инженер, верный традициям Легиона, нажал на кнопку и спалил геодиновый блок. Генераторы отказали, дюзы были неспособны двигать корабль через враждебные и гигантские просторы, и они вчетвером собрались на совещание.

— Она в руках этих чудовищ? — Огромный Хал Самду опять задал этот вопрос, сжав большие кулаки. — Этих чудовищ, о которых говорили безумные ветераны Эрика?

— Да. Кроме того, я думаю, что эти создания мало чем напоминают людей.

— Если позаботиться, — вмешался Джей Калам, — об организации...

— О, вот оно, это слово, — прервал его Жиль Хабибула. — Организация. Регулярность. Четырехразовое питание горячей пищей, которая тут же стынет, двенадцать часов крепкого сна. Организация, хотя всякий человек тут и там может найти лазейку, чтобы перехватить кусочек чего-нибудь холодного или глотнуть винца между трапезами.

— Существует проблема навигации, — продолжал Джей Калам. — Кое-что, конечно же я умею, но... — Он с сомнением огляделся, посмотрел на стены рубки, на которых размещалось сложное оборудование — телескопические перископы, геодезические курсопрокладчики, отражатели метеоритов, включатели дюз, управление геодинами, гироскопические космические компаса, радары, термальные и магнитные детекторы, звездные карты, планетарные карты, вычислители положения, скорости и гравитации, измерители атмосферного состава и температуры, все приборы для непростого дела — безопасного путешествия от планеты к планете.

— Я могу управлять им, — сказал Джон Стар. — Тогда нам нужен инженер, чтобы отремонтировать геодины. Мы должны каким-то образом починить их, чтобы управлять ими.

Жиль Хабибула крикнул, что-то пробормотал, однако вслух ничего не сказал.

— Все в порядке, Жиль. Я забыл, что ты — квалифицированный техник.

Тот глотнул, встряхнул бутылку. К нему снова вернулся голос:

— О, сладкая жизнь! Да, я могу управлять вашими драгоценными геодинами. Жиль Хабибула умеет драться, когда борьба необходима, пусть он и стар, ленив и слаб. И, по мне, нет человека смелее старого доброго Жили. Вы все знаете это. Но если бы у меня был выбор, то тут я всегда готов предпочесть эти несчастные генераторы. Это безопаснее. А осторожность — не что иное, как достоинство мудрых.

— Ты можешь заменить сгоревший блок?

— О да, я могу заменить его, — пообещал новый инженер. — Однако его будет трудно синхронизировать с остальными. Эти блоки подгоняются во время монтажа: когда один выходит из равновесия, то всей системой, смертельно трудно бывает управлять. Но я сделаю все, от меня зависящее.

— И, Хал, — подхватил Джей Калам, — ты был протонным стрелком. Ты можешь управлять большой протонной иглой в том случае, если на нас наткнется Легион. Хотя лучше нам не ввязываться в драку, поскольку нас всего четверо на поврежденном корабле.

— Да, это я могу, — медленно кивнул огромный Хал Самду. Его красное лицо было серьезным. — Я могу.

— Остаешься ты, Джей, — сказал Джон Стар. — Нам нужно, чтобы ты сделал как раз

то, что делаешь сейчас. Планировал, организовывал. Ты будешь нашим командиром.

— Нет. — Он пустился было в серьезные объяснения, однако Хал Самду и Жиль Хабибула присоединили свои голоса. И Джей Калам стал командиром «Пурпурной Мечты».

Новый начальник отдал первые приказания — немедленно, в той же спокойной и серьезной манере, что и всегда:

— Тогда, Жиль, пожалуйста, приведи геодины в действие как можно быстрее. Единственный наш шанс — убраться отсюда подальше, прежде чем один из их кораблей поймает нас в поисковый луч и вызовет флот себе на подмогу.

— Очень хорошо, сэр. — Жиль Хабибула откинул голову, держа бутылку, пока последняя капля не выкатилась из нее, затем озабоченно отдал честь и вышел из рубки.

— Джон, ты будешь прокладывать наш курс. Прежде всего, нам надо перегнать окружившие нас корабли. Мы будем держаться над поясом астероидов, подальше от Юпитера и Урана с их легионерскими базами. Мы не можем рисковать встречей с флотом. И как только мы сможем вырваться за пределы поисковых лучей, направимся к Плутону.

— Очень хорошо.

— Хал, будь любезен, проверь большую протонную пушку. Она должна быть наготове. Хотя мы не можем рисковать, вступая в драку.

— Да, Джей.

— А я буду нести вахту.

— А сколько их сейчас? — спросил Джей Калам несколько часами позже. Они по-прежнему беспомощно дрейфовали в вакууме. Глядя на предательские, красные искорки на экране курсопрокладчика, Джон Стар медленно ответил:

— Семь. И мне кажется, Джей, что они нашли нас.

— Неужели?

Он мгновенно проверил все приборы и, наконец, согласился, в голосе его было опасение:

— Да. Они нас обнаружили. Они движутся все семеро.

Джей Калам произнес в переговорное устройство:

— Хал, приготовься действовать. Да, семь крейсеров Легиона, все направляются к нам. Он сообщил их местонахождение.

— Жиль, как геодины? Еще не готовы? И ты не можешь положиться на поставленный блок? Они нас видят. И мы должны двигаться. Или сейчас, или никогда.

Через несколько минут в зоне поражения, или почти в зоне поражения, протонного выстрела показался ближайший крейсер. Джей Калам произнес в переговорное устройство приказ, и язык облепляющего фиолетового пламени метнулся из огромной иглы, находящейся во вращающейся башенке над ними.

— Он пятится, — прошептал Джон Стар. Глаза его бегали, глядя в телеперископ. — Он ждет остальных. Но вскоре они все будут достаточно близко для боя.

— О, Джей, мы можем попытаться, — прошептал в динамике тонкий и дрожащий голос Жили Хабибулы. — Хотя этот сломанный блок может выкинуть любое коленце.

Джей Калам резко кивнул, и Джон Стар повернулся к клавиатуре. Сильное музыкальное гудение геодинов заполнило звучной песней весь корабль. Он медленно перевел их на максимальную тягу. Звук стал тоньше, отчетливее, пока не превратился в вибрирующее завывание, потрясшее каждого члена экипажа.

— Двинулись! — воскликнул он с энтузиазмом. Глаза его следили за дисками, за красными искорками, светившимися на экране курсопрокладчика. Он увидел, что «Пурпурная Мечта» движется все быстрее, прочь из центра вражеского кольца. Его сердце вторило гулу генераторов. Он почти ощущал силу геодинов.

— Уходим! — крикнул он. — К Убегающей Звезде! — Голос его упал: в чистый звук генераторов вмешалась другая нота — хрипая, рвущая нервы вибрация. Из динамика донесся тонкий, металлический, испуганный голос Жили Хабибулы:

— О, эти подлые генераторы! Я переставил блок. Однако они разбалансированы. Они

не синхронизированы. Эта коварная осцилляция уползает. Она пожирает тягу! И наш смертельный корабль может разнести на кусочки.

— Мы теряем скорость, — озабоченно сообщил Джон Стар. — Корабли Легиона догоняют.

— Жиль, прошу тебя, отладь их! — взмолился в переговорное устройство Джей Калам. — Все зависит от тебя.

Жиль Хабибула старался. Чистая песнь энергии возвращалась и прерывалась вновь. «Пурпурная Мечта» ускоряла свой бег, увеличивая разрыв между собой и семью преследователями, когда геодины гудели чисто и отчетливо, однако всегда теряла скорость, чуть ли не пятясь назад, когда возвращалась резкая отвратительная вибрация.

Джон долго и раздраженно вглядывался в свои приборы.

— Мы не уходим и не приближаемся к ним, — заключил он наконец. — Мы можем двигаться так и дальше, пока с генераторами не случилось ничего похуже. Хотя нам от них так просто не уйти. Если они последуют за нами, то... Но, в любом случае, можно сказать Солнцу и Системе «до свидания».

— Нет, — тихо возразил Джей Калам. — Мы еще не готовы.

— Почему? — спросил Джон Стар.

— У нас должно быть больше топлива для путешествия к Звезде Барнарда. Это же шесть световых лет туда и обратно. У нас каждый фут корабельного пространства должен быть заполнен запасными платами и геодиновыми генераторами. И, конечно, мы должны обеспечить припасы для себя — продукты и кислород.

Джон Стар медленно кивнул.

— Я знал, что нам нужен капитан. Где?..

— Мы должны приземлиться на какую-нибудь из баз Легиона и запастись необходимым.

— На базе Легиона? И это когда за нами гонится весь флот Легиона, как за пиратами? Да они же поставили на ноги все пограничные силы Системы.

— Будем садиться, — с обычной своей тихой вдумчивостью сказал Джей Калам, — на базе, что на спутнике Плутона. Она дальше всего по нашему курсу, и это самая изолированная станция Легиона в Системе.

— Однако, даже в этом случае, она вооружена и предупреждена.

— Несомненно. Но мы должны получить припасы. Мы теперь пираты... Мы возьмем то, что нам нужно.

Пять дней длился полет к Плутону, самому дальнему посту Системы. Это было так далеко, что даже Солнце отсюда казалось лишь яркой звездой. День здесь всегда был сумрачным.

Пять дней на полной тяге геодинов, чьи силовые поля боролись с кривизной самого пространства, разрывая ее, так что они вели свой корабль, грубо говоря, не сквозь пространство, а вокруг него, и поэтому огромные жуткие ускорения не доставляли неудобств команде, а скорость корабля намного превосходила скорость света.

Видимая скорость, поспешил бы добавить математик, как если бы корабль шел по кругу. Однако как ускорение, так и скорость следовало отсчитывать, как если бы корабль шел по прямой.

Жиль Хабибула нянчился с непослушными генераторами с удивительной заботливостью и энергией. Его толстые руки оказались способны на поразительную деликатность и сноровку. Он обладал огромным уважением к усиливающемуся натиску легионерских крейсеров, с их стремлением надлежащим образом покарать пиратов, если удастся, немедленно уничтожить «Пурпурную Мечту» и всех, находящихся на ее борту, яростной вспышкой протонных разрядов.

Он регулировал поврежденный блок, пока тот не стал работать как следует. Уже по часу песнь генераторов была чистой и отчетливой. Но всегда в конце вторгалась разрушительная вибрация. Один за другим патрульные крейсера дальнего действия

присоединялись к флоту и вот уже шестнадцать кораблей гнались за «Пурпурной Мечтой». Однако, мало-помалу, оставались позади, пока, находясь возле Плутона, Джон Стар не установил, что они оторвались почти на пять часов.

Это означало, что они имели пять часов, чтобы высадиться на враждебной базе, справиться с обслугой и вынудить ее доставить на борт около двадцати тонн припасов, и благополучно уйти в пространство.

В эти дни полета Джон Стар часто замечал, что задумывается об Аладори Антар, и в этих мыслях были нежная музыка и резкая боль. Хотя он знал ее всего один день, воспоминания приносили ему сияние радости и горькую боль, когда он думал о людях — предателях и полужнакомых чудовищных созданиях, которые держали ее у себя в плену.

«Пурпурная Мечта» спускалась на спутник Плутона.

Сам Плутон, черная планета, представлял собой голые скалы и древний лед, убийственный холод и одиночество. Единственными людьми, населявшими его, были несколько суровых шахтеров, по большей части потомки политзаключенных, высланных сюда Империей, одиноких отшельников, нашедших пристанище в вечной ночи.

Цербер, спутник Плутона, был крошечной каменистой планетой, еще более пустынной и жестокой по отношению к человеку, чем черная планета. Мертвый спутник, он никогда не был обитаем. Других жителей, кроме экипажа уединенной станции Легиона, на нем не было. У Джона Стара были более чем веские основания ожидать, что находившееся на Плутоне подразделение флота Легиона предупреждено и ожидает их. Однако посадочное поле, когда они спускались, было пустынным. Появилась надежда, что злая паутина измены Адама Ульмара еще не распространилась так далеко.

Станция на Цербере представляла собой квадратное поле, выровненное, лежащее между темными острыми утесами. Светящиеся красным рефлекторы, располагающиеся по периметру, излучали достаточно тепла, чтобы воздух не смерзлся в снег. В длинном приземистом здании, построенном из изоляционных блоков и покрытом белым металлом, находились бараки и хранилища. Силовая установка, которая вырабатывала энергию для борьбы с враждебным холодом, должно быть, находилась где-то под землей. Паукообразная станция и башня ультракоротковолновой радиостанции поднимались из черной поверхности за строением. Дальше была лишь мрачная пустыня. Изломанные, уродливые зубья гор, разверстые пасти кратеров, изъеденные, потрескавшиеся и разорванные камни и слой льда, старого как камень, — все навеки мертвое.

В форме, принадлежащей ранее капитану Мадлоку, Джон Стар вышел в разреженную и с неприятным запахом атмосферу, на маленькую площадку, образованную опустившимся наружным люком. С трудом сохраняя спокойствие, он подождал, пока, с видимой неторопливостью, к нему приблизятся два человека, вышедших из длинного низкого строения.

— Приветствую, станция Цербер, — обратился он к ним, стараясь выглядеть как можно более официально.

— Салют, «Пурпурная Мечта», — с сомнением отозвался один из них — очень низкий, очень лысый человек, к тому же очень толстый и с очень красным лицом.

Внешность его свидетельствовала о беззаботной неопрятности, что иногда случается на изолированных постах. Он выглядел так, подумал Джон Стар, словно вывалил на свой китель весь обед целиком. На нем были выцветшие знаки отличия лейтенанта Легиона.

— Я капитан Джон Ульмар, — кратко сказал Джон Стар. — «Пурпурной Мечте» нужны припасы. Капитан Джей Калам произведет реквизицию. Припасы должны быть погужены немедленно.

Коротышка прищурился, подозрительно скривившись.

— Джон Ульмар? — Голос у него оказался насморочным. — И капитан Калам, да? Командуете «Пурпурной Мечтой», да? — На его грязном, в желтых пятнах лице было злобное и хитрое выражение. Джон Стар посмотрел на эту продувную бестию и вдруг понял, что перед ним один из людей Адама Ульмара, а значит, паутина неожиданного

предательства в Легионе достигла даже этого холодного забытого камня.

— Именно. — Блеф был единственным путем. — Мы выполняем крайне безотлагательную миссию и должны получить припасы немедленно.

— Я лейтенант Нана, комендант станции. — В хмуром голосе отсутствовала воинская вежливость. С нескрываемой злобой Нана добавил: — Специальные приказы в моем сейфе говорят о том, что «Пурпурная Мечта» находится под командованием капитана Мадлока и командора Адама Ульмара. Она внесена в реестр как флагман командора...

Джон Стар даже не сделал паузы, чтобы подумать, что это за игра. Если его предупредили, то странно, что он вышел встречать их с миром. На неукрепленной вспомогательной станции Цербер не было признаков оружия, достаточно сильного, чтобы противостоять «Пурпурной Мечте». Если он получил предупреждение... — однако на раздумья не было времени.

— Произошла смена командования, — кратко информировал его Джон Стар. — Теперь кораблем командует капитан Калам.

Возле него появился Джей Калам, тоже в трофейной форме. Он выдвинул трап, и Джей Калам, коротко рывкнув, протянул документ.

— Приступаем к реквизиции, лейтенант!

Подняв взгляд на нижнюю орудийную башенку корабля, Джон Стар сделал быстрое движение рукой.

Длинная протонная пушка корабля мгновенно взметнулась над их головами и развернулась в сторону длинного белого строения. Хал Самду был на посту.

Маленькими, налитыми кровью глазами Нана взглянул на иглу. Его неумытое лицо не выразило ни удивления, ни особой тревоги. Прищурившись, он взглянул на Джона Стару с мрачной враждебностью, а потом небрежно принял список.

— Шестнадцать тонн катодных плат? — Его изумление было неподдельным. — Всего лишь для одного корабля?

— Шестнадцать тонн! — рывкнул Джон Стар. — Немедленно!

— Невозможно. — Нана опять скривился, посмотрел на протонную пушку и пробормотал:

— Я не выдам их вам, не связавшись предварительно со штаб-квартирой Легиона для подтверждения приказа.

— У нас на это нет времени. Наша миссия крайне безотлагательна.

Нана равнодушно пожал плечами.

— Я комендант станции Цербер, — прорычал он. — И я не привык получать приказы от... — Он сделал паузу, и красные глаза его сощурились. — От пиратов...

— В таком случае, — сказал Джей Калам, — советую привыкнуть.

Нана яростно потряс кулаком, и Джей Калам махнул Халу Самду.

Огромная игла над их головами выпустила в сторону радиобашни ослепляющую струю пламени. Башня мгновенно превратилась в горящие руины, и Нана тут же задрожал. Немытое лицо побелело, исказилось ужасом и выглядело теперь более покладистым, чем прежде.

— Очень хорошо, — прошептал он хрипло. — Я выполняю ваши требования.

— Иди с ним, капитан Ульмар, — сказал Джей Калам. — Смотри, чтобы он не ошибался и не тянул.

Нана жаловался, что в его распоряжении нет нужных припасов. Большинство его людей слишком больны, чтобы помогать при погрузке. Краны и погрузчики в нерабочем состоянии. Он сделал все возможное, понял Джон Стар, чтобы протянуть время, пока не придут шестнадцать крейсеров Легиона. И все же четыре часа спустя, под жестоким надзором Джона Стару и под угрозой протонной пушки, все катодные платы были переправлены на борт.

Благополучно загружены были баллоны с кислородом, а также все съестные припасы и вино, которое добавил в список необходимого Жиль Хабибула. Оставалось лишь погрузить

черные бочки с топливом для корабля, сваленные под воздушным шлюзом, и в запасе был всего час, прежде чем их догонят корабли преследования. И тут Джон Стар заметил злобное удовлетворение в красных свиних глазах Нана, что усугубило его тревогу.

Затем из люка появился Джей, прыгнул с площадки и побежал по полю.

— Пора уходить Джон. — Голос его был тихим, требовательным.

— Почему? У нас ещё целый час.

Джей Калам взглянул на любопытных, глазевших людей, собравшихся грузить топливо для корабля, и сказал тише:

— Телескопы обнаружили еще один корабль, Джон. Направляется сюда с Плутона.

— Так вот какую игру вел Нана! — мрачно кивнул Джон Стар. — Маленький сюрприз для нас. Ну что ж, нам все равно нужно топливо. Попробуем обогнать дружков Нана.

Вытянутое темное лицо Джея Калама было сумрачным.

— Это не крейсер Легиона, Джон. Он движется намного быстрее. — Под его спокойствием Джон Стар разглядел глубокую встревоженность. — Я никогда ничего подобного не видел. Корабль, словно черный паук, и какие-то штуки образуют пояс вокруг корпуса.

Джон Стар почувствовал, как его сердце сжал холодный ужас.

— Медузиане! — прохрипел он. — Это корабль такой же, как тот, что забрал Аладори. Должно быть, Нана послал им весть. Я не знаю, какое оружие может быть у них на борту...

— Мы должны улетать, — оборвал его Джей Калам. — Мы не должны рисковать.

— А топливо для корабля?

— Оставим! На борт!

Они побежали по трапу. Лейтенант Нана смотрел им вслед сквозь прищур красных глаз и что-то бормотал своим людям насчет цилиндров. Все они отступили в сторону длинного металлического строения с поспешностью, которая казалась зловещей. Воздушный шлюз был задраен. Под пальцами Джона Стар быстро утопали кнопки.

Из дюз должно было вырваться голубое пламя и помчаться их в космос, однако «Пурпурная Мечта» оставалась неподвижной. Удивленный и разочарованный, он снова набрал код зажигания, но ничего не случилось.

— Нас что-то держит! — Он торопливо просмотрел показания всех приборов. — Магнитное поле! — воскликнул он. — Взгляни на индикаторы. Поле ужасной силы... Но как?.. Я не понимаю...

— Магнитная ловушка, — сказал Джей Калам. — Наш друг Нана каким-то образом переместил магниты поближе к кораблю. Корпус у нас не магнитный, однако поле удерживает механизм зажигания и геодины. Он пытается задержать нас, пока не придут корабли, и...

— Тогда, — вмешался Джон Стар, — мы должны остановить динамо-машины.

— Хал! — произнес Джей Калам в переговорное устройство. — Уничтожь здание!

Язык ревущего фиолетового пламени вновь метнулся от блестящей иглы. Он прошел длинное низкое металлическое здание насквозь и оставил сплюснутую грудку дымящегося металла и битого кирпича, снесенную с фундамента яростным ударом выстрела.

— Двинулись!

Опять Джон Стар попробовал включить дюзы. Снова ответом ему было лишь молчание.

— Магниты держат нас по-прежнему. Динамо-машины, должно быть, размещены под землей, куда не достать нашим выстрелом.

— Тогда я доберусь туда! — воскликнул Джон Стар. — Открой люк!

Он схватил два протонных пистолета и засунул их за пояс рядом с двумя другими. Затем он выскочил из рубки.

— Подожди, — окликнул Джей Калам. — Что?..

Но тот уже исчез. Джей Калам прикоснулся к панели, открывая перед ним люк. Джон Стар прыгнул на поле и побежал через дымящиеся развалины длинного здания. Он

обыскивал обнаженный фундамент до тех пор, пока не нашел лестницу в шахте, пробитой в темной породе и слое древнего льда. Он прыгнул на ступеньки, держа наготове протонные пистолеты, и помчался, перепрыгивая через дымящиеся груды раскаленного металла. В глубине холодной коры Цербера, в сотне футов под поверхностью, перед ним возникла тяжелая металлическая дверь. Он направил на нее протонный пистолет, поставив его на полную мощность. Луч пламени врезался в металл. Он перепрыгнул через упавшую дверь и оказался в длинном, тускло освещенном зале. Он услышал стучащие перед ним механизмы, гудящие динамо-машины. Однако его остановила вторая дверь. Он попытался выстрелить, но ничего не вышло. Разрядник был истощен первым мощным выстрелом. Прежде, чем он успел навести второй пистолет, из крошечной амбразуры к нему метнулся луч пламени.

Он мгновенно упал под этим клинком убийственного огня, растянувшись на животе. Еще не успев осознать, что он сумел избежать смертоносного луча, он почувствовал, как разряд заставил онеметь его члены. Но в тот же миг ответил его пистолет, и оплавленные обломки двери упали на человека, стоявшего за нею. Вновь оказавшись на ногах, он метнулся в дверной проем, и, не обращая внимания на пульсирующую боль в плече, отшвырнул разряженный пистолет и выхватил из-за пояса два оставшихся.

Перед ним была квадратная комната, облицованная камнем. В центре ее гудели огромные динамо-машины. Вокруг них, словно окаменев, стояли пятеро мужчин, и лишь рука лейтенанта Нана машинально искала оружие.

Оба пистолета Джона Стара выстрелили в механизмы.

Безоружный, однако уверенный, что динамо-машины разбиты, он швырнул разряженные пистолеты в злобные моргающие глаза Нана и помчался назад, в зал, а затем вверх по лестнице, надеясь, что их изумление даст ему время подняться на борт. Так и случилось. Опять лязгнул люк воздушного шлюза. Дюзы омыли черные камни ревущим голубым пламенем, и «Пурпурная Мечта» взмыла вверх с искореженной поверхности спутника Плутона.

«Наконец-то», — со свирепой радостью подумал Джон Стар. Наконец-то они летят к далекой Звезде Барнарда, на помощь Аладори.

— Мы слишком долго медлили, — прошептал Джей Калам. — Боюсь, слишком долго. Боюсь, этот черный корабль-паук подобрался слишком близко. Мы вряд ли сможем бежать от него.

КОСМИЧЕСКИЙ УРАГАН

Цербер, спутник Плутона, превратился в холодную серую искру и исчез. Сама черная планета была проглочена бесконечной чернотой бездны, а блестящая звезда, бывшая Солнцем, начала таять и замерцала в созвездии Орион.

Они достигли скорости света. Солнце и звезды позади были видны лишь как лучи, которые они обгоняли; их улавливали и отражали лишь линзы и призмы телеперископов для корректировки искажения скорости.

Жиль Хабибула отныне жил в генераторном отсеке. Под опекой его толстых и необычайно надежных рук геодины работали почти идеально. Зловещее рычание разрушительной вибрации не бывало слышно в течение многих часов. И «Пурпурная Мечта» двигалась. Крошечные миры людей оставались позади. Впереди появились звезды созвездия Змея, но даже сверхмощные телеперископы не могли рассмотреть далекую точку Звезды Барнарда: она была столь тускла, что лишь при многократном увеличении ее можно было увидеть с Земли. И только их возбужденные умы могли нарисовать картину уединенного злобного мира, куда была унесена Аладори.

Они летели день за днем на пределе скорости, и черный космический корабль следовал за ними. Излучаемый им свет не мог обогнать их. Телеперископам не удавалось конкретно обрисовать его чудовищную паучью форму. Лишь экран геодезического курсопрокладчика выдавал его. Поскольку механизм курсопрокладчика регистрировал, причем мгновенно,

пройденный маршрут.

Джон Стар умолял Жилу Хабибулу выжать побольше мощности из перегруженных геодинов и смотрел на тусклую красную искорку на экранах. Сейчас она казалась неподвижной. Как бы ни работали геодины, хорошо или плохо, дистанция никогда не менялась.

— Они играют с нами, — тяжело пробормотал он однажды. — Не имеет значения, с какой скоростью мы двигаемся, мы и дюйма не выиграли. Они нас преследуют.

Даже в спокойствии Джея Калама чувствовалась встревоженность.

— Они смогут догнать нас, когда пожелают. Или, быть может, если у них достаточно хорошо поставлена связь, они просто отправят сигнал своим друзьям на родину, чтобы те подготовили встречу.

— Непонятно, почему они не нападают на нас.

— Возможно, чтобы понять наши замыслы, или, что больше похоже, они надеются вернуть командора живым и здоровым.

Ибо Адам Ульмар, благородный философичный узник, не испытывающий явного раскаяния в содеянном, все еще находился взаперти. Он попросил бумагу и теперь был занят написанием мемуаров своей долгой карьеры, коим предстояло занять достойное место в архивах Пурпурного Холла.

Джон Стар, на этот раз с надеждой, прошептал:

— Если они не нападут, то, может быть, нам удастся их переиграть.

Джей Калам медленно покачал темной головой.

— Я не вижу способа.

Они уходили вдаль, в испещренную звездами тьму космического пространства. Все четверо едва с ног не падали от недосыпания и напряжения. Лишь Джей Калам выглядел почти неизменившимся: всегда уравновешенный, хладнокровный, всегда серьезный и приятный в общении. Лицо Джона Стара стало белым, глаза нетерпеливо горели. Хал Самду стал нервным и раздраженным и часто бормотал что-то про себя. Он сжимал огромные и бесполезные сейчас кулаки и временами высматривал воображаемых врагов.

Даже Жилу Хабибула — невероятно! — потерял в весе столько, что под запавшими пустыми глазами у него образовались мешки.

День ото дня Солнце становилось все меньше, пока не превратилась в карлика по сравнению с Бетельгейзе и Ригелем, тусклую белую звезду, затерявшуюся среди отступающих красот Ориона. В телеперископах появилась и стала расти Звезда Барнарда.

Убегающая Звезда! Красная, тусклая, умирающая звезда-карлик, уходящая к северу из созвездий Змеи и Скорпиона, окрещенная давным-давно «Убегающей Звездой Барнарда» своим первооткрывателем за необычное движение. Это была ближайшая звезда в северном небе и ближайшая, у которой имелась обитаемая планета.

Обитаемая — так сообщалось в цензурированных и фрагментарных докладах Эрика Ульмара. Однако безумные уцелевшие члены экспедиции, гниющие в охраняемых госпитальных палатах от заразы, которую специалисты Легиона в планетарной медицине не могли ни понять, ни лечить, визжали и бормотали о жутких владениях неведомого ужаса. Правителями планеты были чудовищные медузиане, и они имели мало терпимости по отношению к человеку.

Однажды Джон Стар увидел это древнее выгоревшее солнце, глаз тусклого красного зла, в телеперископе. Гипнотический взгляд вернул его к мыслям об Аладори, заключенной на этой окутанной ужасом планете. Казалось, он видит ее чистые честные серые глаза, искаженные страхом, наполненные душераздирающим ужасом. В нем поднялся холодный и беспомощный гнев.

Он вздрогнул, когда Джей Калам произнес:

— Выгляни. Впереди зеленая тень!

Даже в его сдержанном тихом голосе были напряжение и страх перед неведомым космосом.

Телеперископы показывали впереди зловещую и прозрачную тень, которая быстро росла. Она светилась тускло-зеленым от ионизированных газов туманности, и темные распростертые крылья затмевали звезды Змеи и медленно росли, скрывая созвездия Змеи и даже Скорпиона.

Джон Стар увеличил умножение телеперископа, пока не смог увидеть безобразную ползущую массу, состоящую из огромных вихрящихся потоков и гневных струй странной материи и странной энергии, кипящей изнутри.

— Незарегистрированная туманность, — прошептал он наконец. — Нам лучше повернуть.

Первобытные жители Земли, глядевшие на звезды, когда-то дивились этим темным облакам на небосводе. Бороздившие космос более поздние предки иногда гибли в них. Однако даже сейчас они были малоизучены, и все гордые космонавты держались подальше от этих мальстримов огня и космической ярости.

Будучи в Академии Легиона, Джон Стар слушал лекции по астрофизике, посвященные интранебулярной динамике. Она знал хорошо разработанные теории, о контрпространстве, о кривизне вселенной, о псевдогравитации и отрицательной энтропии. Туманность, согласно теории, представляла собой круговорот планет и солнц, и даже будущих галактик; иногда в ее аномальных контрпространствах нарушался второй закон термодинамики, и радиация оказывалась в ловушке в загадочных глубинах, каким-то образом восстанавливаясь в материю. Финальным назначением туманностей было стягивание самой разбегающейся вселенной. Так считали выдающиеся астрофизики — но они никогда не отваживались приблизиться к сверхъестественному темному неистовству такого космического шторма.

Джон Стар сглотнул, и голос его был слабым от ужаса:

— Мы подошли слишком близко, я изменю курс.

— Нет, — тихо возразил Джей Калам. — Иди прямо на нее.

— Да? — Удивленный, скованный ужасом, он повиновался.

Лежащая впереди масса отразилась на детекторах гравитации. Им пришлось снизить скорость до скорости света, так что поисковые лучи могли предохранять их от столкновения. А странное облако росло.

В космических масштабах оно могло выглядеть совсем незначительным, таким крошечным, что земные астрономы не заметили и не зарегистрировали его. Его огромные и малоизвестные силы не могли представлять угрозы для Системы, ибо природа контрпространств не вызывала пульсации солнечных гравитационных полей. В галактических масштабах это была лишь крошечная щепотка занятой пыли.

По человеческим меркам она была достаточно огромной и смертоносной.

Ее огромные, тускло сияющие темные руки протянулись к звездам впереди. Телеперископы начали выделять ужасные детали: черные пылевые облака, вихрящиеся потоки острых метеоритных обломков, темные знамена прозрачных газов, колыхаемые яростными ветрами малоизученных космических сил, гневно сияющие призрачно-зеленым светом ионизации.

Джон Стар стоял, закоченев от страха, и чувствовал струйки ледяного пота. Однако он держал курс на туманность, и вот уже они оказались не более чем в тысяче миль от немного сияющего зеленоватого потока, который, казалось, вытягивался к ним, словно чудовищный псевдопод.

— Если она нас захватит... — Горло перехватило, и ему пришлось сглотнуть. — Эти метеоритные потоки — там несутся крутящиеся валуны! А смерчи светящихся газов! Внутри неизвестные силы! — Он вытер пот с напряженного белого лица. — Я не думаю, что мы проживем хотя бы пять секунд.

Но Джей Калам тихо сказал ему:

— Держись чуть поближе...

— Да? — хрипло пробормотал Джон Стар. — Зачем?

Джей Калам молча показал на красную забытую искорку у них за спиной, которая

отмечала на экране положение черного корабля. Она явно подползала, сокращая расстояние, которое до последнего времени оставалось неизменным.

Джон Стар задержал вздох.

— Выходит, они пытаются нас догнать?

— Не просто пытаются, — тихо напомнил Джей Калам. — Я полагаю, они боятся, что мы хотим оторваться на краю туманности. Держись чуть поближе.

Он снова коснулся управления жесткими и холодными пальцами. Убегающий корабль прибавил скорости, направляясь к манящим облакам тусклого зеленого пламени и тьмы. Это была космическая буря, самая настоящая, ибо безумные ветры невидимых сил рвали и скручивали черную пыль и сияющий газ в несущиеся струи и дикие вихри, и протягивающиеся щупальца, которые, казалось, хлестали и били в первобытном неистовстве.

— Держись чуть ближе, — тихо настаивал Джей Калам. — И мы скоро узнаем, как высоко они ценят жизнь командора Ульмара.

Джон Стар вновь занялся управлением, а потом повернул телеперископ на черный корабль за кормой — теперь, когда они настолько замедлили ход, их достигал даже обычный свет. Колоссальное сооружение, чужое, как и зеленые, мокро колышущиеся монстры, составляющие его экипаж. Со всеми своими лопастями, перемычками и ярусами, окружавшими шаровидный корпус, оно походило на черного летящего паука. Главные крылья были куда-то убраны, но некоторые лопасти поменьше слегка двигались снова и снова, словно воздействуя на какую-то невидимую среду для управления полетом. Возможно, предположил он, они использовали давление радиации.

Корабль рос в линзах — темный и страшный, как бушующий впереди шторм.

— Они не могут напасть! — Джон Стар сглотнул, чтобы увлажнить горло. — У нас на борту командор Ульмар!

Джей Калам тихо прошептал:

— Попытайся подойти еще чуть-чуть поближе.

Джон Стар вновь прикоснулся к управлению, и сердце его заныло.

Чистая песнь геодинов звучала как флейта; казалось, он чувствовал, как они несут его вперед. Но вдруг вернулась рычащая вибрация неотлаженных блоков. Скорость опять упала, а красная искорка на экране, казалось, вот-вот должна была соприкоснуться с ними.

В отчаянии и страхе Джон Стар подвел больной крейсер ближе к бушующей стене зеленого пламени, пыли и битых камней, а Джей Калам смотрел на звезды. Вдруг он произнес:

— Я боюсь, что командор уже не спасет нас. Они чем-то стреляют.

Из чрева черного корабля-паука вылетел маленький шар влажно-белого цвета. Он последовал за ними более быстро, чем их могли нести разлаженные геодины. Они следили в линзы, застыв от нового приступа изумления и неодолимого страха, потому что это было совершенно необъяснимо.

Опалесцирующий шар. Джон Стар знал, что это была не материя, потому что ни один материальный снаряд не мог быть послан за ними с такой скоростью, пусть даже они едва ковыляют. Это был вращающийся шар молочного пламени, сияющий радужными переливами. Он катился вслед за ними. Он скрыл черный корабль. Он скрыл пояс яркого Ориона. Он заполнил вакуум, как только что родившаяся звезда.

За ними неслась горящая звезда!

Это было совершенно фантастично. Однако она росла в пространстве, и раскаленное изображение в линзах уже жгло глаза. И она не переставала светиться, напротив, становилась все более яркой.

И она гналась за ними! Она притягивала их!

«Пурпурная Мечта» вздрогнула, потянулась к ней.

Внезапная слабость, непереносимая тошнота охватила Джона Стару. Он зашатался, отступил от управления и вцепился в перила. Он повис на них — его тошнило и трясло, а корабль, беспомощно вращаясь, летел в объятия догоняющей звезды.

Они летели в сторону слепящего радужного свечения. Мрачный, со сжатыми челюстями, Джон Стар старался не давать вращаться пораженному кораблю, еле-еле добравшись до пульта управления, и обнаружил, что геодины полностью бездействуют.

Корабль падал.

К ним тянулись радужные моря, огромные, как поверхность самого Солнца. Гневные пламенные протуберанцы тянулись, чтобы разорвать их. И затем это исчезло.

Белый огонь взрыва едва не ослепил их и исчез, как проколотый пузырь. Тошнота покинула Джона Стару. Пространство позади опять было черным, и вскоре пораженные глаза смогли разглядеть величественный пояс Ориона. Песнь геодинов зазвучала снова, и корабль повиновался управлению.

Джон Стар слабо вытер лицо.

— Никогда ничего подобного... не испытывал, — прошептал он, — словно сам космос... провалился под нами.

— Я полагаю, это нечто вроде водоворота дезинтеграции, — тихо прокомментировал Джей Калам. — Такие вещи упоминались в тайных докладах экспедиции Ульмара, потому-то и послали Аладори в форт на Марсе. Только намек — они были осторожны и старались не сказать слишком много. Однако упоминания об энергетических вихревых орудиях имелись — это ужасная вещь, она искажает координаты пространства, дестабилизирует всю материю, растет за счет аннигилированных атомов, и притягивает к себе новые порции материи. Что-то вроде псевдосолнца.

Джон Стар, потрясенный, кивнул.

— Должно быть, это оно и было, — сказал он. — Искаженное пространство, видимо, заставило геодины отказаться. — Он тяжело вздохнул. — Нам с ними нельзя воевать протонной пушкой, если они способны бросать солнца.

— Да, — тихо сказал Джей Калам. — Я вижу один возможный путь — идти прямо в туманность.

— В эту бурю! — Джон Стар моргнул. — Да корабль и минуту там не протянет.

— Минута — долгое время, Джон, — мягко сказал ему Джей Калам. — Они собираются произвести второй выстрел.

— Второй...

Пересохшее горло не дало договорить.

— Иди прямо, — сказал Джей Калам. — Я не думаю, что они последуют за нами.

На мгновение его рассудок возмутился. Он стоял, застыв у пульта управления, глядя на гневные знамена бурной туманности. Одно болезненное мгновение — и затем он справился с собой. Он принял опасность и повернул «Пурпурную Звезду» в манящее облако тусклого зеленого пламени и тьмы.

За кормой выросла тьма. Вновь из чрева корабля-паука вылетел молочный шар и разросся в псевдосолнце всепожирающего атомного огня.

Опять крейсер вздрогнул и завертелся с отказавшими геодинами, беспомощный в жадных объятиях. Снова Джон Стар почувствовал тошноту. Однако внезапный поворот спас их. Вращающийся шар, простирающийся к ним опаловые щупальца, пролетел совсем рядом и разорвался вдали. Освобожденные геодины вновь запели, и корабль рванулся вперед, в ближайший бушующий рукав туманности, навстречу таинственным и неистовым силам.

Джону Стару приходилось слушать теоретические выкладки. Теоретики утверждали, что все позитивно-энтропические процессы могут быть приостановлены и обращены в искривленной вселенной контрпространств туманностей. Это означало, что турбины не могли вырабатывать энергии, а геодины не могли дать тягу. Это означало, что дюзы не могли испускать пламя. Это означало, что кораблю не на чем лететь. Это означало, что стрелки часов и хронометров побегут назад, а человеческие машины, весьма возможно, останутся.

Так говорили теоретики-астрофизики. Но никто из них не бывал внутри туманности, не наблюдал рождения материи. Лишь двое или трое отважных космонавтов когда-то решили изучить туманность, находившуюся на пути к Проксиме Центавра, и уже не вернулись.

Джон Стар опять справился с дыханием и постарался настроиться на встречу с неожиданностями.

Силовые поля метеоритных отражателей могли защищать от носящихся по туманности обломков, если их масса не будет слишком велика, если они не будут слишком многочисленны и слишком быстры. В остальном жизнь корабля зависела от сноровки пилота.

Повинуясь быстрым пальцам, бегающим по клавиатуре, «Пурпурная Мечта» искала тропку среди кружащегося ветра багровых рукавов. Были ли теоретики правы или нет, но он знал, что кораблю не уцелеть в центре туманности. Чтобы их уничтожить, достаточно обычного булыжника. Загадочное лоно миров, а может быть, заурядная горсть космической пыли, может стать их могилой.

Пальцы касались клавиатуры, и крейсер вращался, нырял, танцуя среди черной и сияющей смерти. Он находил прорехи в занавесах пыли. Он уворачивался от зеленых хватающих рук, он проскальзывал между реками несущихся камней. Он уклонялся от объятий туманности и, как живой, боролся за свою жизнь. Словно откуда-то издали Джон Стар услышал тихий голос Джея Калама:

— Хорошая работа, Джон. Не думаю, что они идут за нами.

И «Пурпурная Мечта» металась в лабиринте туманности.

Внезапно перед ними возникли стены зеленого пламени; течение вынесло черные облака пыли, из которых высунулись обнаженные клыки черных камней. Подобно урагану, малоизвестные силы космической бури трепали и рвали корабль. Джон Стар заподозрил, что силы эти родственны губительным солнечным пятнам, а также смертоносным псевдосолнцам медузиан. То вправо, то влево, то вверх, то вниз вел он корабль, ныряя между этими клыками. Радар и термальные отражатели постоянно и бесполезно гудели, и он отключил их. Сейчас им могли помочь только человеческое искусство и быстрота.

На миг ему показалось, что они вырвались на свободу. Тьма впереди больше не содержала смертоносной пыли, это была лишь застывшая тьма открытого пространства. Сквозь сверхъестественное зеленое сияние он увидел красное пятно Антареса, и затем геодины снова отказали.

Четкое гудение генераторов вдруг прервалось, сменившись проклятой, раздирающей душу вибрацией. Драгоценный момент был упущен. Черный иззубренный кусок скалы, быть может, обломок планеты, внезапно предстал перед ними. Пальцы Джона Стара упали на клавиатуру, однако разлаженный корабль отказался повиноваться.

Когтистый камень прошел перед экранами. Он ударил в корпус со звоном, прозвучавшим словно колокол рока. Потом наступила тишина.

Джон Стар прислушался. Он не слышал геодинов, но и не было ни шипения, ни рева уходящего воздуха. Он понял, что корпус выдержал. Затем корабль начал вращаться. Резкое пятно Антареса вдруг исчезло, и прореха в туманности закрылась.

Тот же ветер, что вращал булыжники, подхватил их. Он потащил их назад, к загадочному сердцу туманности. Джон Стар пытался определить направление и с ужасом смотрел на хронометры. Хотя он знал, что человеческий организм должен перестать функционировать почти в тот же миг, прежде чем аномальные силы контрпространства пошлют время вспять.

— Жиль. — Это был Джей Калам, совершенно спокойный, и он говорил в переговорное устройство: — Нам нужна тяга!

И голос Жили Хабибулы отозвался из динамика из панели. Он был жалобен и косноязычен.

— Во имя сладкой жизни, Джей, не трогай меня больше. Потому что, Джей, старый бедный Жиль болен. Его голова не может устоять перед этим мерзким вращением, а его драгоценные геодины больше никогда не будут действовать. Пусть они покоятся в мире, Джей.

И безумный ветер энергии омыл их. Джон Стар торопливо изучал окружающие их

силы и не получал никакой информации. Ни магнитные силы, ни гравитация. Должно быть, это были некие другие, свойственные туманности силы. Здесь, на неведомой границе пространства и контрпространства, думал он, даже столь знакомые термины, как магнетизм и гравитация, уже не имели смысла. Он взглянул на хронометр, со страхом ожидая, когда тот двинется вспять, и зная, что умрет прежде, чем это случится. Больше ничего не оставалось.

— О, моя бедная старая голова, — слышалось слабое усталое нытье Жили Хабибулы. — Мне смертельно плохо, я кручусь как жалкий волчок. О, бедный старый Жиль болен, болен, болен...

Однако звук геодинов вернулся. Поначалу это было всего лишь смутное урчание.

— Болен, болен, болен! — хныкал Жиль Хабибула. — О, бедный старый солдат Легиона, изгнанный из драгоценной Системы по лживому обвинению в коварной измене, погибает, словно пес, в смертельной дыре пространства. Больной и... ого!

Геодины внезапно зазвучали ясно и ровно.

«Пурпурная Мечта» снова ожила. Джон Стар вывел ее из свирепого засасывающего потока. Он провел ее сквозь облако несущихся камней и направил в облако зеленоватого газа; и впереди вновь оказалась брешь.

Тьма космоса, и яркий Антарес.

Они вышли из последнего разреженного потока в чистую тьму космоса. Впереди был холодный бриллиантовый блеск звезд, и зеленоватый дым туманности скоро замерцал позади. В огромных космических масштабах это была лишь искорка вдали.

— Спасены! — воскликнул Джон Стар. — Спасены, — повторил он и улыбнулся неторопливой ироничной улыбкой. — А вот и Звезда Барнарда.

В телеперископ Джон обнаружил Убегающую Звезду. Это был красный и зловещий глаз, следивший за их приближением холодно, с откровенной угрозой.

— Да, теперь мы уже в достаточной безопасности, — мрачновато улыбнулся Джей Калам. — Мы ушли от этого корабля-паука. Я думаю, мы сможем теперь добраться до планеты. Если преодолеем барьер, который медузиане поставили для ее защиты.

Джон Стар лишь устало, отсутствующе взглянул на него. Об этом поясе охранения кое-что говорилось в секретных документах, поступивших на Марс, к Аладори.

— Мы знаем немного, — пояснил Джей Калам. — Командор Ульмар позволил ей узнать очень мало, чтобы она не заподозрила его в измене. Возможно, нам он расскажет побольше. Но я полагаю, что медузиане очень эффективно защищают свою планету.

Он вновь хмуро улыбнулся.

— В любом случае, Джон, пока мы в безопасности.

ПОЯС СМЕРТИ

Они отправились в каземат крейсера.

— Здравствуй Джон, — добродушно обратился к нему Адам Ульмар сквозь решетку крошечной камеры. Старый основатель Пурпурного Холла, командир Легиона и предатель человечества сидел на краю узкой койки, занятый своими мемуарами. — Одну минуту, Джон. — Он неторопливо закончил предложение, отложил рукопись и встал перед ними. Высокий благородный государственный деятель. Лицо, словно высеченное, красивая голова с аккуратно причесанными волосами была опущена, но в его лице не было и следа вины.

— Рад вам, джентльмены, — улыбнулся он, и в красивых голубых глазах его была искорка иронии. — У меня слишком редко бывают гости. Входите. Похоже, погода снаружи неважная, судя по кораблю.

— Однако впереди будет погода еще похуже, — сказал Джон Стар. — Мне так это представляется из всего, что я слышал о Поясе Смерти.

Фраза эта оказала на Адама Ульмара совершенно неожиданный эффект. С лица его исчезло выражение иронии, и на нем застыла жесткая маска. За маской Джон Стар уловил нечто вроде концентрации. Руки Ульмара побелели, стиснув прутья решетки. Он переводил

взгляд с одного на другого, и прежде, чем он смог заговорить, прошло несколько секунд.

— Пояс... — Он сглотнул. — Вы хотите сказать, что мы на границах Звезды Барнарда?

— Мы идем за Аладори, — резко ответил Джон Стар. — Я знаю, что экспедиция Эрика сообщала о некоей барьерной зоне вокруг планеты медузиан. Мы хотим знать, что это такое и как пройти через нее живыми.

На лице Адама Ульмара углубились резкие морщины, и цвет покинул его. Глаза его потемнели и как бы увеличились в размере.

— Я не знаю, что она из себя представляет. — Голос его был медленным и слабым от ужаса. — Я не знаю.

— Вы должны знать! — Голос Джона Стара изменился. — Вы получили полное сообщение, не обработанное цензурой. Эрик должен был все вам рассказать. Сообщите же нам!

Адам Ульмар медленно покачал головой.

— Эрик не знал, — сказал он. — Даже после того, как медузиане согласились нам помогать в обмен на груз железа, они ничего ему об этом не сказали. Все, что я знаю, — это то, что они сделали с кораблями его экспедиции, когда они впервые попытались высадиться.

— И что же?

— Достаточно, — сказал Адам Ульмар. — Его эскадра приблизилась к барьерной зоне, не получив предупреждения об опасности. К счастью, Эрик оказался в должной степени смышлен, чтобы остаться на флагмане в тылу. Только два первых корабля вошли в зону. Они так и не вернулись.

Какая сила образует барьер, его люди так и не смогли установить. Они предположили, что это, возможно, лучистая энергия, но даже если так, то она отличается от гамма-излучения или любой иной известной нам космической радиации. Экипажи двух кораблей не имели времени, чтобы что-нибудь сообщить. Корабли вышли из-под контроля. Наблюдатели на других кораблях сообщили, что они, похоже, даже дезинтегрированы. Позднее в верхних слоях планетарной атмосферы были замечены некоторые метеоритные следы, и это было все.

Остаток его эскадры Эрик держал за пределами барьера, пока не установил радио — и телесвязь с медузианами, что заняло значительное время. Впоследствии несколько кораблей было пропущено для посещения планеты и выпущено обратно. Очевидно, они могут по своему желанию убирать барьер.

Джон Стар мрачно взглянул на него.

— Что еще вам известно? — спросил он. — Люди, которые высаживались, что-нибудь узнали?

Старик, находившийся по ту сторону решетки, выдавил болезненную улыбку.

— Большинство из них никогда уже не сможет сказать, что они узнали. — В его тусклом голосе было эхо ужаса. — Это те, что вернулись, чтобы умереть с расстроенными мозгами, если они вообще вернулись. Видишь ли, в атмосфере планеты есть нечто очень нехорошее для плоти и разума человека. Вирус, вторичная радиация, наведенная лучами барьера, а может быть, токсичная эманация от тел самих медузиан. Эти ученые так и не смогли договориться между собой. Однако они доказали, что люди не могут жить там. Последствия крайне различны и временами проявляются не очень скоро. Но болезнь, когда она приходит, всегда внезапна и ужасна.

— Спасибо, командор, — сказал Джей Калам, и они повернулись.

— Подождите! — послышался дрожащий голос. — Вы... надеюсь, не собираетесь входить в Пояс?

— Мы пойдем через него, — заверил его Джон Стар. — Мы попытаемся пройти через него на очень высокой скорости.

— Расчет на внезапность, — добавил Джей Калам. — Прежде чем радиация, если она вообще есть, сможет оказать воздействие.

Выпрямившись, сжав белые и дрожащие руки на решетке, старый Адам Ульмар

разглядывал оба лица. Его бледные губы кривились. Наконец, он склонил голову, слегка пожал плечами и заговорил:

— Я сомневаюсь, что тебя можно переубедить, Джон. Ты — крови Ульмаров и не отступаешь перед опасностью. Я верю, что ты действительно попытаешься пройти через этот Пояс. Я верю, что ты готов сесть на эту планету, чего не сделал даже Эрик.

— Да, — сказал Джон Стар.

— Я верю в это. — Белая, четко очерченная голова медленно кивнула, и слабая горделивая искорка опять вернулась в испуганные глаза. — Я восхищаюсь твоим решением Джон. Во всяком случае, ты умрешь смертью Ульмара.

— А сейчас, Джон, у меня есть последняя просьба, с твоего позволения.

— Что вам угодно, командор? — В собственном голосе Джон Стар неожиданно услышал уважение и нечто похожее на теплоту.

— В моей каюте, в столе, есть секретное отделение, — таинственно заговорил бледный старик. — Я скажу, как тебе найти его. Там находится маленькая капсула с ядом.

Джон Стар покачал головой.

— Мы на это не пойдем.

— Мы родственники, Джон. — Голос Адама Ульмара звучал надтреснуто, с мольбой. — Невзирая на наши политические разногласия, ты должен помнить, что некогда я оказал тебе услугу. Я заплатил за твое обучение и устроил тебя в Легион. Неужели я прошу в ответ слишком многого? Несколько капель эфтаназии.

— Боюсь, что да, — сказал Джон Стар. — Потому что я думаю, что нам от вас снова потребуется информация, когда придется иметь дело с медузианами.

— Нет, Джон! — Старик всхлипнул. Глаза его были дикими, крайне испуганными. — Прошу тебя, Джон. Ты не можешь жалеть для меня смерти...

— Мы обязаны принести вам капсулу, командор, — Джей Калам взглянул на него с мрачной улыбкой, — лишь для того, чтобы посмотреть, что вы будете делать. Потому что вы переиграли свою роль.

Адам Ульмар ответил ему трезвой улыбкой. Сжатые ладони отпустили прутья, а сгорбленные плечи распрямились.

— Я пытался убедить вас вернуться, — признался он. — Я не нуждаюсь в яде: я знаю, что смерть в Поясе гораздо быстрее, чем может желать человек. — Голос его был напряженным и настойчивым. — Однако каждое мое слово — правда. Вам не сесть живыми или, если вы и приземлитесь, вам самим понадобится этот маленький пузырек, чтобы избежать безумия и боли. Тем хуже для вас, джентльмены!

Он отпустил их, небрежно махнув ладонью, и вернулся к бумагам, лежащим на узкой койке.

«Пурпурная Мечта» шла дальше. Справа от нее пылала Звезда Барнарда. Гладкая идеальная сфера, резко контрастирующая с черным вакуумом. Карлик типа «М», невообразимо старый, столь далеко зашедший в звездном умирании, что их глаза могли смотреть на него без помощи фильтров поверх линз. Но кроваво-красные лучи воздействовали на мозг; они словно ощущали роковое угрожающее касание. Прямо перед ними находилась его единственная планета, тусклый и жуткий полумесяц, омываемый зловещим алым светом. Мир чудовищных медузиан, черного корабля-паука, ожидающего пояса зла.

Корабль шел вперед, геодины пели отчетливо и чисто. Джон Стар и Джей Калам стояли перед телеперископами, высматривая первые признаки опасности. Красная и облачная планета кружилась впереди.

Ее ночная сторона была совершенно черная — круглое пятно среди звезд. Дневная сторона была вся изуродована, походила на уродливое зловещее лезвие, запятнанное кровью, покрытое темной ржавчиной. Ее орбита проходила вблизи умирающего карлика. И Джон Стар осознал, насколько она огромна. Во много раз больше Земли.

Джей Калам глубоко, благоговейно вздохнул.

— Крепости, — прошептал он. — Станции, которые создают барьер. Вот что это такое. Пояс спутников.

Джон Стар обнаружил их. Тусклые и крошечные полумесяцы, красные, как и сама, чудовищная планета. Он обнаружил их три, на одной орбите поверх туманной атмосферы огромного мира; их должно было быть шесть, решил он, отделенных друг от друга шестидесятью градусами.

Кольцо спутников-крепостей! Сам барьер — наверняка неизвестный вид радиации, однако идеальная позиция этих сателлитов доказывает достаточно высокий уровень науки враждебных медузиан. Взгляд Джона Стар вернулся назад, на самый большой туманный полумесяц.

— Аладори там!

Его слова прерывались невыразимым ужасом. Ее прячут и стерегут где-то на этой планете, защищенной спутниками-крепостями. И пытаются, наверное, выудить из нее секрет АККА.

— Мы должны пройти, Джей.

— Да, мы должны.

И Джей Калам стал отдавать тихие команды в микрофон.

— Смерть моя! — послышался из динамика тонкий хнычущий голос. — Во имя драгоценной жизни, неужели мы даже секундочку не передохнем? Неужели мы, как последние идиоты, помчимся навстречу новым коварным опасностям, не сделав даже жалкой передышки? Неужели, Джей, ты не дашь нам даже секундочки, всего лишь одной драгоценной секундочки, чтобы слегка перекусить?

— Давай всю возможную тягу, Жиль, — прервал его Джей Калам. — Потому что как раз сейчас мы приближаемся к барьерной зоне и зависим от неожиданности и скорости.

— Жизнь моя дорогая! — поперхнулся воздухом Жиль Хабибула. — Только не в эту коварную штуку, которую называют Поясом Смерти!

— Да, Жиль, — сказал Джей Калам. — Мы намерены попробовать пройти между двумя из этих крепостей и надеемся, что их лучи нам не помешают.

— Жизнь моя сладкая, не надо! — хныкал Жиль Хабибула. — Дай нам время, Джей, для одного-единственного глоточка винца. Не можешь же ты быть таким бессердечным, Джей, по отношению к старому солдату Легиона. Пожалей ничтожный избитый человеческий скелет, Джей, едва стоящий на ногах после того, как он денно и ночью поддерживал жизнь в своих драгоценных геодинах и превратился от голода в кожу и кости. Не надо, Джей, пожалей бедного и старого...

Но Джон Стар больше его не слушал.

Сосредоточившись у контроля, едва дыша, он заставил «Пурпурную Мечту» нырнуть к огромному зловещему полумесяцу, нацеливаясь как раз между двумя черными крошечными лунами. И тотчас он узрел нечто ужасное. Хотя сателлиты-крепости не выпускали ни метательных снарядов, ни видимых лучей, однако он увидел, что что-то происходит с кораблем и им самим.

Металлические панели и пластины приборов перед ним вдруг засветились. Его кожа сияла. Яркие частицы плясали в воздухе, кружились в разноцветном хороводе. Сам металл корабля, похоже, испарялся, превращаясь в радужный туман, так же как и его тело!

Затем он почувствовал ее — пелену слепящей боли.

На миг он поддался агонии, тошноте и слабости, глаза его закрылись. Он попытался взять себя в руки и неуверенно приблизился к Джею Каламу, который представлял собой яркий спектр, заключенный в великолепную оболочку из тумана растворяющихся радуг.

— Что... — Его хрипящий голос был слабым и придушенным, и боль сжимала его зубы. — Что это?

— Радиация... — Яркий спектр говорил тонким от боли голосом. — Должно быть, разрушаются молекулярные связи. Ионизированные атомы отскакивают... Все тает, превращаясь в атомный туман... Молекулярный распад... Наши нервы уничтожаются...

Сколько это может... — Голос затих. Красная боль заполнила мозг Джона Стара. Каждый орган и каждая клеточка визжали от боли. Даже клетки мозга, казалось, протестовали против этого разгула с трудом выносимой боли, которая с каждой секундой усиливалась.

Он был слеп от боли. Боль ревела в ушах. Раскаленные докрасна иглы боли пронизывали каждую частичку его тела. Но он по-прежнему боролся, чтобы держать себя в руках. Он застыл над контролем управления и вел крейсер вниз.

Сквозь боль, грохотающую в ушах, он слышал, как гул перегруженных геодинов сменился грубой вибрацией. Это безобразное рычание усилилось, и вскоре затрясся весь корабль. Это стало ужасным. Он думал, что может не выдержать корпус.

Однако вибрация внезапно прекратилась. Геодины полностью отказали. Но мгновение было упущено — они не прошли сквозь Пояс Смерти.

В наступившей тишине он услышал, как кричит в своей камере Адам Ульмар.

— Дезинтеграция... — послышался слабый хриплый голос Джея Калама. — Мы становимся невидимы!

Он увидел, что твердый металл механизмов, окружавших его, становится жутко, невероятно полупрозрачным, словно намереваясь полностью раствориться в мерцающем тумане, который, все уплотняясь, клубился вокруг.

Он увидел сквозь дымку сверкающих, как алмазы, частиц Джея Калама — на самом деле это был призрак.

Эта сияющая спектральная фигура была уже полупрозрачна, сквозь очертания плоти виднелись, как тени, кости. От него яростно шел дым. Он больше не походил на человека; это была жуткая гибель, расплавление и превращение в ничто.

И все же он сохранял сознание, рассудок и волю.

Он издал сухой и слабый звук:

— Дюзы!

Джон Стар знал, что тоже превратился в тающий призрак. Каждый атом его тела пылал невыносимой болью. Красная агония ослепляла его, визжала в ушах, заставляла немочь тело. Тем не менее, он двинулся, прежде чем она одолела его полностью.

Он дотянулся до клавиатуры включения дюз.

Он распростерся над панелью управления, слабый и дрожащий. Измученное тело обмякло, истекало потом. Он подтянулся, сознавая, что его страшная агонизирующая прозрачность исчезла. Он увидел Джея Калама, слабого и белого, увидел за его спиной несколько мерцающих алмазных частичек, по-прежнему плавающих в воздухе.

— Дюзы, — прошептал Джей Калам, его голос был очень тихим, хотя и серьезным и внушительным, как всегда. — Дюзы нас пронесли.

— Пронесли! — Голос Джона Стара был как сухой хриплый кашель. — Сквозь Пояс?

— Да, и мы падаем на поверхность планеты.

Джон попытался взять себя в руки.

— Выходит, нам нужно снизить скорость перед приземлением.

— Жиль, — позвал Джей Калам в переговорное устройство. — Геодины...

— Не трогайте меня больше! — послышался жалкий и слабый протест. — Бедный старый Жиль умирает, умирает! Ах, эта коварная боль! И генераторы повреждены, сгорели! Их разрушила эта жуткая вибрация! Их никогда уже не отремонтировать — тут не поможет даже редкое и совершенное искусство Жилия Хабибулы. Ах, бедный старый Жиль, даже уникальное умение и гениальность не спасут его больше. Он обречен и умирает вдали от дома!

— Не говори так, Жиль, — вмешался Джон Стар. — Ты можешь их наладить!

— Нет, Джон, с ними все кончено, говорю тебе. Они сгорели.

— Это правда, — сказал Джей Калам. — Они сгорели. Геодины прекратили существовать. У нас остались только дюзы, чтобы не разбиться в прах.

Джон Стар мрачно проковылял к клавиатуре управления, бормоча:

— Вот когда нам нужно топливо, оставленное на спутнике Плутона.

ЗВЕЗДА-КОРСАР

Беспорядочно вращаясь, «Пурпурная Мечта» неслась к огромной распростершейся желто-красной планете, и дюзы посылали вперед пламя на полной мощности, чтобы выправить полет — если только можно выправить полет во время катастрофы.

Джей Калам, мрачно-серьезный, смотрел, как Джон Стар быстро считывает данные с приборов, переправляет их в компьютеры и вводит новый код.

— Что ты обнаружил?

— Близко, — медленно сказал, наконец, Джон Стар. — Слишком близко. И тут, почти одновременно, произойдут три события: скорость будет погашена, мы достигнем планеты, и у нас кончится топливо.

Однако поверхность скрыта под плотной атмосферой. Я не могу сказать, насколько она далеко. Если слишком близко, мы разобьемся прежде, чем погасим скорость. Если слишком далеко, будем падать дальше, а топлива не останется. Или в самый раз, или никак.

— Тогда, — сказал Джей Калам, — будем ждать. Как долго?

— Через два часа на полной тяге резервуары опустеют.

Джем Калам кивнул своей длинной серьезной головой, медленно поворачиваясь к телеперископу. Спустя мгновение он вдруг напрягся и повернулся показать на новую красную искорку, которая незамеченной вползла на экран.

— Еще один черный корабль, — заявил он. — Вылетел, чтобы посмотреть на обломки, когда мы врежемся, надо думать. Должно быть, они нас засекли, когда мы проходили мимо крепостей-спутников.

Джон Стар посмотрел на собственный прибор — чудовищная громада черного сияющего металла, черные лопасти двигались странно и медлительно вокруг обширного черного брюха корпуса. Корабль был невысоко над ними и неторопливо двигался следом, не делая враждебных движений.

— Идет, чтобы посмотреть, как мы врежемся, — пробормотал он. — Или чтобы подобрать нас, если мы уцелеем.

— Я пойду к командору Ульмару, — сказал вдруг Джей Калам. — Я хочу позволить ему связаться с ними. Мы очень мало что можем потерять, а выиграть можем все. Возможно, сможем выкупить Аладори. Что бы ни запросил Ульмар, система сможет ему предоставить, чтобы спасти ее и АККА.

Джон Стар кивнул — возможно, это был шанс. Джей Калам привел на мостик Адама Ульмара. Высокий командор был все еще бледен и дрожал после перехода через радиационный барьер, но его жесткое лицо улыбалось.

— Поздравляю, Джон! Я не думал, что ты сможешь нас провести.

Джей Калам сказал ему суровым сдержанным голосом:

— Я хочу позволить вам говорить, командор. Я даю вам шанс спасти свою жизнь, а также спасти Аладори и ее тайну для Зеленого Холла. И я уверен, что Зеленый Холл согласится с любым необходимым выкупом. И я обещаю вам, если вы поможете нам благополучно вернуть Аладори в Систему, что выпущу вас на свободу.

— Спасибо, Калам. — Белая, четко очерченная голова слегка и полуиронично кивнула. — Благодарю за столь трогательное доверие ко мне. Это верно, что я не хочу умирать, и верно, что Эрик очень глупо спутал планы задуманного мною предприятия. Эта девушка вовсе не должна была оказаться здесь.

— В таком случае, делайте то, что я вам сказал.

Джон Стар внимательно посмотрел на гордое лицо с темными кругами под глазами, выглядевшее, тем не менее, благородным. При всей ненависти к тому, что делал его родственник, он увидел на этом лице уверенность, волю и силу.

— Я сделаю все, что смогу.

— Очень хорошо, — сказал Джей Калам. — Вы можете связаться с ними отсюда, с

борта?

— С помощью коротковолнового передатчика, — сказал командор. — Видите ли, медузиане нечувствительны к звуку: хотя люди Эрика назвали их именем земных студенистообразных, однако они ни на что в Системе не похожи. Они общаются непосредственно короткими радиоволнами. Я знаю код, разработанный людьми Эрика, — я общался из Пурпурного Холла с агентами, которых они послали в Систему.

— Действуйте, — сказал Джей Калам. — Пусть этот корабль даст соединительный трос, прежде чем мы рухнем. Пусть они доставят к нам на борт в целости и сохранности Аладори и дадут нам все, что понадобится для ремонта геодинов. И пусть откроют барьер, чтобы мы смогли уйти, — не думаю, что мы сможем пережить еще один прорыв. Пообещайте, что хотите, но вам лучше быть убедительным.

— Я сделаю все, что смогу.

И Адам Ульмар уселся за компактную панель корабельного передатчика. Лицо его было серьезным и напряженным. Он быстро нашел нужную частоту, потом начал произносить в микрофон звуки вместо слов — неприятное урчание, свист и щелчки.

Ответ, неожиданно раздавшийся из приемника, все же был для них странным. Голоса медузиан представляли собой пронзительный шепот, сухой и злобный, столь омерзительно-неземной, что Джон Стар, прислушиваясь, задрожал от озноба и невыносимого ужаса.

Адам Ульмар тоже, видимо, обнаружил нечто ужасное в услышанном. Длинная челюсть его отвисла от удивления. Он вдруг задрожал, красивое лицо его побелело и покрылось жемчужными каплями пота. Неподвижные глаза стали темными, блестящими.

Он опять начал произносить в передатчик тихие пронзительные звуки, и в горле у него так пересохло, что он едва мог говорить. Из приемника послышался сухой скрип. Он долго прислушивался, глядя в никуда. Наконец, чужие звуки умолкли. Он механически потянулся белой дрожащей рукой к выключателю и поднялся на одеревеневших ногах.

— Что это было? — выдохнул Джон Стар. — Что они сказали?

— Ничего хорошего, — равнодушно ответил Адам Ульмар. Он вцепился в поручни, чтобы устоять на ногах. — Худшее, что могло произойти. Случилось то, чего я боялся с того самого мига, когда услышал о дурацком союзе Эрика.

Его большие глаза глядели на динамик, ничего не видя.

— Что случилось? — настойчиво спросил Джон Стар.

Адам Ульмар потер дрожащей рукой покрытый потом лоб.

— Я не могу решиться сказать тебе, Джон. Потому что ты будешь винить меня за это. И, мне кажется, я и впрямь виноват. Это я послал сюда Эрика с экспедицией, и он получил шанс стать героем. Эрик Второй! — Он невесело усмехнулся. — Да, я виноват.

— Но что они сказали?

Его стеклянные глаза с немой мольбой взглянули в лицо Джона Стар.

— Пожалуйста, не думай, Джон, что это я задумал! Однако медузиане, похоже, провели Эрика и всех остальных. Они пообещали нам восстановить Империю в обмен на корабль, груженный железом. Но сейчас, по всей вероятности, они намерены получить куда больше.

Его сильное тело вздрогнуло.

— Они только что рассказали мне кое-что из своей истории, чего не знал Эрик, и это история в подлинном смысле слова. Они старые, Джон. Солнце у них старое. Их раса на этой призрачной планете состарилась прежде, чем родилась Земля. Они очень старые, Джон, однако они не намерены умирать.

Удивительное движение Звезды Барнарда, как они мне сказали, — это дело их рук. Поскольку минеральные ресурсы их планеты были использованы очень давно, они стали посещать другие миры. Двигаясь через галактику, они жили тем, что опустошали планеты, мимо которых проходили, и кое-где основывали колонии, что, как они мне сказали, ждет и Землю. — Он медленно и слабо кивнул белой головой. — Прошу тебя, Джон, — прошептал он, — не думай, что это когда-либо входило в мои намерения.

Джон Стар и Джей Калам лишились голоса от потрясения. Это было невыносимо. Но Джон Стар знал, что это правда. Логика говорила, что медузиане вряд ли ввяжутся в межзвездную войну из-за единственного корабля, груженного железом, а Адам Ульмар привел сейчас причину, куда более убедительную.

В уме Джона Стара возникла картина обреченного человечества. Система не сможет бороться с наукой, которая строит эти черные паучие корабли пространства и вооружает их искусственными атомными солнцами. С планетой, которая группирует другие планеты в пояс искусственных спутников и ведет звезду, словно красного корсара, по галактике.

— Нет, у Системы не было шанса — тем более, что Легион Пространства уже предан его собственным командиром и АККА в руках чудовищного врага.

— Прошу тебя, Джон! — Надтреснутый голос Адама Ульмара был тонок, в нем была мольба. — Прошу, не думай, что я замыслил все это. А сейчас, если ты не возражаешь, я действительно нуждаюсь в капсуле, что в моем столе.

Джон Стар медленно прошептал:

— Вы не получите легкую смерть.

— Нет, командор, — хмуро сказал Джей Калам. — Вы должны жить, по крайней мере, какое-то время. Если мы уцелеем при посадке, вам, возможно, представится шанс исправить кое-что из того, что сделано вами.

Он отвел спотыкающегося узника обратно в камеру.

Дюзы по-прежнему ревели. «Пурпурная Мечта» падала. Предназначенные только для осторожных маневров при взлете и посадке, дюзы никогда не получали задачи, подобной этой. Торможение при такой скорости, при которой удалось благополучно пройти сквозь радиационный барьер, — это была работа для геодинов. Однако геодины были испорчены.

Джон Стар застыл возле пульта управления, выжимая последние крохи энергии из последних капель топлива, пытаясь вовремя остановить крейсер.

Черный корабль-паук падал вслед за ними. Медузиане, несомненно, следили: им было любопытно пронаблюдать эффект воздействия излучения барьера на корабль. И, конечно же, они были наготове с каким-нибудь новым оружием, если эти сумасшедшие пришельцы переживут посадку.

Красный туман сомкнулся вокруг «Пурпурной Мечты». Черный корабль следовал за ними, превратившись в огромную смутную тень в сумерках. Все остальное исчезло, и крейсер по-прежнему падал к невидимой планете, скрытой за светящимися красными облаками. Рев дюз прервался, возобновился, потом прекратился окончательно.

— Топливо кончилось, — прошептал Джон Стар. — Мы падаем. И ничего больше сделать нельзя.

Стиснув кулаки в бессильной ярости, он вглядывался в густой светящийся красный туман. Напряженные глаза выделили поверхность, нечто смутное и блестящее. На поверхности, готовой встретить их, играли вспышки.

— Море, — прошептал он. — Мы снижаемся к...

Паника прервала его слова, он услышал голос Джея Калама, тихий и мягкий даже в последние мгновения их падения.

— В любом случае, мы добрались до планеты, на которой находится Аладори.

В ПУЧИНАХ НЕВЕДОМОГО ОКЕАНА

— Выходит, мы шлепнулись на дно смертельного моря? — заключил Жиль Хабибула. Настроение его не повысилось. Он говорил голосом здорового ухоженного кота, недовольного тем, что его таскают за хвост. Джон Стар молча кивнул, и тот горько продолжал:

— Двадцать долгих верных лет я прослужил в Легионе с того злого дня на Венере, когда...

Он замолчал, вращая рыбьими глазами, и Джон Стар спросил:

— Как это тебя угораздило вступить в Легион?

— Двадцать лет, дружище, старый Жиль прослужил в Легионе, стойкий и верный человек. И, да, во имя доброй жизни, столь бравый солдат всю свою жизнь.

— Да, я знаю. Но...

— Старый Жиль оставил прошлое позади, дружище. — Голос его снова стал отчетливо-жалобным. — Он полностью оправдал себя, как отважный герой. И взгляни на него сейчас, пожалей его жалкие кости!

Его называли коварным пиратом, чего вот уже двадцать долгих лет он не делал, потому что двадцать вечных лет он был благородным воином Легиона. О да, дружище, взгляни на старого Жилиа Хабибулу.

Голос его прервался. Огромная слеза затрепетала в углу рыбьего глаза, помедлила, словно убоившись гигантского красного носа, решила и потекла вниз.

— Взгляни на бедного старого Жилиа. Его выгнали, как собаку, из собственной родной Системы. Его травят, как кролика, в межзвездном пространстве. Он заброшен на эту планету призрачных опасностей и ползучих ужасов. И теперь ему предстоит провести последние безрадостные дни, погибая на дне желтого моря. Бедный Жиль Хабибула! За эти годы он ослабел, устал, и серые седые волосы увенчали его старую голову. Он стал больным и ленивым. Он был забыт и выслан на уединенный, заброшенный крошечный пост на Марсе.

А теперь он в ловушке и погибает на дне ужасного желтого моря. Так где же драгоценная справедливость, парень?

Он спрятал свое большое лицо в ладонях и затрясся в рыданиях, чем-то напоминая агонизирующего загарпуненного кита. Однако это длилось недолго. Он выпрямился и вытер глаза обратной стороной толстой ладони.

— В любом случае, дружище, — засопел он устало, — не выпить ли нам по капельке винца, чтобы забыть ужасные беды, обрушившиеся на нас? Кстати, я тут припас ящик консервированного сыра, который нашел на складах.

И я расскажу тебе, дружище, о тех временах на Венере. Это было смелое приключение — если бы только я не наступил во тьме на коварную лампу, ибо тогда бедный старый Жиль был умен и проворен, как ты, дружище.

— Нет, мы не сможем сдвинуть корабль, — ответил Джон Стар чуть позже, стоя в рубке возле Калама. — Хотя он лежит в неглубоком месте — согласно измерителям давления, он менее чем в ста футах от поверхности.

— Но нам не поднять его на поверхность?

— Нет. Геодины отказали, топливо для дюз кончилось. Если бы у нас были те бочки, которые мы оставили на спутнике Плутона! А корпус слишком тяжел и не держится на плаву. Он не предназначен для навигации.

— Выходит, — заключил Джей Калам, рассудительно-хмурый, хотя и со спокойной решительностью, которая значила больше, чем крайнее неистовство кого-то другого, — что мы не сможем подняться. Это не так плохо, если учесть, что мы живы и находимся на той же планете, что и Аладори.

— Нет, — с той же решительностью сказал Джон Стар. — Если бы только мы могли выручить ее и выиграть время, чтобы достать материалы и построить АККА, мы бы показали этим медузианам.

— Это-то мы и должны сделать, а значит, и будем делать. А теперь, — добавил он, — надо поговорить с Адамом Ульмаром.

Когда они пришли к старику, он сидел, бледный и измученный, на койке, не в силах оправиться от переговоров с медузианами. Царственная гордость Пурпурного Холла покинула его. Он невидяще глядел в стену, трясущиеся губы шевелились. Вначале он их не заметил. Джон услышал голос:

— Изменник! Предатель человечества!

— Адам Ульмар, — обратился к нему Джон Стар, разрываемый на части жалостью и презрением к потрясенному человеку, взиравшему на них с невыразимым ужасом. — Вы

готовы помочь нам, чтобы попытаться исправить причиненное вами зло?

Слабое мерцание заинтересованности и надежды вернулось в мутные, искаженные мукой глаза, однако командир Легиона кивнул.

— Я помогу. — Голос был жалок, безжизнен. — Я сделаю все, что могу. Но уже слишком поздно. Слишком поздно.

— Нет! — крикнул Джон Стар. — Еще не слишком поздно!

Адам Ульмар неуверенно встал на ноги, гордое лицо его было искажено.

— Я помогу. Но что можно сделать?

— Мы намерены найти Аладори и освободить ее. Потом она сможет разделаться с медузианами с помощью АККА.

Он уселся. Его голос звучал устало и горько:

— Вы дураки. Находитесь в поврежденном корабле на дне моря. Аладори заключена в хорошо охраняемой крепости, куда не проникнут даже флотилии Легиона, если медузиане еще не выпытали ее тайну и не разделались с ней. Вы полнейшие идиоты — хотя и не такие, как я...

— Расскажите нам все, что вы знаете о планете, — сказал Джей Калам. — География ее континентов. И о медузианах. Их оружие, цивилизация, и где, скорее всего, они содержат Аладори.

Адам Ульмар посмотрел на них с апатичным отчаянием.

— Я расскажу вам то немногое, что знаю, хотя это и не принесет пользы. Как вы знаете, сам я никогда здесь не был. Я располагаю лишь отчетами, доставленными экспедицией Эрика.

Эта планета значительно крупнее Земли. В диаметре она приблизительно в три раза больше. Вращается она медленно, день ее равен приблизительно пятнадцати земным. Ночи ужасны. Длятся неделями и крайне холодны. Карлик, как вам известно, не дает много тепла.

Взгляд его медленно ушел в сторону.

Джон Стар подстегнул его:

— Континенты?

— Континент всего один, большой, равный по площади поверхности Земли. Вдоль одного побережья — полоса странных джунглей, диких и смертоносных. По словам Эрика, они растут с поразительной быстротой в течение долгого дня и кишат свирепой неземной жизнью.

Вдоль восточного побережья за джунглями возвышается горная гряда, более отвесная, говорил Эрик, чем любая в Системе. Запад гряды — огромное высокое плато, безжизненное, изрезанное дикими каньонами. Далее — долина большой реки, которая протекает почти по всему континенту.

У медузиан остался единственный город — на этой умирающей планете трудно поддерживать жизнь, и большинство их мигрировало на другие завоеванные миры. Как они хотят поступить и в нашем случае. Этот город находится где-то на реке. Точнее я не могу сказать.

— Аладори? — порывисто спросил Джон Стар.

— Она, несомненно, должна находиться в городе. Эрик говорил, что это совершенно изумительное место, огромное по человеческим масштабам. Весь город выстроен из черного металла и окружен стенами в добрую милю высотой. Они ограждают его от страшных джунглей. В центре — огромная крепость, гигантская башня из черного металла. Скорее всего, они держат ее там, под охраной оружия, способного аннигилировать все флотилии Системы в одно мгновение.

— Вы знаете еще что-нибудь? — допытывался Джей Калам.

Взгляд загнанных глаз опять был направлен в пустоту.

— Нет, больше ничего.

— Очнитесь! Думайте! Вся Система на кону!

Тот заговорил:

— Нет... да, я вспомнил еще одно, хотя нет особого смысла говорить вам об этом. Атмосфера...

— Что — атмосфера?..

— Вы видели, что она красноватая?

— Да. Что, она не годится для дыхания?

— Она содержит кислород. Вы сможете дышать. Однако в ней содержится красный газ. Для медузиан он безвреден, но не годится для людей. Это растительный органический газ, как они сказали мне во время переговоров. Они вырабатывают его для исправления климата, чтобы снизить тепловые потери по ночам. Они намерены заполнить им, без сомнения, и атмосферу. Земли. Однако он плохо действует на людей.

Он заставил себя собраться с мыслями.

— Ты помнишь, что ранило тебя в плечо, Джон? Это было вызвано красным газом. Выплеснутым на тебя в жидком виде. Медузиане уже выяснили, как он действует на человеческие организмы. Люди из экспедиции Эрика...

Стройный старик вздрогнул.

— Они заболели потому, что дышали в этой атмосфере. Поначалу она не сказывалась на них, если не считать легких неудобств. Но позже начались умственные расстройства. Стала гнить плоть. И была сильная боль. Потом...

— После того, как я обжегся на Марсе, ваши врачи меня выходили, — сказал вдруг Джон Стар. — Чем они пользовались?

— Мы выработали формулу нейтрализатора... Однако у нас на борту нет ингредиентов.

— Несмотря на это, мы сможем прожить некоторое время?

— Какое-то время, — эхом отозвался старик. — Индивидуальные реакции различаются, но обычно самое худшее случается через несколько месяцев.

— Тогда это не играет важной роли.

— Нет, — довольно хмуро и выразительно произнес Адам Ульмар. — Нет, вы погибнете, если сможете покинуть корабль, и способов для этого, самых быстрых, будет миллион. Жизнь, видите ли, очень стара на этой планете. Борьба за существование здесь очень свирепа. В результате чего флора и фауна ведут с медузианами борьбу за существование. За пределами корабля вам не выжить.

— Однако мы намерены попытаться, — заверил его Джей Калам.

— »Пурпурная Мечта«, — заявил Джон Стар чуть позже, когда они все впятером собрались на узкой палубе возле воздушного шлюза, — лежит на дне неглубокого моря. Здесь всего лишь восемьдесят футов глубины. Мы не можем сдвинуть корабль, но мы можем выбраться

— Выбраться? — эхом откликнулся Хал Самду. — Как?

— Через воздушный шлюз. Мы выплывем на поверхность и попытаемся добраться вплавь. Раз глубина всего лишь восемьдесят футов, то вполне возможно, что мы на отмели какого-нибудь побережья. Мы сможем выбраться на него и вынести с собой груз оружия и припасов.

— Мы смогли бы прожить здесь, на борту Воздуха и припасов здесь достаточно. А снаружи, быть может, мы проживем всего лишь несколько минут. Мы не сможем достичь поверхности, а если и достигнем, то лишь затем, чтобы встретиться с опасностями в мире, где даже воздух — медленный яд.

— Мой драгоценный глаз! — вмешался Жиль Хабибула. — Мы здесь, в злом и жутком море, на этом дне, мы все постепенно вымрем от истощения. И этого еще недостаточно! Ты хочешь, чтобы мы всплыли со дна этого коварного желтого моря, будто смертельные рыбы?

— Именно! — согласился Джон Стар.

— Ты хочешь, чтобы бедный старый Жиль утонул как безмозглая крыса, когда здесь у него в изобилии припасов и вина! Бедный старый Жиль Хабибула.

— Дурак ты, Джон, — мрачно и свирепо произнес Адам Ульмар. — Тебе никогда не

выбраться на берег. Ты не слышал рассказов, привезенных людьми Эрика Ульмара. Ты не знаешь той жизни, как растительной, так и животной, что в течение длинных красных дней ведет здесь борьбу за существование. Как ты намерен пережить ночь? Ты рожден в ласковом мире, Джон. Тебе не дано будет уцелеть здесь.

— Любой из вас, кто пожелает, может остаться на борту, — тихо прервал Джей Калам. Джон идет. И я. Хал?

— Конечно, я пойду, — откликнулся гигант, краснея от гнева. — Вы что, думаете, я оставлю Аладори этим монстрам?

— Конечно, нет. Хал. А ты, Жиль?

Рыбьи глаза Жилиа Хабибулы яростно вращались. Он спазматически вздрагивал. Пот бежал по его лицу. С невероятным усилием он произнес сухим голосом:

— Смерть моя! Вы что, хотите уйти и оставить бедного больного старого Жилиа Хабибулу здесь, чтобы он голодал и гнил на дне этого злобного моря? Во имя драгоценной жизни! — конвульсивно прохрипел он. — Я пойду. Однако вначале старый Жиль должен отведать вкус пищи, чтобы его изнуренные старые кости обрели силу, и хлебнуть винца, чтобы успокоить измотанные, измученные нервы.

Он неуверенно поплелся к трюму.

— А вы, командор? — настойчиво спросил Джей Калам. — Вы пойдете?

— Нет... — Адам Ульмар покачал головой. — В этом нет смысла. Я знаю, что естественный отбор привел к появлению как на суше, так и в этих морях весьма удачных жизненных форм.

Четверо вошли в воздушный шлюз и приготовили большие, непроницаемые для воды свертки с одеждой, протонными пистолетами, несколькими фунтами концентрированной пищи и, по настоянию Жилиа Хабибулы, бутылкой вина. Они задраили внутренний люк, и Джон Стар открыл дверь, ведущую наружу. Мощный поток воды рванулся в камеру, заполняя ее, обдавая ледяным холодом тела людей, выталкивая воздух кверху. Их сжали безжалостные тиски давления. Поток прекратился, когда вода была уже вровень с их плечами. Джон Стар вращал штурвал наружного люка, но армированная дверь сопротивлялась.

— Заклинило! — прохрипел он. — Мы должны попробовать ручную.

— Дай мне! — крикнул Хал Самду, рывками пробираясь вперед в ледяной воде. Голос его в плотном воздухе был необычайно пронзительным. Он привалился спиной к металлическому люку, напрягся. Боль от усилий превратила его лицо в странную маску. Дышал он быстро, хрипло и прерывисто.

Джон Стар и Джей Калам помогали ему, все они боролись с люком в холодной воде, достигшей уже подбородков, стараясь сдерживать дыхание в горячем спертom воздухе.

Люк неожиданно поддался. Поток воды опрокинул их. Воздух пузырями стал вырываться наружу. Они наполнили легкие в замкнутом воздушном кармане, подтянулись к отверстию и, отчаянно барахтаясь, поплыли к поверхности.

Темная вода, от которой немело тело, сокрушающее давила на них. Джон Стар сражался с безжалостным, казалось, неодолимым давлением. Он чувствовал, как свирепые тиски опустошают измученные легкие. Он рвался вверх, сквозь мрачную бесконечность времени. Затем, на удивление неожиданно, он вынырнул на поверхность желтого моря и стал хватать ртом воздух.

Плоская блестящая маслянистая красно-желтая поверхность моря под холодным красным небом простиралась в смутную красную даль. Море поднималось и опускалось длинными медленными волнами.

Вначале он был один. Вдруг рядом с ним взметнулась голова Джея Калама, задыхающаяся, мокрая. Затем рыжеволосая голова Хала Самду. Они ждали, не в силах говорить, пытаясь отдышаться. Они ждали долго, и наконец вынырнула голова Жилиа Хабибулы — лысина с реденькой прядкой седых волос.

Они держались на плаву в желтом море и дышали глубоко и благодарно, забыв о том,

что с каждым вдохом глотают медленный яд.

Пустынная равнина моря простиралась вдаль. Безмолвная и безжизненная. Небо — огромный зловещий снижающийся к горизонту купол. На большой высоте пылал в небе неописуемо огромный красный диск. Умиравший карлик, состарившийся еще тогда, когда Земля лишь зарождалась, — он, казалось, был слишком холоден, чтобы согреть их.

— Следующая наша проблема, — задыхаясь, произнес Джон Стар, — берег...

— Сверток... — пробормотал Хал Самду, — с пистолетами. Не всплыл...

Действительно, он не появился.

— Моя жалкая бутылочка вина! — захныкал Жиль Хабибула.

Затем все они замолчали. Огромное невидимое тело всплыло рядом с ними на поверхность и погрузилось обратно.

ЧЕРЕЗ КОНТИНЕНТ

Держась на плаву в месте всплытия, затаив дыхание, они ждали появления драгоценного свертка, в котором находилось их оружие, а также бутылка вина для Жили Хабибулы. Другие свертки, с одеждой и продуктами, также пропали.

— Они не всплыли, — наконец, в отчаянии заключил Джон Стар. — Придется добираться до берега без них.

— Протекли, наверное, — сказал Джей Калам. — Или застряли в люке.

— Или их проглотили, — засопел Жиль Хабибула. — Вон тот монстр, что так страшно плескался, он и проглотил. Ах, мое драгоценное вино...

— А где берег? — требовательно спросил Хал Самду.

Во все стороны от их колышущихся, словно поплавки, голов простиралось маслянистое, покрытое невысокими волнами желтое море, нигде не нарушаемое сушей. Гнетуще нависало сумеречное небо, туманом густел ядовитый красный газ. Вдали над морем пылало зловещее солнце, кроваво-красный шар. Легкий бриз коснулся их лиц, столь слабый, что едва пошевелил желтую поверхность.

— У нас два возможных проводника, — сказал Джей Калам, держась на плаву с помощью медленных, неторопливых движений. — Солнце и ветер...

— Как?..

— Солнце невысоко, однако оно поднимается. Значит, там восток. Это говорит нам о направлении. А что касается ветра, то это явно морской бриз с побережья большого континента, о котором говорил Адам Ульмар. В это утреннее время ветер должен дуть с моря, потому что воздух над сушей нагревается и поднимается.

— Так что же, поплывем по ветру к западу?

— Я думаю, что это наш наилучший шанс, хотя базироваться приходится на весьма неполных астрономических и географических знаниях о планете. Слишком плохо, что мы хотя бы мельком не заметили континент сквозь туман, когда падали. Весьма может оказаться, что мы вовсе не возле берега, а просто на каком-нибудь мелководье. Но я думаю, что наш лучший шанс — плыть по ветру.

Они отвернулись от красного солнца. Джон Стар поплыл уверенно, не затрачивая усилий. Хал Самду разрезал воду медленными мощными гребками. Джей Калам плыл расчетливо и бесшумно. Жиль Хабибула пыхтел, барахтался, расплескивая воду и слегка отставая.

Казалось, прошли часы, прежде чем он захрипел:

— Во имя сладкой жизни, давайте немножко отдохнем. Что за смертельная спешка?

— Можем отдохнуть, — согласился Джей Калам. — Берег может находиться в двух милях, а может, в двухстах или в двух тысячах.

Они отдохнули некоторое время, потом вновь, с усталой расчетливостью, поплыли.

Поначалу они не ощущали ничего необычного в воздухе. Однако Джон Стар вдруг заметил, что ноздри и глаза его раздражены и что-то давит на натруженные легкие. Он

заметил, что покашливает, и вдруг услышал, что остальные тоже кашляют. Тут же ему в голову пришли мысли о неприятной судьбе людей из экспедиции Эрика Ульмара, но он хранил молчание.

Заговорил Жиль Хабибула:

— Этот красный и ужасный воздух! Он меня в гроб вгонит. Бедный старый Жиль! Мало того, что он рухнул в неведомое море на чужой чудовищной планете и погибает, плавая, как несчастная крыса, в банке со сгущенкой! Ох, смерть моя! Этого недостаточно! Он должен быть отравлен этим коварным газом, который сделает из него смертельного неистового маньяка, и потом злая зеленая проказа пожрет всю его плоть со старых бедных костей. Бедный старый солдат!

В этот миг грандиозный плеск прервал его меланхоличное сопение. Огромное тело, черное и блестящее, взмыло рядом с ним над желтой поверхностью и тут же нырнуло обратно.

— Мои жалкие кости! — прохрипел он. — Какой-то ужасный кит приплыл проглотить всех нас!

Отнюдь не обрадованные тем, что привлекли внимание неведомого обитателя желтого моря, они поплыли быстрее, пока существо не появилось опять прямо перед ними.

— Не будем выматываться, — послышался сквозь жуткий плеск спокойный голос Джея Калама. — Нам от него не оторваться. Однако, возможно, он не нападет.

Жиль Хабибула внезапно захныкал:

— Снова чудовищный ужас!

Они увидели изогнутый саблевидный черный плавник, который вспорол черную поверхность неподалеку. Он поплыл к ним, описал вокруг них полную окружность и затем исчез, чтобы появиться вновь и сделать еще один круг.

— Он описывает вокруг нас идеальный круг, — засопел Жиль Хабибула. — А потом, несомненно, последует кошмарный пир.

— Смотрите, впереди! — закричал вдруг Хал Самду. — Плывет что-то черное!

Джон Стар вскоре обнаружил это — длинный черный предмет, едва возвышающийся над водой, по-прежнему окутанной красно-желтым туманом.

— Не могу сказать, что это. Возможно, бревно. Или что-нибудь другое, плавающее.

— Мой смертный глаз! — взвизгнул Жиль Хабибула и вдруг яростно забился в воде с багровым лицом, отчаянно хватая ртом воздух.

— В чем дело, Жиль?

— Какой-то ужасный монстр дотронулся до моих жалких пяток.

Он опять по-собачьи поплыл к далекому предмету. Джон Стар почувствовал резко болезненное прикосновение к бедру. Он увидел, как по воде расплывается его собственная кровь.

— Кто-то только что откусил от меня кусочек.

— Должно быть, он нас пока только изучает. Потом он выяснит, что мы неопасны.

— Там, впереди, бревно! — закричал Хал Самду.

— Тогда мы должны добратся до него и залезть... пока эти жуткие существа не сожрали нас заживо! — воскликнул Жиль Хабибула.

Из последних сил они заставляли двигаться усталые мускулы. Джон Стар хватал ртом воздух. Каждый вдох сопровождался болью. Каждый медленный гребок требовал усилия воли. Он знал, что остальные столь же близки к истощению. На некрасивом красном лице Хала Самду было свирепое выражение. Джей Калам был бел и мокр. Жиль Хабибула задыхался и отчаянно хлопал по воде, лицо его было пурпурным.

Желтая поверхность некоторое время была ровной, затем черный саблевидный плавник вернулся. Он описал в воде аккуратную кривую и направился прямо к Джону Стару.

Он ждал, пока тот не приблизится. Затем стал дергаться, кричать, пинать ногами. Его голая нога болезненно прошлась по жесткой чешуе. Плавник повернулся и исчез. Некоторое время поверхность опять была спокойной. Они плыли через силу, словно вдыхая

мучительное пламя, каждый гребок отзывался болью. Черное бревно приблизилось — огромный грубый цилиндр в сотню футов длиной, покрытый бугристой чешуйчатой корой. На его верхней части, у конца, они увидели любопытный зеленый нарост. Впереди что-то снова плеснулось. Кривой черный плавник молча проплыл между ними и бревном. Они плыли, теряя энергию при каждом отчаянном гребке. Изогнутая грубая поверхность была над ними. Джон Стар был уже на пределе сил, однако боролся за жизнь, и вдруг он почувствовал, как в его лодыжку вцепились острые зубы. Свирепые клещи потащили его, задыхающегося, под воду... Он сложился пополам, дергаясь, вцепившись руками в твердое, покрытое режущейся чешуей тело, пиная его свободной ногой. Руки обнаружили что-то мягкое, похожее на глаз. Пальцы вцепились в него, раздирая и выковыривая. Существо вырывалось под ним, яростно сопротивлялось, изворачивалось. Лодыжка оказалась на свободе. Он, теряя сознание, рванулся к поверхности. Голова оказалась над желтой водой, и он, протерев глаза, увидел, что кривой черный плавник несется прямо на него. Затем гигантская рука Хала Самду схватила его за плечо и дернула вверх.

Он увидел, что сидит вместе с остальными на огромном черном цилиндре бревна.

— Мой смертный глаз! — засопел Жиль Хабибула. — Это была коварная убийственная...

Он замолчал, дыхание у него перехватило, рыбы глаза — выпучились. Джей Калам заключил:

— У нас на борту компаньон.

Джон Стар увидел то, что ранее показалось ему зеленоватым наростом на противоположном конце бревна. Гигантская масса зеленоватой просвечивающейся студневидной органики, которая, наверное, весила несколько тонн. Существо вцепилось в черную кору пучком бесформенных щупалец. Постепенно, с помощью неведомых чужеродных чувств оно узнало об их близости. Из бесформенного тела на глазах у перепуганных зрителей потекли полужидкие струи. Оно расширялось, неудержимо передвигаясь по бревну в их сторону.

— Что это за страшная штука? Видимо, гигантская амеба, — сказал Джей Калам. — Ищет обед.

— И найдет, — заключил Джон Стар, — если такой темп сохранится и дальше, примерно через полчаса.

Четверо мужчин, обнаженных, измотанных и беззащитных, сидели на краю бревна, видя, как тонкие зеленые руки вытягиваются и медленные потоки полузагустевшего студня плывут, чтобы пожрать их. Сама же огромная туша вдруг оказалась значительно ближе. Каково будет, когда они окажутся у нее внутри? Каково быть схваченными бесформенными ползучими руками, затянутыми в живую прозрачную массу, дюйм за дюймом заглоченными и переваренными? Джон Стар задержал дыхание, и попытался стряхнуть гипноз ужаса, и в отчаянии огляделся. Небо над ними было зловеще-красным. Ярко-красный, громадный злобный диск пылал низко над горизонтом. Ветер, дующий от него, рябил поверхность желтого моря. Желтые горизонты таяли в красноватом тумане. Вокруг бревна бесконечными кругами скользил черный саблевидный плавник. Колоссальная амеба достигла середины бревна.

— Когда она доберется сюда, — озабоченно предложил Джон Стар, — мы сможем нырнуть и доплыть до противоположного конца.

— И нас заживо проглотят в смертельной воде! — трагически предсказал Жиль Хабибула. — Старый Жиль намерен остаться здесь и посмотреть, что его будет есть.

— Я полагаю, — сказал Джей Калам, — что ветер несет нас к берегу. И он должен быть неподалеку, иначе откуда же бревно.

Ползучий ужас был уже в трех четвертях пути, когда остроглазый Хал Самду закричал:

— Берег! Я вижу землю!

Вдали, над дымным красным горизонтом, над плоской поверхностью желтого моря возвышалась низкая темная линия.

— Но до нее еще мили, — сказал Джон Стар. — Мы должны пройти мимо этого монстра, иначе...

— Мы должны перевернуть бревно, — предложил Джей Калам, — раскачав его, и перебежать на тот конец, пока наш приятель-пассажир будет под водой.

— И, возможно, самим попасть на обед к этим коварным существам в воде, когда оно перевернется.

Однако они встали, осторожно балансируя на грубой коре, и по команде Джея Калама принялись раскачивать бревно из стороны в сторону. Поначалу их движения не оказали видимого воздействия. Гигантская амеба продолжала свой неторопливый путь. Тем не менее, под их учетверенным весом бревно начало лениво качаться, с каждым разом все больше, влажная кора была скользкой. Жиль Хабибула поскользнулся и захрипел от ужаса. Джон Стар вытащил его обратно.

— Проклятие моим костям! Бедный старый Жиль — не обезьянка, дружище!

Черный плавник приблизился. Рыбьи глаза Жили при виде его закатились. Ближайшая тянущаяся рука бесформенного текучего живого студня была всего в пяти футах от них, когда бревно миновало точку равновесия. Оно вдруг перевернулось, и им пришлось отчаянно карабкаться вверх на руках и коленях.

— Пошли! — выдохнул Джей Калам.

Помогая друг другу, они неуверенно пробирались по влажной поверхности к другому концу. Но огромная масса голодной протоплазмы снова появилась на бревне, зеленая и мокрая. Ее чувства каким-то образом улавливали их. Она поползла к ним вновь.

Дважды они повторяли этот неуклюжий маневр, прежде чем бревно коснулось дна. Перед ними лежал черный мир, зловещий и странный.

Впереди, на голом берегу, покрытом черным песком, располагались желтые лужи. За широкой полосой черного песка поднимались поразительные джунгли — темная страна шипов, прямые, мертвенно-черные колючки, пылающие бесчисленными огромными фиолетовыми цветами, усаженные тысячами зазубренных и острых иголок, непроницаемый барьер переплетенных мечей не менее ста футов в высоту.

Над мрачными джунглями шипов возвышалась горная гряда: огромные пики, один гигантский вал за другим, зазубренные, величественные, уходящие в небеса массивы скал, обнаженных, сумрачных и безжизненно-черных. Последняя мрачная стена протягивала свой заостренный край в малиновое зловещее небо и обрывалась на полпути к зениту.

Черный песок, черные шипастые джунгли, черная стена кошмарных скал под алым небом. Мир перед ними был покрыт тенями зловещей недоброжелательности. Сердце при виде него застывало от безымянного ужаса.

— На берег! — громко воскликнул Джон Стар, и они с плеском помчались по мелководью, помавав на прощание амебе.

— Да, мы на берегу, — согласился Джей Калам. — Но, видишь ли, на восточном побережье. Город медузиан, по словам командира, где-то на западном берегу. Это значит, что нам предстоит пройти через все эти джунгли, горы и через весь континент.

— О да, впереди черный континент, полный смертельных ужасов, — заныл Жиль Хабибула. — А мы не имеем оружия, мы голые как жалкие младенцы. Ни кусочка еды. Бедный старый Жиль, обреченный голодать на чужих берегах злого моря.

СКВОЗЬ ДЖУНГЛИ

— Оружие, — начал Джей Калам, — это первое, что нам необходимо раздобыть.

Джон Стар затаил дыхание от боли, словно что-то вонзилось в его ногу, и прервал его с улыбкой:

— Для начала кое-что есть. Край как лезвие.

Он поднял то, на что наступил, — большую черную раковину с закругленным краем. Джей Калам внимательно рассмотрел ее.

— Годится, — сказал он. — Лезвие что надо.

Когда они шли по берегу, он подыскал для каждого из спутников по раковине. Жиль Хабибула взял свою раковину разочарованно.

— О, во имя жизни, Джей! Ты надеешься, что я этой хрупкой штучкой смогу прорубиться сквозь страшные клинки и штыки, которые ждут нас впереди, ждут, чтобы нарезать из нас кровавых ремней?

И он указал на черные шипастые джунгли.

— Итак, мы вооружены, — сказал Джей Калам. — При первой же возможности вырежем по копыю.

Они приблизились к черному, в фиолетовых цветах, барьеру из шипов, игл и кривых колючек. Многие из лезвий были длиной до десяти футов. Тесно растущие стволы казались твердыми и острыми как стальные клинки. Для них, голых и со столь чувствительными телами, нелегко было пробираться между стволами; не более просто было вырезать и обтесать твердые, как железо, стебли с помощью раковин.

Прошли тягучие часы, прежде чем каждый из них получил по десятифутовому копыю и короткому трехгранному кривому, как клык, кинжалу. Хал Самду вырезал себе также большую дубину из куска плавника.

— Ах, а теперь нам предстоит пересечь целый ужасный континент босыми, жалкими ногами, — начал Жиль Хабибула, бросив жалобный взгляд на желтое море, и вдруг его рыбы глаза кое-что заметили. Он тяжело побежал обратно к берегу, пока они работали.

— Наша одежда! — обрадовался Джон Стар. — И настоящие пистолеты!

— И моя несчастная бутылочка вина! — засопел Жиль Хабибула, деловито распаковывая свертки на песке.

Однако надежды на оружие не оправдались. Свертки промокли, одежда вымокла, еда по большей части испортилась, тонкий механизм протонных пистолетов оказался совершенно бесполезен после контакта с коррозионной желтой водой.

Лишь бутылка вина была совершенно невредима. Жиль Хабибула подержал ее против красного солнца, изучая счастливыми рыбьими глазами.

— Открой! — предложил Хал Самду. — Нам нужно что-нибудь выпить.

Жиль Хабибула жалобно сглотнул и медленно покачал головой.

— О нет, Хал, — печально сказал он. — Когда она опустеет, больше вина не будет. Ни одной драгоценной капельки вина на всем континенте. О нет, ее нужно сохранить до той минуты, когда оно действительно понадобится.

Он поставил ее мягко и осторожно на черный песок.

Оставив в покое бесполезные протонные пистолеты, они доели то, что оставалось от еды, и с облегчением натянули полусырую одежду. Даже под постоянным обогревом близкого солнца и покрывалом поглощающего тепло красного газа атмосфера была далека от тропической.

Джон Стар грубо перебинтовал раны на бедре и лодыжке, которые появились по пути к берегу. Жиль Хабибула сунул бутылку вина в один из своих внушительных карманов, аккуратно обернув ее предварительно куском ткани, и они углубились в джунгли.

Толстые мясистые стебли теснились вокруг них, переплетаясь над головами в непроницаемый покров, нацеливаясь острыми, как нож, кривыми, как клык, лезвиями. Плотная шипастая крыша полностью скрывала зловещее небо. Лишь призрачный, цвета крови сумрак просачивался сквозь плотную крышу джунглей.

С бесконечными предосторожностями они пробирались в переплетении лезвий, однако это помогало им плохо. Страдала одежда: каждый из них вскоре оказался покрыт десятками крошечных порезов, которые болезненно зудели от растительного яда. И вскоре они встретили опасность более внушительную.

— Одно хорошо, — заметил Джей Калам. — Если шипы ранят нас, то они также могут ранить любого врага... Ого!

Короткий пронзительный крик прервал его рассудительный голос. Джон Стар

повернулся и увидел, что его уносит с земли длинная пурпурная веревка. Свисая из зловещего сумрака, она дважды обернулась вокруг его тела, прижалась плоским концом с круглой присоской к горлу. Свирепо отбиваясь, он все же был беспомощным в стягивающем, шириной в дюйм щупальце. Оно быстро уносило его в переплетение черных шипов.

Джон Стар бросился за ним, подняв кинжал, однако уже не мог дотянуться.

— Подбрось меня, Хал! — задыхаясь, крикнул он.

Гигант схватил его за колено и бедро и могучим рывком подкинул к освещенным красным светом основаниям шипов. Одной рукой он ухватился за сегмент грубого пурпурного каната. Тот немедленно подтянулся, слегка приподняв его, и забросил петлю на его тело.

Повиснув на одной руке, он вонзил в него над плечом Джея Калама кинжал, зажатый в свободной руке. Твердая пурпурная кожа поддалась. Прозрачная фиолетовая жидкость потекла по его руке. Сок это или кровь — он не знал. Внутри же твердые волокна создавали слой, который разрезать было не так-то просто.

Петля, яростно сопротивляясь, скользнула по его плечам.

— Спасибо, Джон, — слабо прошептал Джей Калам, не поддавшийся, однако, панике.

— Но старайся освободиться, пока можешь.

Джон Стар молча резал веревку.

Внезапно в текущей жидкости появился красный цвет. Он понял, что это кровь Джея Калама.

Пурпурный канат спазматически сжался с болезненной, ломающей кости силой.

— Слишком... слишком поздно... Прости, Джон!

Лицо Джея Калама обмякло.

Джон Стар сделал последнее, яростное усилие, когда невыносимое давление выжало воздух из легких с долгим болезненным хрипом. Живой канат распался, и они упали.

Следующее, что понял Джон Стар, — это то, что они находятся за пределами джунглей. Он лежал на спине, на небольшой ровной площадке, покрытой каким-то мягким красивым растительным ковром, блестящим, с металлическим голубым отливом. Внизу, поверх черных шипастых джунглей, он разглядел маслянисто-желтое море, блестящую золотую простыню под низким и хмурым солнцем.

Над ним высилась черная гряда гор. Огромные пологие склоны были усеяны титаническими черными валунами и разбросанными иззубренными агатово-черными обломками. Острые циклопические пики образовывали барьер за барьером. И последняя зубчатая темная линия пиков упиралась в красное и туманное небо.

Джей Калам лежал рядом с ним на голубой траве, не приходя в сознание. Хал Самду и Жиль Хабибула были заняты разведением костерка у края небольшого, плещущего потока, который пересекал площадку. Он с удивлением уловил запах готовящейся пищи.

— Что случилось? — спросил он и, преодолевая боль, уселся. Тело ныло от горящих ран, оставленных шипами джунглей.

— Ага, вот и ты, дружище, оказывается, пробудился наконец, — ласково засопел Жиль Хабибула. — Да, дружище, Хал и бедный старый Жиль Хабибула вытащили вас обоих из смертельных джунглей, после того как вы оба упали, обмотанные этими злобными щупальцами. Это было недалеко. Здесь, в долине, Хал швырнул свое копьё в пасущееся на голубой траве маленькое существо, а я высек камнями искры и развел огонь.

Вот в чем дело, дружище. Мы выбрались из джунглей. Однако нам предстоит подняться, когда ты и Джей сможете двигаться, на эти смертельные горы, и одна жизнь знает, какие жуткие кошмары лежат по ту сторону.

Ах, будь эта коварная пурпурная веревка чуть крепче...

Смерть моя, дружище, эта жизнь слишком трудна для такого старого солдата, как Жиль Хабибула, который вполне заслужил, чтобы сидеть где-нибудь в мягком удобном кресле и прихлебывать вино, чтобы сбросить со своего драгоценного старого сердца бремя грехов.

Он скосил рыбий глаз на сверток в своем кармане.

— Ах, да, одна смертельная бутылочка у меня есть. Но она должна дожидаться своего часа, когда она действительно понадобится. Он придет, и достаточно скоро, на этом континенте коварных ползучих ужасов!

Они, когда Джей Калам и Джон Стар оказались способными двигаться, начали карабкаться на горный барьер, пробираясь через нагромождения колоссальных черных валунов. Они ползли вверх по отвесным каменистым склонам. Они преодолевали гряды за грядой и каждый раз встречали впереди еще более труднопроходимый склон.

Огромное алое солнце, которое служило им компасом, постепенно двигалось по мрачному пурпурному небу, всю долгую неделю их продвижения. Они часто голодали, часто испытывали жажду и постоянно — смертельную усталость. Воздух становился разреженнее и холоднее по мере подъема, и постепенно они перестали согреться, что очень быстро привело к изнеможению.

Иногда они убивали маленьких животных, щиплющих голубую траву, и жарили их на привалах. Они пили из ледяных горных ручьев. Они мало спали, даже под светом солнца, и один из них постоянно был на страже.

— Мы должны идти, — все время настаивал Джей Калам. — Ночь не должна застать нас здесь. Это будет неделя тьмы и жуткого холода. Нам здесь ее не пережить.

Однако закат почти наступил, когда они преодолевали последнюю преграду. Они посмотрели на огромное плато, безжизненное, насколько хватало глаз, черное, мрачное, пустынное. Оно было загромождено черными камнями, вырванными и сброшенными сюда во время древнего вулканического катаклизма. Совершенно черная пустыня. В темнеющем небе висело гаснущее солнце, его зловещий диск уже был обкусан клыками черных утесов.

— Мы здесь, наверное, умрем, — сказал Джей Калам. — Но мы должны идти.

И они пошли, не в силах надыхаться разреженным горным воздухом, а красный диск солнца медленно поглощался западным горизонтом, и холод усиливался.

НОЧЬ И ГОРОД РОКА

Часами, торопясь, они шли по черному плато, и все новые грозные предвестники надвигающейся ночи появлялись на небе. Перед ними опускался огромный купол солнца. Затем он исчез. В размытых малиновых сумерках они вышли на край бездны.

Отвесные стены уходили вниз на добрую тысячу футов. Величественная расщелина пересекала плато, огромный, с отвесными стенами каньон, заполненный красным хмурым диском.

— Река, — показал Джей Калам, — а вдоль нее лес. Это означает, что там есть топливо, а может быть, и еда. Мы должны найти в обрыве пещеру. Нам надо спуститься.

— Спуститься? — фыркнул Жиль Хабибула. — Как заправские смертельные мухи?

Однако они нашли склон, выглядевший менее грозным. Джон Стар пошел впереди, перебираясь через груды осыпавшихся колоссальных черных камней, съезжая по россыпям, карабкаясь и прыгая с отдельных особо крупных обломков. Все они покрылись шрамами и ссадинами. Все они не жалели сил, ибо страшная ночь наступала быстро.

Лишь далекое малиновое сияние освещало небо между стенами каньона, когда, наконец, они достигли полоски черного леса на дне. Они тряслись от холода, ледяные кристаллы уже затягивали реку.

Пока остальные собирали хворост среди колючих деревьев, Жиль Хабибула развел огонь.

— Мы должны найти укрытие, — сказал Джей Калам. — Иначе мы не сможем здесь выжить.

С помощью факелов они осмотрели нависающую стену каньона. Джон Стар наткнулся на круглый, восемь футов в диаметре, туннель. Он закричал остальным и вошел, держа в одной руке пылающий факел, в другой копье.

В воздухе остро пахло шерстью, и на песочном полу он обнаружил большие незнакомые следы. Пещера оказалась свободной. В конце туннеля была двадцатифутовая зала.

— То, что нужно! — воскликнул он, встречая на выходе остальных. — Какое-то существо пользовалось ею, однако теперь оно ушло. Мы можем наносить сюда хвороста, а затем закрыть вход.

— Смерть моя! — закричал Жиль Хабибула, осторожно шедший в хвосте. — Мы нарушили границы, и сюда направляется законный владелец.

Они услышали треск среди деревьев, словно кто-то поднимался от реки. Свет факела сверкнул в семи огромных желто-зеленых глазах, отразился алым от близко посаженной чешуи, от страшных клыков.

Зверь заметил их у входа в туннель. У них не было времени, чтобы выбрать, сражаться или нет. Джон Стар, Джей Калам и Хал Самду уперли длинные черные копья в землю, чтобы встретить нападающего. Жиль Хабибула заорал и спрятался за ними, подняв факел.

— Я буду вам светить!

Речное чудовище, которым оно, видимо, было днем, не желало провести жуткую ночь в замороженном состоянии. Оно было похоже на змею, огромное как слон, покрытое твердой красной чешуей. Оно имело бесчисленное количество сегментов, и передний был вооружен жуткими бивнями.

Джон Стар направил острие упертого в землю копья прямо в бок бронированного рыла. С визгливым зловонным выдохом существо вздернуло голову, расколов древко о потолок. Черный язык, утыканный жесткими иглами, метнулся к нему. Он увернулся слишком поздно. Язык обхватил его за плечи, пронзив одежду и плоть, и потянул его, вертящегося, к чернозубым распахнутым челюстям.

Он ударил факелом по семи глазам, которыми была усажена бронированная голова, а потом ткнул факелом в жаркую разверстую пасть.

Монстр опять заорал. Язык заметался, бросая его из стороны в сторону по туннелю. Он потащил его снова, бесчувственного, истекающего кровью, парализованного, в черное зловонное горло.

За ним метнулось копьё Хала Самду, глубоко вонзившись в небо разверстой пасти. Джон Стар едва замечал гигантскую дубину, обрушивающую богатырские удары на семь глаз и бронированную голову. Затем он увидел смыкающиеся черные клыки.

Когда он пришел в себя, плечо было перевязано. Он лежал у огня в пещере. Остальные были заняты тем, что носили хворост. Огромные куски мяса из гигантской туши лежали у входа.

— Снаружи ужасно холодно, дружище, — информировал его Жиль Хабибула. — Кругом снег, и в каньоне ревет злобный буран. Река уже подо льдом. Бедный старый Жиль слишком слаб для такой жизни, помилуй боже его дорогие старые кости. Убивать чудовищ-драконов в дебрях мира, где людям ни в коем случае нельзя находиться.

Даже пока они сидели в пещере у огня, долгая ночь дотягивалась до них жестокими пальцами. Когда, наконец, после долгой мрачной битвы с безжалостным холодом они вышли вновь наружу, то увидели, что река течет быстро и свободно, пополненная талым снегом. Она поднялась почти до входа в пещеру.

— Нам нужно построить плот, — сказал Джей Калам. — И плыть по реке до города медузиан.

С помощью импровизированного инструмента они торопливо прилаживали друг к другу бревна. Медленное солнце уже достигало зенита, когда они спустили неуклюжее судно в ревущий поток, чтобы начать путешествие к черному и неведомому городу на западном побережье.

Четыре плота, смонтированные тяжкими трудами, они потеряли. Два разбились о камни, оставив их выбираться по мере сил из ледяных гневных струй на берег. Один был

поврежден зеленым ящероподобным водным животным. Еще один они покинули в последний момент, прежде чем он рухнул с огромного водопада.

Последствия красного газа в атмосфере были не столь внезапны и жестоки, как боялся Джон Стар. У всех развился кашель, но и только. Он начал подозревать, что Адам Ульмар преувеличил опасность.

Дни длиной в неделю сменялись снежными свирепо-холодными ночами, когда они вытаскивали плот и выходили на берег — сражаться за еду и тепло.

Ниже грохочущего водопада каньон превратился в циклопическое ущелье, река бежала между черными бескрайними стенами в вечном красном сумраке. Затем они выбрались в более полноводный поток, который понес их прочь от гор по бесконечной равнине. В течение вечных дней они плыли между низкими каемками черной растительности — растениями, которые погибали во время страшных ночей и удивительно быстро росли днем.

Река становилась шире, глубже. Желтые струи неслись быстрее. Зловещие грозные джунгли вдоль берегов разрастались все выше, животная жизнь в воде, джунглях и воздухе становилась все крупнее и агрессивнее. С помощью огня, лука и кулака им много раз приходилось драться за владение плотом. Они превратились в четверых худых жестких мужчин — даже Жиль Хабибула представлял собой кожу да кости и постоянно жалобно протестовал. Черные от пребывания под открытым солнцем, истрепанные, неухоженные, косматые, покрытые множеством ран. Однако они приобрели железную выносливость, опять обрели храбрость и полностью доверяли друг другу.

Сквозь все преграды Жиль Хабибула пронес бутылку вина. Он защищал ее, когда на лагерь напало огромное летучее существо с блестящими крыльями, подобными сапфировым простыням. Существо это пыталось добраться до их тел смертоносным хлещущим жалом. Он нырял за нею, когда зеленое речное существо разрушило плот. Много раз он поднимал ее к малиновым небесам, глядя с тоскливым ожиданием в рыбьих глазах.

— О, жизнь моя милая, да сейчас каждый глоток ее на вес золота! — сопел он жалобно. — Но, когда оно кончится, больше не будет — ни капельки вина на всем этом злом континенте. Нет, я должен сохранить его до того времени, когда оно действительно понадобится.

Однажды они плыли, держась середины реки, уже большой, могучей желтой артерии шириной миль в десять. Вдоль берегов высились жуткие стены черных джунглей. Барьеры фиолетовых шипов с цветами, оплетенных смертоносными пурпурными лианами. Участки высоченного тростника, который хлестал все движущееся подобно живым мечам. Гигантские деревья, покрытые черным мхом, который был кровососущей смертью. Над джунглями нависало низкое сумрачное небо, красное солнце зловеще торчало на западе.

Хал Самду, который стоял впередсмотрящим, вдруг заорал:

— Город, вот он!

Он возвышался словно еще одна черная гора, смутный в красном сумраке, настолько колоссальный, что не хотелось верить глазам. Его гладкие стены поднимались над джунглями, уходили в бесконечность, а на них опирались эбеновые башни, вздымавшиеся ввысь. Черный метрополис, спроектированный безумцами и построенный гигантами.

Благоговейный страх, душезавораживающее изумление охватили четырех потрепанных мужчин на плоту, глядевших на город, ради которого им пришлось пересечь бездну космоса и свирепый континент. Они задрали головы, ошеломленно глядя на титанические механизмы, располагающиеся на стенах.

— Аладори, — пробормотал наконец Хал Самду. — Она там.

— Так считает Адам Ульмар, — сказал Джей Калам. — В этой самой высокой центральной башне. Видите ее? Она едва видна в красном небе, она высится над остальными.

— Да, я вижу ее. Но как нам туда добраться?

— Что толку от моей дубины против механизмов на стенах? Мы не более чем муравьи!

— О, вот правильное слово, Хал! Муравьи! Мы — не что иное, как ничтожные

ползучие муравьи. А что до меня, то мне кажется, эти коварные стены в высоту не меньше мили, а эти злые башни и ужасные механизмы поднимаются над ними на добрые полмили! Ничто, как глупые маленькие муравьи! Разве что... крошечные муравьишки могут подниматься на стены!

Остальные хранили молчание. Они смотрели поверх желтого ревущего покрова воды, поверх темного барьера джунглей на черную, невообразимую массу города, высящуюся против неба. Джей Калам был серьезен и задумчив. Джон Стар рисовал в воображении девушку Аладори, как в тот раз, когда он видел ее — серые глаза сдержанно-холодные, волосы — солнечное сияние в коричнево-красно-золотых тонах. Неужели эта тихая свежая красота все еще существует, подумал он, взаперти среди этой массы зловещего металла!?

Могучий поток нес их. За поворотом они увидели нижнюю часть черных стен, круто поднимающихся над желтой рекой. Вздвигающийся вверх на целую милю, вертикальный несокрушимый барьер из черного металла.

Проходили часы, и желтая река несла их. Город прорезался в сумрачном тумане, все более жуткий. Он заполнил половину красного неба, отливая черным металлом. Титанические механизмы, увенчивающие его, хмуро смотрели вниз, грозя неведомой смертью. Физически ощутимая атмосфера ужаса висела над неземным метрополисом, чувство злой власти и враждебной силы, древней мудрости и чудовищной науки, родившейся еще до того, как появилась Земля.

Четыре оборванных существа на плоту глядели на эти стены с безнадежным ужасом. Их умы парализовала одна лишь мысль о том, что, если их жалкие усилия не спасут заключенную здесь девушку, создатели этой горы черного металла отдадут человечество его року.

Поначалу город казался необитаемым — мрачный некрополь, слишком старый для какой-либо жизни. Однако внезапно они заметили над стенами движение. Черный корабль-паук простер титанические лопасти и медленно поднялся с высокой площадки, чтобы исчезнуть в красном небе на востоке.

— Мы должны замаскироваться, — сказал Джей Калам. — Они могут наблюдать.

Он велел остальным укрыть плот под сломанными ветвями, чтобы походить на плавник, и река несла их к могучей стене. Они смотрели вверх в благоговейном молчании, когда Хал Самду закричал:

— Смотрите! Они движутся! Над стенами!

И остальные ясно различили существа, которые двигались, казавшиеся маленькими с расстояния во много миль. Древние хозяева этой старой планеты.

Джон Стар мельком видел на Марсе одного из медузиан. То создание в гондоле, свисавшей с черного корабля, чье оружие сбило его с ног.

Выпуклая зеленоватая поверхность, влажно дышащая. Огромный овальный глаз, светящийся и пурпурный. Но эти были первыми, которых он увидел целиком. Они дрейфовали над стеной словно маленькие зеленые аэростаты. Глаза их были крошечными темными точками в выпуклых боках. Каждый медузианин имел по четыре глаза, размещенные по кругу на равном расстоянии друг от друга. От нижнего круглого глаза, словно веревки, предназначенные для передвижения аэростата, свисал пучок черных хлыстоподобных щупалец.

Джон Стар увидел сверхъестественное сходство с куполовидными, обладающими пучками щупалец существами, благодаря которым эти создания приобрели имя медузиан.

Издалека они не выглядели внушительно. Была в них некоторая гротескность, медлительность, неуклюжесть. Они не казались разумными, хотя в том, как они двигались, явно по собственной воле перемещаясь над черными стенами, были сила и тайна, вызывающие уважение. Сознание того факта, что они были строителями этого черного метрополиса, давало основание для благоговения и ужаса.

Плот плыл, пока не оказался в тени черной стены. Гладкий металл круто уходил к зениту, скрывая механизмы и парящих медузиан. Плот врезался в твердый металл в том

месте, где он поднимался из воды. Затем бурлящий поток оттащил его назад.

— Надо высадиться, — сказал Джей Калам, — на краю джунглей, у стены.

Они разбросали маскировочные ветки и ухватились за длинные шесты. Они старались подтолкнуть плот к берегу в том месте, где река поворачивала вспять от металлической твердыни.

ЖИЛЬ ХАБИБУЛА И ЧЕРНАЯ НАПАСТЬ

Они покинули плот, когда тот коснулся дна, прихватив с собой лишь свое грубое оружие, а Жиль Хабибула свою бесценную бутылку вина. Хал Самду стоял на мелководе, сомкнув гигантскую ладонь на дубине и глядя на темную преграду, роняющую тень на черные джунгли. Глядел, беспомощно качая головой.

— Как?..

— Найдется способ, — пообещал Джей Калам, хотя даже его уверенности, похоже, слегка поубыло. — Прежде всего надо пройти через джунгли.

Они атаковали живую стену, вступив в схватку со смертью, подстерегающей за ней. Острые, как когти, отравленные шипы. Кровососущий мох. Свернувшиеся щупальца пурпурных лиан. Цветы со смертоносным запахом. Животная смерть, которая подползала, набрасывалась и налетала. Однако четверым мужчинам уже довелось пройти суровую школу, с этими джунглями они имели дело на равных. С дюжину часов плавания в засасывающей грязи или в рубке смертоносных лиан, или в ползании между частоколом ядовитых шипов, или в отпугивании поднятым кинжалом или нацеленным копьем голодных существ, которые выскакивали из зарослей, поднимались из грязи или падали сверху, и они вышли с берега реки на возвышенность, а Жиль Хабибула по-прежнему нес свою бутылку вина. Поблизости, справа от них, высилась стена, крутая и черная, могучая, уходившая на милю вверх. Равнина, на которой они оказались, простиралась влево, покрытая местами травой с красивыми листочками, отливающими металлически-яркой голубизной. В туманной дали она постепенно переходила в голубые холмы. От голубых холмов к черному городу шел акведук.

Задумчивые глаза Джея Калама изучали прямой канал из гладкого черного металла длиной во много миль, который проходил от холмов к черному городу по древним, высоко поднятым аркам.

— Один шанс, — сказал он серьезно. — Надо попробовать.

Они зашли в джунгли, чтобы скрыться из виду, прошли двадцать миль и поднялись на голубые холмы. Там они поели, поспали, но оставалось еще много часов до заката, когда они оказались на огромной дамбе из черного металла под резервуаром.

Поблизости не было охранников, однако они пробирались по дамбе очень осторожно. Они быстро вскарабкались на мокрые стены и через ограждение из черного металла, наконец, выбрались на край незакрытого сверху канала. Внизу ревел холодный чистый поток из трехсотфутовой ширины резервуара, темный и глубокий.

— Вода, — лаконично заключил Джей Калам, — подается в город.

Он нырнул. Остальные последовали за ним, оставив все, кроме шипов-кинжалов.

Чистый ледяной поток нес их по черному каналу. Могучая дамба осталась позади, стены города приближались, готовясь встретить их. Они держались на плаву в несущем их желтом потоке и старались сохранить дыхание.

Впереди, в черной стене, появилась крошечная арка. Она становилась все больше и внезапно поглотила их. Они оказались в ревущей мгле. Арка обрамляла кусочек малинового неба, быстро уменьшавшийся. Затем быстрый поток нес их в полной темноте.

В ушах барабанил гром, все усиливающийся и оглушающий.

— Водопад, — предупредил Джей Калам.

Крик его был унесен прочь. Они влетели в круговорот бушующей воды. Ревущие струи терзали их, безжалостное течение тащило на дно. Свирепые водовороты вращали их среди

душившей пены. И все это в ревущем мраке.

Джон Стар хватал ртом воздух, задыхаясь в ревущей пене. Он боролся с водоворотом, утягивающим его вниз, вниз, вниз. Непреодолимое давление сокрушало тело. Он чувствовал боль удушья. Он отчаянно пытался выплыть, а дикая вода издевалась над ним. Она выбрасывала его вверх и опять утаскивала вниз.

Когда он вынырнул во второй раз, он сумел остаться на плаву. Он поплыл прочь из хаоса водопада. Он выплыл в огромный пещероподобный резервуар, совершенно темный. О его огромных размерах он мог догадываться лишь по грохоту, отражающемуся от потолка.

Плывя, он кричал и слышал, как с несомненной радостью плаксиво засопел Жиль Хабибула:

— О, дружище, ты, выходит, вынес все это! Это было ужасное время, дружок. Страшное дело, дружище, нырять среди этих ужасных водопадов в коварной тьме. Но я все же сохранил мою драгоценную бутылочку винца!

Потом их окликнул Хал Самду, чуть позже они наткнулись на Джея Калама. Все они поплыли прочь от грохота и, наконец, оказались у края резервуара. Он был скользкий, металлический, недоступный для подъема.

— Ах, теперь мы должны утонуть, как столь многие котята в жалком ведре! — захныкал Жиль Хабибула. — После всех этих жутких напастей, которые мы претерпели!

Они плыли вдоль скользкой стены, пока не наткнулись вслепую на большой металлический буй с прочной цепью над ним. Должно быть, сказал Джей Калам, это был механизм, который измерял уровень воды в резервуаре. Они полезли вверх по цепи.

Наконец, она привела их, измученных, с кровоточащими руками, к огромному барабану, на который была намотана. Здесь они увидели незначительный просвет и поползли к нему по огромной оси барабана, мокрой, скользкой от сконденсированной влаги.

Пробираясь по уходящему, казалось, в бесконечность валу, они обнаружили маленькую круглую дыру в крыше резервуара... Должно быть, она была оставлена для ремонта. Они пролезли сквозь нее. Жиль Хабибула застрял и оставался там, пока остальные не вытащили его, и здесь, на крыше резервуара, они уже оказались, несомненно, в городе.

Они стояли на нижнем краю конической черной металлической крыши, на головокружительной высоте в две тысячи футов, и склон был чрезмерно крут. Стоя здесь, на опасном краю, Джон Стар испытал умопомрачительный шок, порожденный кошмарной непривычностью окружающего. Он стоял в замешательстве. Здания, башни, трубы, резервуары — все это возвышалось над ним, словно черный фантастический лес напротив мертвенно-бледного неба, завораживающе-колоссальный. Самые высокие строения тянулись, как он установил, на две мили в высоту. Если этот черный метрополис чудовищных медузиан имел порядок либо планировку, то он не мог уловить ничего из этого. Черная стена окружала правильный многоугольник, однако внутри нее все было странно, удивительно, невообразимо и полностью сбивало с толку.

Там не было улиц, лишь разверстые пещероподобные бездны между гороподобными черными строениями. Медузианам не нужны были улицы. Они не ходили, они летали! Двери открывались в пустое пространство не ниже, чем в десяти тысячах футов от поверхности. Громадные черные здания не имели единой высоты и формы. Некоторые были квадратными, некоторые — цилиндрическими или куполообразными, некоторые — террасовидными, некоторые, подобно резервуару, на котором они стояли, — крутосклонными. Повсюду среди них находились удивительные машины невообразимого предназначения, за исключением тех, что явно были летательными аппаратами или межзвездными кораблями, причаленными к посадочным площадкам, — но все черные, уродливые, колоссальные. Страшный инструментарий науки, более старой, чем жизнь на Земле.

Четверо мужчин стояли некоторое время в полном замешательстве, забыв об осторожности.

— Проклятие моим драгоценным глазам! — простонал Жиль Хабибула. — Ни улиц, ни земли, ни ярусов — лишь путаница коварного черного металла. Мы не сможем сдвинуться с

места, пока не раздобудем какие-нибудь жалкие крылья.

— Должно быть, это центральная башня, — сказал Джей Калам. — Черный форт, о котором говорил командор Ульмар. До него еще мили. — Он показал на зловещее внушительное строение, что высилось в красноватой и сумрачной дали словно гора черного чужеродного металла, на посадочных площадках которой находились колоссальные корабли-пауки и огромные машины непонятного назначения, выпирающие из ее хмурых стен.

Устало и безнадежно он покачал головой.

— Надо вернуться, — прошептал он, — и спрятаться до заката.

— Или эти чудовища, — пообещал Жиль Хабибула, — увидят...

— Одно, по-моему, — вмешался Джон Стар, — уже увидело.

Пожалуй, сотни хозяев города были видны им с того момента, как они поднялись на крышу. Зеленоватые полусферические купола плыли над черным металлом, темные щупальца трепетали. Все они были далеко и казались незначительными по сравнению с плодами своих трудов. Однако сейчас один из них внезапно поднялся над острием конической крыши.

Жиль Хабибула нырнул в дыру, через которую они вылезли. Он застрял. Прежде, чем остальные успели помочь ему, медузианин оказался у них над головами.

Размеры его были поразительными. Те, что парили вдали, по сравнению с ним выглядели крошечными. Зеленый купол, влажный и медленно пульсирующий, был в длину двадцать футов. Висящие щупальца были в два раза длиннее. Он был бесконечно ужасным. Огромный сгусток, желевидный и скользкий, прозрачный, зеленый. Пучки свисающих щупальцев, медленно извивающихся, сильных и очень красивых, несомненно, с точки зрения их владельца.

Глаза Горгоны!

Вытянутые овальные колодцы пурпурного пламени. Во весь глаз зрачок, окаймленный мохнатой черной мембраной. Озера холодной и безжалостной мудрости, состарившейся еще тогда, когда Земля была молодой.

Джон Стар вообще-то не превратился в камень, хотя первобытный ужас при этом пурпурном взгляде парализовал его члены резким холодом, замедлил сердцебиение, покрыл тело потом. Онемев от страха, они стояли неподвижно, а щупальца обвивались вокруг них, вырывали шипы-кинжалы из бесчувственных рук и выдергивали Жили Хабибулу, словно пробку из бутылки. Они были подняты и слабо сопротивлялись в жестких тонких щупальцах.

— Мое смертельное вино! — задыхался Жиль Хабибула.

Бутылка выпала из его кармана. Словно сливовая косточка, она полетела в бездну. Ей предстояло падать две тысячи футов.

— Моя несчастная бутылочка вина! — И он захныкал в кольцах щупальцев.

Движимое неизвестной им силой, непонятно как преодолевая гравитацию, существо взмыло вместе с ними над титаническим черным беспорядком города и полетело в направлении — Джон Стар отметил это с мрачным удовлетворением — черной цитадели.

Они боролись с ужасом, парализовавшим их.

— Что-то с мозгом, — прохрипел Джей Калам, когда их уносили. — Эта сила, о которой мы не подозревали, заставляет чувствовать собственное ничтожество.

Существо принесло их к громадному зданию, влетело в открывшиеся над пустотой двери в пяти тысячах футов над землей. Оно пронесло их через колоссальный, освещенный зеленым холл, сунуло в прямоугольное отверстие в полу и бесцеремонно выронило.

Ползая в комнате площадью двадцать квадратных футов, с черными стенами, они обнаружили подле себя человека. Или то, что когда-то было человеком. Изнуренный, оборванный, он спал лицом вниз, глубоко, с хрипом, дыша. Джон Стар, после того как медузианин скрылся за отверстием, закрывшимся наверху, потряс его.

Немой лихорадочный ужас загорелся в красных глазах на бледном изнуренном лице.

Он испустил пронзительный хриплый визг болезненного ужаса и вцепился в диком безумном страхе в руку Джона Стара, а сам Джон закричал, ибо этим существом был Эрик Ульмар, красивый надменный офицер, который намеревался стать императором Системы, а стал этим скорченным жалким ничтожеством.

— Пощади меня! Пощади меня! — Голос его был тоньше и пронзительнее, чем обычный человеческий. — Я сделаю, что ты попросишь. Я сделаю все на свете! Я заставлю ее выдать тайну. Я убью ее, если захочешь. Однако я не могу оставаться здесь больше. Выпусти меня!

— Мы не причиним тебе вреда. — Джон Стар попытался успокоить дрожащую тварь, закашлявшуюся от собственных криков. — Мы люди. Мы тебе не повредим. Я Джон Ульмар, ты меня знаешь.

— Джон Ульмар? — Красные лихорадочные глаза уставились на него, и в них внезапно появилась яростная надежда. — О да, ты Джон.

Дрожащая тварь, внезапно всхлипнув, вцепилась в его плечо.

— Медузиане! — в этом вопле была сверхчеловеческая обида. — Они нас провели! Они уничтожат человечество! Они бомбят Систему красным газом, который пожирает человеческие тела и сводит с ума. Они уничтожают человечество.

— Аладори? — спросил Джон Стар. — Где она?

— Они заставили меня пытаться ее, — хныкал жалобный дикий голос. — Им нужна ее тайна. Им нужна АККА! Однако она не сказала! И они не хотят подарить мне смерть, пока она не скажет! Они не дают мне умереть! — взвизгнул он. — Они не дают мне умереть! Но, когда она скажет, они убьют всех нас.

В ЛОВУШКЕ

— Моя несчастная бутылочка вина! — жалобно хныкал Жиль Хабибула. — Я вынес ее с утонувшего крейсера. Я пронес ее сквозь шипастые джунгли. Я перенес ее через высокие горы. Целый месяц я берег ее на плоту. Я рисковал своей смертельной жизнью, чтобы спасти ее, сражаясь с коварным летучим чудовищем. Я нырял за нею в ужасные пучины желтой реки. Я чуть не утонул с нею в водопаде за акведуком. Единственная бутылочка вина на всем этом черном и чудовищном континенте!

Рыбьи глаза заволокло туманом, а туман уступил место дождю слез. Он опустился на металлический пол камеры, словно подкошенный.

— Бедный старый Жиль Хабибула, одинокий, брошенный, преданный старый солдат Легиона! Обвиненный в пиратстве, преследуемый, словно крыса, за пределами своей родной Системы, пойманный, словно смертельная крыса, в коварную мышеловку, чтобы подвергнуться пыткам и быть убитым чудовищами чужой звезды.

И, о, господи, даже этого недостаточно! Я пронес эту бутылочку сквозь омерзительные пучины бед и лишений. Я держал ее против света очень много раз, о том знает сладкая жизнь, и старый мой рот увлажнялся. Всегда я берег ее на случай большой нужды. Да-да, именно для такого случая смертельной необходимости, как сейчас.

И она упала! Упала с двух тысяч ужасных футов. Каждая ее драгоценная капелька! Пропала! Ах, бедный Жиль Хабибула!

Голос его прерывался катаклизмами печали, землетрясениями вздохов и бурями слез.

Джон Стар снова допросил Эрика Ульмара. Он заснул, этот измученный человеческий обломок. Его тощее изнуренное тело было полностью измотано взрывом истерии. Когда он проснулся, он был спокоен и, погрузившись в апатию, говорил хмурым усталым голосом:

— Медузиане намерены оставить эту планету. Они долго боролись, чтобы поддержать жизнь в своем родном городе. И они делали чудеса. Создали красный газ, чтобы удерживать атмосферу от замерзания, и грабили другие миры, чтобы возместить истощенные собственные ресурсы. Но теперь они вступают в финальную битву, потому что умирающая планета притягивается к гаснущей звезде. Даже им не остановить ее. Им приходится

уходить.

— Они уже основали форпост в Системе, ты говоришь?

— Да, — продолжал он с безжизненной монотонностью. — Они уже покорили земную Луну. Они генерируют на ней новую атмосферу, заполняя ее красным ядовитым газом, и они строят крепость из черного сплава, который используют вместо железа. Там будет база против Земли.

— Но Легион?!

— Конечно, Легион Пространства уничтожен. Последние дезорганизованные остатки его были распылены в тщетной атаке на Луну. Зеленый Холл тоже прекратил существование. В Системе не осталось организации. Ей нечем защищаться. Из форта на Луне медузиане несут гибель всей человеческой расе.

Они обстреливают огромными снарядами, заполненными красным газом, Землю и все остальные человеческие планеты. Постепенно концентрация газа в атмосфере увеличивается. Вскоре люди повсюду будут безумны и начнут заживо гнить.

Я знаю, что лишь немногие из медузиан отправились в Систему, однако их огромный флот уже сформирован и оснащен, и готов нести мигрирующие орды, которым предстоит оккупировать наши покоренные планеты.

В поведении Эрика Ульмара произошла перемена. Вначале голос его представлял тонкий истерический визг. Теперь же можно было расслышать мрачные тона. Лицо его по-прежнему хранило былую красоту под золотистыми волосами, хотя, измученное, морщинистое, грязное, оно стало теперь опустошающе-спокойным. Он говорил о планах медузиан с равнодушием, почти механически, словно судьба Системы его больше не касалась.

— А Аладори? — спросил Джон Стар. — Где она?

— Она заперта в соседней камере, рядом с нами.

— Рядом с нами! — выдохнул Хал Самду, хрипя от радости. — Так близко!

— Но ты говорил, что ее подвергли... — Джон Стар не мог сдержать болезненного вздоха и гнева в голосе, — подвергли пыткам?..

— Медузиане хотят знать ее тайну, — последовал безжизненный невыразительный ответ. — Им нужны чертежи АККА. Поскольку они не могут общаться с нею непосредственно — она не знает кода, — они заставляют меня пробовать вытянуть из нее секрет. Однако она не сказала. Мы использовали различные способы. — Голос его стал тихим. — Запугивание, гипноз, боль. — Но она не сказала...

— Ты... — прохрипел Хал Самду, — ты... зверь... трус...

Он бросился к нему через всю камеру, яростно стиснув громадные кулаки.

Эрик Ульмар метнулся прочь, заорав:

— Не надо! Не подпускайте его ко мне! Я не виноват. Они пытали меня! Я не выдержал! Они пытали меня! Они не дают мне умереть!

— Хал! — серьезно протестовал Джей Калам. — Это ничего не изменит. Мы должны узнать то, что он сможет нам рассказать.

— Но он... — задыхался гигант, — он пытал Аладори.

— Я знаю, Хал, — вздохнул Джон Стар, удерживая его за руку, хотя и сам разделял его свирепый импульс уничтожить это уже нечеловеческое существо. — То, что он расскажет, может помочь нам спасти ее.

Он повернулся к Эрику Ульмару.

— Ты говоришь, в соседней камере? Здесь есть стража?

— Не давайте ему прикасаться ко мне! — последовало жалкое безжизненное хныканье. — Да, один из медузиан всегда дежурит в большом холле наверху.

— Если мы сможем пройти мимо стражника, отсюда есть выход?

— Ты имеешь в виду выход в город?

— Да, — произнес Джей Калам, и в его тихом спокойном голосе была удивительная уверенность. — Мы намерены бежать. Ты поможешь нам вывести ее из города и

смонтировать ее оружие. Затем медузианам придется подчиниться нам, если мы не решим стереть этот город с лица планеты.

— Нет, вам никогда не выбраться из города, — тихо ответило забитое существо. — Вам не выбраться из холла. Он открывается в шахту глубиной в милю. Это просто крутая голая стена за дверью. Даже если вы спуститесь, вам не пройти через город. У медузиан нет улиц. Они летают.

Однако об этом бесполезно даже говорить. Вам ни за что не выбраться из камеры. Даже Аладори вы не сможете выпустить. Скользящие решетки заперты. Вы — безоружные узники, а еще надеетесь выкрасть что-нибудь у медузиан, стерегущих свою самую мощную твердыню.

Голос его утонул в мрачном сожалении.

Беспокойный, словно пойманный в капкан зверь, Джон Стар осмотрел помещение.

Пустая металлическая камера, квадратная с небольшой площадью. В десяти футах над головой было прямоугольное отверстие, через которое их сюда бросили, забранное скользящей решеткой с мелкими ячейками. Из тусклого просторного холла наверху сквозь решетку просачивался зеленый свет. Глаза его, искавшие какое-либо оружие или просто что-нибудь, что могло бы помочь им бежать, не обнаружили в камере ничего, что можно было бы сдвинуть. Это была просто кубическая коробка из неизменного черного сплава.

Хал Самду бегал рысью взад-вперед по твердому голому полу, глаза его, горящие как у загнанного зверя, иногда свирепо смотрели на Эрика Ульмара.

— Вам никогда не выбраться из этой камеры, — настаивал ровный нечеловеческий голос, — потому что вскоре вас убьют. Они вернутся, чтобы заставить меня вновь попытаться получить чертежи от Аладори. Она скажет на этот раз. Они приготовили луч, который жжет, причиняя боль как от контакта с огнем, и при этом убивает очень нескоро. Но как только она расскажет, они обязательно нас прикончат. Они обещали подарить мне смерть, когда она признается.

— Тогда, — яростно пробормотал Джон Стар, — мы должны выбраться.

Хал Самду ударил кулаками в черную стену. Стена ответила глухой тяжелой вибрацией, меланхоличным рокотом рока. Он стер кровь с суставов.

— Вам не выбраться, — ныл Эрик. — Замок...

— Один из нас обладает известной сноровкой, — сказал Джей Калам. — Жиль, ты должен открыть решетку.

Жиль Хабибула встал на ноги в углу камеры, вытирая слезы с рыбьих глаз.

— О да, — простонал он более легким тоном. — Один из нас обладает известной сноровкой. Случилось так, что его отец конструировал замки, однако даже ему потребовались годы упорных упражнений, чтобы превратить увлечение в искусство.

Жалкая сноровка! О, драгоценная жизнь знает, что ей никогда не воздавалось должное. О, я, несчастный! Менее достойные, чем я, люди добивались богатства, почестей и известности, не обладая и половиной моего гения и десятой долей навыка. И этот талант, и это огромное количество затраченных усилий принесли старому бедному Жилу Хабибуле лишь забвение, бедность и неблагодарность.

Смерть моя! Не будь этой сноровки, я ни за что не оказался бы здесь, не гнил бы в руках бесчисленного множества жутких чудовищ, готовящих мне пытку или смерть! О нет! Если бы не это дело на Венере двадцать лет назад, я бы ни за что не оказался в Легионе. Именно сноровка и соблазнила меня... Она, да еще известность одного погребца с вином...

Бедный старый Жиль, приведенный своим гением к болезням, истощению и смерти.

— Но сейчас появился шанс возместить эти потери с помощью твоего искусства. Ты можешь открыть замок? — спросил Джон Стар.

— О, дружище! Зачем ты ко мне так несправедлив? Будь я художником, поэтом, жалким музыкантом, ты ни за что бы не стал усомниться в силе моего искусства. При моем гении она прогремела бы в Системе от края и до края. О, дружище, такова, выходит, моя горькая участь! Раз уж даже ты, дружище, усомнился в моем гении.

Огромные слезы брызнули на нос.

— Давай, Жиль! — закричал Джей Калам. — Покажи ему!

Они втроем подняли Жилия Хабибулу, что на этот раз оказалось гораздо проще, нежели в предыдущие. Так что он смог добраться до железного забрала в десяти футах над полом.

Он посмотрел на черный ящик замка, ощупал его необычайно уверенными, необычайно деликатными пальцами. Он прислонился ухом к замку, постучал по нему, сунул руку сквозь решетку и, прислушиваясь, что-то сдвинул.

— Мои смертельные глаза, — наконец, жалобно вздохнув, сказал он. — Я никогда не встречал столь хитроумного замка. Он комбинированный. Ящик удивительно крепок, и некуда вставить инструмент, чтобы проверить его, и эта коварная штука вместо цилиндров содержит рычаги. Никогда не встречал такого замка в Системе.

Он опять внимательно прислушался к слабому щелканью в замке, прижимая подушечки пальцев то тут, то там, выявляя, где вибрация выдает внутренний механизм.

— Проклятие моим бедным старым костям! — пробормотал он. — Умнейшая, новейшая идея! Если бы я смог вернуться в Систему, патенты на нее дали бы мне те известность и благополучие, которых я был незаслуженно лишен. Это замок, который способен бросить вызов гению даже Жилия Хабибулы.

Внезапно он судорожно вздохнул.

— Опустите меня! Приближается ужасное чудовище!

Они опустили его на пол. Наверху, над решеткой, появилась огромная зеленая полусфера. Грубая масса блестящей скользкой просвечивающей плоти. Пульсирующе-странный, замедленный жизни. Огромный овальный глаз уставился на них со столь жуткой силой, что Джон Стар почувствовал себя так, будто он читает у них в умах.

Темное щупальце уронило сквозь зарешеченное отверстие четыре небольших коричневых кирпичика. Эрик Ульмар, мгновенно, выйдя из апатии, схватил один из них и яростно вгрызся в него.

— Пища, — пробормотал он набитым ртом. — Это все, что они нам дают.

Джон Стар нашел один из кирпичиков — темный влажный студень. Он имел странный неприятный запах и был безвкусен.

— Еда! — захныкал Жиль Хабибула, надкусив другой кирпичик. — О, ради доброй жизни, если они называют это пищей, я прежде съем мои жалкие ботинки, как уже сделал это в тюрьме на Марсе.

— Мы должны это съесть, — сказал Джей Калам. — Даже если это неудобоваримо. Нам нужны силы.

Зеленоватая трепещущая масса их тюремщика вдруг отплыла прочь от решетки. Они подняли Жилия Хабибулу, чтобы тот возобновил борьбу с замком. Он что-то раздраженно бормотал время от времени. Дыхание, ввиду усилий, перешло в медленные вздохи. На лице выступил пот, мерцающий в тусклом зеленом свете, что просачивался сквозь решетку.

Наконец, послышался громкий щелчок. Он снова вздохнул и поднял нос к прутьям решетки. Затем он потряс головой и торопливо прошептал:

— Во имя жизни, опустите меня!

— Ты не можешь открыть? — спросил в отчаянии Джон Стар.

— А, дружище, ты по-прежнему сомневаешься? — Он печально вздохнул. — Вот она, цена, которую человек должен заплатить за драгоценную искру гения. Не было еще замка, который не смог открыть Жиль Хабибула. Хотя жизнь знает, что многие честолюбивые взломщики пытались это сделать.

— Так что же, он открыт?

— Ах, да. Засовы только что отошли. Решетка свободна. Но я еще ее не отодвинул.

— Почему?

— Потому что это жуткий летучий монстр поджидает в холле! По-прежнему висит поверх странного сооружения на треножнике. Его злые черные глаза заметят любое наше движение.

— Треножник? — взвизгнул Эрик Ульмар, и в голосе его был новый оттенок панической истерии. — Треножник? Значит, это машина, которую они используют для общения. Они принесли ее снова, чтобы заставить меня выпытать секрет у Аладори. Они убьют нас всех, как только она расскажет...

УЖАС В ХОЛЛЕ

— Поднимите меня, — сказал Джон Стар, и огромные руки Хала Самду подняли его. Сквозь квадратные металлические ячейки решетки он разглядел стены и потолок обширного холла, слишком широкого и высокого по человеческим меркам. Сделанные из мертвого черного металла, они освещались маленькими зелеными шарами, висящими посередине потолка. Медузианин был на виду и висел чуть сбоку от камеры. Выпуклая огромная полусфера зеленоватой плоти, склизкой, полупрозрачной, медленно пульсирующей. Овальные, длиной в фут, пурпурные глаза, слегка выпуклые, гипнотические и злые. Длинные щупальца трепетали, словно змеи Горгоны. Рядом стоял механизм на треножке. Три тяжелые заостренные ноги, поддерживающие небольшой ящик, от которого висящие провода шли к маленьким приспособлениям, представляющим собой, видимо, электроды и микрофон для улавливания голоса Эрика и телепатических вибраций медузиан.

Вздохнув, гигант опустил его.

— Есть шанс, — прошептал он, — если поблизости нет других и если мы будем действовать достаточно быстро.

Он рассказал о том, что увидел, и изложил свой план. Джей Калам серьезно, одобрительно кивнул. Детали они обсуждали торопливым шепотом, вплоть до малейшего движения.

Затем Джей Калам дал команду, и Хал Самду вновь резко поднял Джона Стару. На этот раз он ухватился за решетку, быстро и бесшумно отодвинул ее, и, спустя мгновение, стоял в холле. Не теряя ни секунды, он бросился к треножке.

Тем временем Джей Калам пробирался сквозь отверстие, катапультированный руками гиганта, и помогал подняться Халу Самду.

Спустя мгновения после того, как решетка открылась, три человека стояли рядом с нею и в бешеной спешке расчленили треногу. Однако стороживший медузианин уже зашевелился. Зеленый купол медленно поплыл к ним, тонкие черные придатки извивались как гневные опасные змеи. Хал Самду разломал коммуникатор. Одну тяжелую острую ногу он вручил Джону Стару, другую — Джею Каламу. Третью, с оставшимся на ней черным ящиком, он взял сам, чтобы использовать как огромную металлическую палицу.

Нацелив острую ногу, словно пику, Джон Стар сделал выпад в пурпурный глаз. Его окатило инстинктивным страхом, тем самым парализующим страхом, что дважды уже поражал его при виде светящихся глаз Горгоны, пробуждающим древнюю реакцию первобытного ужаса. Он ощутил ледяной страх, от которого волосы встали дыбом и появились льдинки внезапного пота. Что-то перехватило сердце и дыхание, что-то заморозило мускулы...

Неподвижность, вызванная инстинктивным ужасом, выработанная, должно быть, неким древним прародителем, который понимал, видимо, что не двигаться безопаснее. Полезная, быть может, для существа, слишком маленького, чтобы сражаться, и слишком медлительного, чтобы убежать. Но сейчас губительная. Он знал, что она уже наступает. Он готовил себя к встрече с ней. Он должен был заставить мозг управлять телом, а не вековой давности инстинкт.

Мгновение это длилось с ним, всего лишь мгновение. Затем онемевшее тело ответило отчаянно взывавшим нервам. Он бросился вперед, размахивая металлическим острием. Однако медузианин в полной мере воспользовался этой заминкой. Черный хлыст-щупальце, тонкий как его палец, но жесткий, безжалостно-прочный, захлестнул его шею. Он сжался с яростной удушающей силой.

Несмотря на это, он провел выпад. Преодолевая слепящую боль вокруг горла, он собрал буквально каждый атом своего тела и рванулся вперед, ударив пикой. Острие достигло глаза, проникло через его прозрачную наружную оболочку и глубоко вошло в зловещий колодец зрачка между краями черной мембраны. Страшный пузырь прозрачного студня лопнул, из него забила черная кровь. И огромный купол опустился, неподвижный и опасный более чем когда-либо.

Внезапно усилив жуткое давление на его гортань, щупальце дернуло с такой силой, что едва не сломало позвоночник, и потом ударило его, ошеломленного и ослепшего, о металлический пол.

Усилием воли, не обращая внимания на опасность и физическую боль, он заставил себя прийти в сознание. Он вцепился в свое оружие. Однако прежде, чем он смог что-либо увидеть, он уже встал на ноги, хоть и шатаясь. Он едва различал удары дубиной Хала Самду — сильные мягкие удары о бескостную податливую плоть. Затем к нему вернулось зрение. Он увидел великана, чьи голова и плечи возвышались над массой черных и разгневанных змей. Хал Самду сиял бронзовым отливом от пота, и мускулы бугрились узлами, когда он взмахивал своей металлической палицей.

Он увидел, как Джей Калам, как только что он сам, вонзает острие в глубину пурпурного глаза. Увидел, как его мгновенно захлестывают разъяренные черные кнуты, сдавившие его тело, скрутившие и свирепо бросившие его на пол.

Тогда он опять, спотыкаясь, бросился вперед. Черные щупальца ухватили его под колени прежде, чем он вышел на дистанцию для удара. Они стягивали его с безжалостной силой, раскручивали, чтобы снова швырнуть на пол. Огромный злорадный пурпурный глаз появился перед ним, когда он взлетел вверх, — один из двух, что оставались у этого существа. Он был слишком далек, чтобы до него можно было дотянуться. Однако Джон Стар швырнул свое оружие, глубоко вонзив его в сияющую мишень, изо всех сил крутнувшись всем телом.

Змеевидное щупальце выронило его, чтобы вцепиться в пику. На четвереньках он подполз к Джею Каламу, который лежал без движения и стонал. Рядом с ним было его оружие. Джон Стар вцепился в него и поднялся, выпрямившись прямо над существом, окруженном агонизирующими придатками.

В нижней поверхности полусферы, в кругу зеленой трепещущей плоти, он увидел любопытный орган. Круглый участок, шириной в три фута, слегка выпуклый, сияющий мягким золотистым отливом.

Свет колебался, ритмично пульсировал, скользкая плоть регулярно выпячивалась. Мгновенно интуитивно решив, что этот орган может быть жизненно важен, он нанес по нему удар. Почувствовав нападение, существо попыталось избежать его. Оглушенный Хал Самду был сбит с ног. Метнулись черные змеи. Щупальца захлестнулись вокруг талии и яростно сдавили. Оружие, которое Джон Стар ранее вонзил в глаз, теперь было схвачено в тонкие кольца. Оно метнулось к нему и ударило по голове, причинив слепящую боль. Он вонзил пику. Острие пронзило золотистый трепещущий круг — желтоватый свет тут же погас, и медузианин упал мягкой горой зеленоватой плоти. Лишь благодаря отчаянному броску он успел выскочить из-под него, однако под тушей остались ноги.

Светящийся орган, как он догадался позднее, являлся причиной замечательной локомоции медузианина. Возможно, он испускал некую лучистую силу, которая поднимала медузианина и позволяла ему управлять полетом. Возможно, это давало некий необъяснимый способ для изменения кривизны пространства.

Он наполовину лежал под тушей, не в силах высвободиться самостоятельно. Существо еще не было полностью мертвым. Издыхающие змеи хлестали по нему в бессильной агонии.

Первым поднялся Хал Самду и завершил битву несколькими могучими ударами дубины, а потом вытащил из-под медузианина Джона Стар.

Секунду они стояли, разглядывая трепещущую грудку скользкой зеленоватой протоплазмы, высоченную, как Хал Самду. По-прежнему извиваясь, словно пытаясь

отползти от края тела, билось щупальце. Три невидящих глаза грозно смотрели в пустоту.

Каким бы оно ни было ужасным, оба вдруг почувствовали противоречивый импульс жалости при виде явной боли. Ибо такие люди, как они, были стойкими перед лицом любого врага, возможно, с той поры, когда родились планеты Солнца. Смерть же всегда в чем-то ужасна.

— Оно пытало ее, — судорожно вздохнул Хал Самду. — Оно заслужило смерти.

Они отвернулись от медузианина, чтобы поднять Джея Калама, который уже пришел в сознание и пытался сесть.

— Я всего лишь был оглушен, — пробормотал он. — Как с ним, покончено? Хорошо. Надо идти за Аладори. Прежде, чем придут остальные. Если он вызвал помощь. Хал, пожалуйста, помоги Жилю и Ульмару выбраться из камеры. Нужно действовать... быстро.

Он опять упал. Джон Стар видел, что он получил очень жесткий удар, когда щупальца швырнули его вниз. Красивое лицо было худым и искаженным болью, серьезные глаза закрылись. Он лежал несколько секунд, затем прошептал:

— Джон, найди ее. Я справлюсь. Надо действовать быстро.

Джон Стар оставил его лежать. Он обошел вокруг зеленой смерти и обнаружил в полу еще одно зарешеченное отверстие. Он рухнул на колени, вглядываясь во тьму, но почти ничего не увидел в зеленых лучах, что просачивались сквозь ячейки решетки. Наконец, он различил едва заметные очертания фигуры, спавшей на темном полу.

— Аладори! — позвал он. — Аладори Антар!

Смутно видневшаяся фигура не пошевелилась. Он слышал тихое дыхание. Ему показалось странным, что она может спать мирно, как дитя, когда судьба Системы зависит от хранимой ею тайны.

— Аладори! — позвал он громче. — Проснись!

Она быстро поднялась. Ровный голос ее говорил о полном самообладании, хотя и звучал глуховато от тяжелой апатии:

— Да. Кто ты, там?

— Джон Ульмар и твои...

— Джон Ульмар! — Низкий усталый голос, холодный от страха, прервал его. — Я полагаю, ты пришел помочь своему трусливому родственнику выпытать у меня секрет АККА? Предупреждаю, что ты должен быть готов к разочарованию. Не вся человеческая раса относится к вашей трусливой породе. Делай, что хочешь, а я буду хранить тайну до самой смерти, а она, я думаю, не задержится.

— Нет, Аладори, — произнес он потрясенно, больно уколотый горечью в ее голосе. — Нет, Аладори, не надо так думать. Мы пришли...

— Джон Ульмар! — Ее голос, жесткий до презрения, опять прервал его.

Тогда возле решетки опустились Жиль Хабибула и Хал Самду.

— Проклятие моим глазам, девочка! В страшные времена приходится старому Жилю слышать твой голосок. В смертельные времена, как дела, малышка?

В безголосом крике, что прорвался из тьмы сквозь ячейки решетки, было невыразимое облегчение и неопишуемая радость, принесшие в сердце Джона Стара пульсирующую боль. Любые презрительные интонации исчезли — остался лишь чистый восторг, трепетный, полный.

— О да, девочка, это Жиль Хабибула. Старый Жиль Хабибула, прошедший коварный и тяжкий путь, чтобы вытащить тебя на свободу. Лишь подожди несколько секундочек, и он поладит с этим коварным замком.

Он уже стоял на коленях возле решетки, и ловкие пальцы изучали и ощупывали, сдвигая маленькие рычажки, выступающие из ящичка.

— Аладори! — воскликнул Хал Самду со странной тоскливой серьезностью в скрипучем голосе. — Аладори, они причинили тебе вред?

— Хал! — послышался ее радостный, дрожащий крик. — Хал, ты тоже здесь?

— Конечно! Ты думала, я не приду?

— Хал! — вновь радостно всхлипнула она. — А где Джей?
— Он... — начал Джон Стар, и тут рядом с ним послышался хмурый слабый голос Джея Калама:
— Здесь, Аладори, к твоим услугам.
Он наклонился к краю решетки и улегся рядом с ней, по-прежнему слабый и бледный от боли, однако улыбающийся.
— Я так рада! — послышался из тьмы ее голос, прерываемый всхлипываниями. — Я рада и знала, что вы попытаетесь. Но это было так далеко! И план хитроумный, такой дьявольский...
— Ах, девочка, не надо плакать, — попросил Жиль Хабибула. — Сейчас все в полном порядке. Старый Жиль откроет эту дверь, и ты опять выйдешь навстречу драгоценному свету дня, девочка.
Джон Стар вдруг почувствовал, что что-то не так. Он быстро оглядел длинный с высокими стенами черный холл. Огромная туша мертвого медузианина лежала неподвижно, змеевидные щупальца выпрямились и застыли. В тусклом зеленом свете не оставалось ничего движущегося, ничего враждебного. И все же что-то было не в порядке.
Внезапно он понял.
— Эрик Ульмар! — вскрикнул он. — Вы помогли ему выбраться из камеры?
— О да, дружище, — засопел Жиль Хабибула. — Мы не могли оставить его на муки этим коварным тварям.
— Конечно, — пробормотал Хал Самду. — Где?..
— Он ушел, — прошептал Джон Стар. — Ушел. Он трус и предатель. Он ушел, чтобы поднять тревогу.

КРАСНАЯ БУРЯ НА ЗАКАТЕ

— Ага, готово, — засопел Жиль Хабибула. — Девочка, ты готова выходить?
Замок щелкнул. Он отодвинул решетку.
— Пожалуйста, спустись, Джон, — сказал Джей Калам. — Помоги ей.
Джон Стар пролез в отверстие, повис на руках и легко спрыгнул на пол камеры рядом с Аладори. Ее серые глаза с сомнением посмотрели на него, во мраке они были зелеными.
— Джон Ульмар, — спросила она с менее презрительной неприязнью в голосе, — ты пришел с ними?
— Аладори! — взмолился он. — Ты должна мне доверять!
— Я говорила тебе однажды, — сказала она холодно, — что никогда не поверю человеку по фамилии Ульмар. Это было в тот день, когда ты запер моих верных друзей, выдав меня своему родственнику-предателю.
— Я знаю, — горько прошептал он. — Я был болван, инструмент. Но пошли, я тебя подниму.
— Я была дура, что доверилась Ульмару.
— Пошли, у нас нет времени!
— Ты, должно быть, умнее, чем Эрик, если влез в доверие к моим верным людям. Эх вы, Пурпурные... Джон Ульмар, ты хочешь угодить им и медузианам одновременно?
— Не надо!.. — Это был болезненный крик.
— Пожалуйста, побыстрее, — поторопил сверху Джей Калам.
Она подошла к нему, затем с сомнением остановилась. Джон Стар обхватил рукой ее стройное тело, поднял ее ноги и бросил прямо в протянутые руки Хала Самду. Затем прыгнул сам и ухватился за них.
Они стояли в пещерообразном холле, крошечные в этом безмолвном пространстве.
Джон Стар видел теперь, что Аладори стала худой и бледной, ее бескровное лицо было стянуто тревогой и недоеданием. Серые глаза горели слишком ярким огнем и были окружены синими тенями. Ее испуганный крик при виде огромной горы мертвого

медузианина показал, что ее нервы натянуты до предела. Тем не менее, ее подтянутая фигура говорила о смелости, решительности, гордой целеустремленности. Попытки ее не сломили.

— Мы здесь, Аладори, — сказал Джей Калам. — Однако у нас нет корабля. Нет даже способов выбраться из города. И нет надлежащего оружия. Мы зависим от тебя, от АККА.

На ее измученное лицо тенью легло разочарование.

— В таком случае, я боюсь, — сказала она, — что вы напрасно принесли в жертву свои жизни.

— Почему? — спросил Джей Калам с нехорошим предчувствием. — Ты не можешь смонтировать оружие?

Она устало покачала головой.

— Сейчас, боюсь, нет. Каким бы оно ни было простым, мне нужны определенные материалы, и немного времени, чтобы собрать его и наладить.

— У нас есть та штука, которой они пользовались для общения с Эриком Ульмаром. — Он показал на палицу Хала Самду. — Она, правда, сильно повреждена. Она работала на основе электроэнергии. Я думаю, это что-то вроде радио. Тут должны быть провода, изоляции, может быть, батареи.

Она снова покачала головой.

— Это может сгодиться, — признала она, — но я боюсь, что на сборку и подгонку частей уйдет слишком много времени. Эти существа нас скоро найдут.

— Мы ее возьмем с собой.

Хал Самду отсоединил остатки ног треножника от черного ящика и привязал его к себе соединительными проводами.

— Мы должны что-то делать! — вскричал Джон Стар. — Именно сейчас! Эрик, должно быть, побежал поднимать тревогу. Мы должны как-нибудь выбраться из города.

— Аладори, ты знаешь путь? — согласился Джей Калам.

— Нет, этот путь, через холл, ведет в большую мастерскую, по-моему, лабораторию. Там их всегда множество за работой. Эрик, я полагаю, побежал туда, чтобы предупредить их. Второй конец — здесь. Высота в милю. Отсюда не выбраться без крыльев.

— Тут должна быть... — пробормотал Джей Калам, — я помню, водосточная труба. Что-то вроде этого. Мы должны посмотреть.

Они пробежали триста футов к огромной двери в конце холла, к гигантской скользящей решетке из массивных прутьев, скрещенных и близко расположенных друг от друга, с большим замком. Сквозь эту решетку они вновь увидели черный метрополис. Над ним бушевала буря.

Возвышающиеся горы черного, как смоль, металла, фантастические, колоссальные машины невообразимого назначения, нагроможденные в титанические кучи, без видимого человеческому глазу порядка, без закономерностей в форме, размерах, позиции. И никаких улиц — одни лишь бездны, и двери открывались в необъятное пространство.

А сейчас город окатывало дикой яростью. Четверо мужчин пережили другие бури на пути через черный континент. Каждый раз в конце дня, длящегося неделю, когда быстрое остывание воздуха вызывало внезапные колебания в атмосфере. Однако эта буря была просто бешеной. Было почти темно. Мертвенный покров алого сумрака окатывал кошмарные массивы города. Визжал ветер. Желтый дождь падал в ущелья между строениями. Даже сквозь решетку он достигал их и хлестал ледяными бичами. Слепящие молнии постоянно вспыхивали над головой, безжалостно вонзая мечи в черные здания, что высились как гиганты. За дверью была пропасть глубиной в милю, окруженная черными, неправильной формы зданиями. Джон Стар не видел смысла в том, чтобы покинуть этот мокрый, омываемый потоками этаж.

Аладори инстинктивно попятилась от холодного дождя, что проникал сквозь решетку, от зловещего сияния неба и жуткого грохота ветра и грома. Жиль Хабибула торопливо отступил, бормоча:

— Смерть моя, я никогда такого не видел!

— Замок, Жиль! — потребовал Джей Калам.

— Пожалей мои кости, Джей, — провыл он сквозь рев стихии. — Нам нельзя туда. В этот коварный шторм, в эту страшную шахту в мило глубинной.

— Прошу тебя!

— Ну что же, если хочешь, Джей. На этот раз будет проще.

Его проворные уверенные пальцы стали манипулировать с рычажками замка, на этот раз более спокойнее, привычнее. Почти тут же замок щелкнул. Четверо мужчин навалились на прутья и сдвинули решетку.

Пошатываясь под ветром и дождем, хлеставшими с умноженной силой, они вглядывались через квадратный металлический проем. Гладкая черная стена отвесно обрывалась вниз, и ее омывал дождь. Сопrotивляясь воющим порывам, Джей Калам показал, крича сквозь рев бури:

— Водосток!

Они увидели его рядом, в десяти футах. Огромная, квадратного сечения труба, через небольшие интервалы прикрепленная металлическими скобами к стене. Она уходила прямоком на дно шахты, превращаясь в тонкую черную линию и, наконец, теряясь в красноватом мерцающем тумане внизу:

— Скобы!

Скорее по движению его губ, чем по звуку, они понимали его слова.

— Лестница! Слишком большое расстояние. Форма неудобная. Но мы можем спуститься.

— Пожалей мои кости! — взвыл Жиль Хабибула. — Мы не сможем этого сделать, Джей. В такую ужасную бурю не сможем. Нам даже не добраться до этих ужасных скоб. Бедный старый Жиль!

— Джон! — Губы Джея Калама задвигались, на лице было вопросительное выражение.

— Я попытаюсь! — закричал тот.

Он был самым легким, самым быстрым из четверых. Он мог сделать то, что остальным было не под силу. Он кивнул Халу Самду, мрачно улыбаясь. Руки гиганта обхватили его, подняли над бездной, где были яростный дождь и свирепый ветер. Он протянул руки, схватился пальцами за край металлической скобы. И оказался во власти урагана. Тот поднял его над пропастью. Пальцы напряглись. Мускулы затрещали. Плечи напряжились. Однако он висел.

Безжалостный порыв отпустил его, оставил висеть на скобе, мокрого, задыхающегося под реющим дождем. Он попробовал скобы и обнаружил, что они пригодны, хотя и с трудом, в качестве лестницы. Он кивнул остальным.

Затем он выпрямился, стоя на одной ноге. Второе колено он просунул под верхнюю скобу и стал ждать, протянув руки. Джей Калам свесился, и он поймал его и помог перебраться повыше. Потом — Жиль Хабибула, задыхающийся, с зеленым лицом. И Аладори, сказавшая презрительным глухим голосом:

— Спасибо, Джон Ульмар, — когда он схватил ее в свои объятия.

Затем Хал Самду передал ноги треножника, которые они засунули за пояса. Стоя на узком карнизе, он задвинул скользящую решетку до щелканья замка, надеясь сбить преследователей с толку. Потом он прыгнул под слепящим дождем, и Джон Стар, вытянувшись, поймал его.

Его огромный вес был слишком велик для Джона Стара, тем более в его скрюченном небезопасном положении. Бешеный нисходящий порыв сделал его еще более опасным. Джон Стар почувствовал, вцепившись в мокрые руки гиганта, что его тело разрывается пополам. Но он держал. Хал Самду освободил одну руку, поймал скобу и оказался в безопасности. И они начали спуск по водосточной трубе.

Крепёжные скобы размещены были неудобно, спускаться по ним целую милю — нелегко. Дождь сыпал слепящими, перехватывающими дыхание порывами, небо ревело, и безжалостный ветер рвал их. Все они уже были наполовину истощены. Однако мысль о

неизбежном преследовании подталкивала их к безрассудной спешке. Только одно преимущество, подумал Джон Стар, давал им дождь — он заставил медузиан, висевших ранее над зданиями и машинами, укрыться. Видимо, опасности случайного обнаружения прежде, чем начнется погоня, не было. Но за это преимущество они платили в борьбе с ветром и дождем слишком дорогой ценой.

Пожалуй, они были на полпути вниз, когда с Аладори случился обморок.

Джон Стар, находившийся как раз под ней, присматривал за ней, опасаясь, что она сорвется с мокрых скоб. Он поймал ее. Он держал ее, пока она не ожила и не стала резко протестовать, утверждая, что опять способна спускаться. Тогда Хал Самду поднял ее на плечи, велел вцепиться покрепче, и они снова полезли вниз.

Дно гигантской бездны становилось все более различным в тумане падающей воды. Огромная квадратная шахта на добрую тысячу футов в поперечнике. Черные сплошные стены огромных зданий окружали ее, и не было ни одной щели. Дно было заполнено желтой дождевой водой. Вся вода на планете выглядела желтой, потому что в ней был растворен красный органический газ.

Разочарованно озирая залитое дно, Джон Стар не видел возможного пути для бегства. Разве что они вновь поднимутся по какой-нибудь другой водосточной трубе. А они были слишком близки к истощению, чтобы совершить такой подъем, разве что он мог обещать спасение. Хлещущий дождь внезапно ослабел, когда они были уже возле дна. Мертвенное красное небо слегка прояснилось. Холодный ветер хлестал с меньшей яростью. Нога Джона Стара едва коснулась холодной воды на дне, когда Жиль Хабибула предупреждающе прохрипел:

— Мой смертельный глаз! Злые медузиане летят, чтобы забрать нас!

Взглянув вверх, он увидел зеленоватые, с черными щупальцами летучие купола, выплывающие один за другим из холла, который они покинули, и быстро падающие вниз.

ЖЕЛТАЯ ПАСТЬ УЖАСА

К тому времени, как остальные заканчивали рядом с ним спуск, Джон Стар в отчаянии озираясь, выискивая возможности бегства из шахты. Перед ним лежала поверхность желтой дождевой воды площадью в тысячу квадратных футов. Над ней с каждой стороны возвышалась блестящая черная стена огромного здания, самое низкое из которых было выше гордого Пурпурного Холла. Здесь и там в стенах виднелись высокие двери, однако ни до одной из них не мог добраться никто, за исключением летающего существа. На фоне красного маленького квадрата неба над бездной плавно спускались преследователи-медузиане — маленькие зеленоватые диски на алом фоне.

— Пути нет! — пробормотал он Джею Каламу, с плеском прыгнувшему рядом с ним. — На этот раз нет. Я думаю, они теперь убьют нас.

— Но путь есть, — сказал быстро и напряженно Джей Калам. — Если у нас хватит времени. Небезопасный. Неприятный. Это мрачный, отчаянный шаг. Однако это лучше, чем ждать, когда они нас прикончат. Пошли! — воскликнул он, когда Жиль Хабибула последним соскользнул, стена и дрожа в холодную воду. — Нельзя терять времени.

— Куда? — спросил Хал Самду, с плеском шагая рядом с ними по желтой воде. Аладори все еще сидела у него на спине, устало вцепившись. — Тут нет пути.

— Дождевая вода, — кратко пояснил Джей Калам, — она ухитряется найти выход.

Он бежал, расплескивая воду и показывая путь к отверстию для стока воды. Желтый водоворот десяти футов в поперечнике ревел над тяжелой металлической решеткой.

— Мои несчастные смертельные глаза! — просопел Жиль Хабибула. — Мы что, должны нырнуть в жалкую канализацию?

— Должны, — заверил его Джей Калам, — или будем ждать, когда нас убьют медузиане.

— Пожалей мои дорогие старые кости! — взвыл Жиль Хабибула. — Быть засосанным в

пучину и утопленным как жалкая крыса! И чтобы потом вынесло в желтую реку, где, знает сладкая жизнь, тебя разорвут и проглотят коварные твари. Ах, Джей, это смертельно злой день!

— Мы должны поднять решетку, если сможем.

Хал Самду отпустил Аладори, и та неуверенно выпрямилась, дрожа и озираясь.

Едва удерживаясь на ногах в кружащейся желтой воде, четверка собралась возле края круглой решетки, вцепилась в нее, напрягая мускулы. Она не двинулась.

— Смертельная петля! — воскликнул Жиль Хабибула, ощупывая край.

Пошатываясь в безумном потоке, бившем по ногам, Хал Самду стучал по петле и расшатывал ее одной из ног треножника. Джон Стар взглянул в квадрат лилового неба и увидел черные круги медузиан. Они уже были больше и находились на полпути вниз.

Гигант бил и расшатывал петлю, однако тщетно. Джон Стар попытался помочь ему, и Джей Калам вместе с ним. Бешеный поток желтой воды бурлил над петлей, сводя на нет их усилия. Даже не давая устоять на ногах.

— Это Эрик Ульмар предупредил их, — сказала Аладори, и в голове ее были лед и глубокое презрение. — Он на одном из них. Я вижу, как он показывает на нас.

Они возобновили попытки сбить петлю своими неуклюжими инструментами, тяжело дыша, слишком занятые даже для того, чтобы посматривать навстречу приближающейся смерти. Наконец, изогнутый металл сломался.

— Начали! — пробормотал Хал Самду.

Они снова схватились за решетку, поднимая ее. Под их объединенными усилиями решетка слегка приподнялась и вновь опустилась под давлением ревающего течения. Они попробовали опять. Жиль Хабибула задыхался побегов. Огромные мускулы Хала Самду вспучились, дрожа от напряжения. Даже Аладори пыталась помочь, но решетка не поднималась.

Медузиане снижались. Бросив на них взгляд, Джон Стар увидел целую стаю. Некоторые несли черные устройства, должно быть, оружие. Один — Эрика Ульмара, сидящего и жестикулирующего в черном сплетении змей.

— Мы должны поднять!

Они попытались снова, в новом положении. Решетка вдруг поддалась, оказавшись неожиданно легкой под потоками бушующей воды.

Перед ними разверзся открытый колодец, и он был восемь футов в поперечнике. Бушующая вода бросилась в него со всех сторон, не образовав даже бреши. Это была желтая воронка с пенными краями. Грозный, яростный глухой рев бешеного напора воды поднялся над нею.

Джон Стар помедлил, глядя в свирепую желтую пасть с болезненной тошнотой. Казалось самоубийственным нырять в этот водоворот, позволить засосать себя бурой глотке, беспомощно крутиться в канализации, биться о стены и, наконец, оказаться среди ужасов огромной реки.

И Аладори! Это было невозможно.

— Мы не можем, — закричал он Джей Каламу, перекрывая рев. — Мы не можем бросить ее туда.

— Смерть моя! — хрипло выдохнул Жиль Хабибула. Цвет его лица сменился мертвенно-бледным, с нездоровой зеленью. — Это смерть. Коварная завывающая гибель и жуткое удушье!

Джей Калам взглянул на опускающихся медузиан, которые были уже близко, на их черное оружие и на Эрика Ульмара, висящего в колыбели из змей. Он мрачно взглянул на Аладори. На лице его был безмолвный вопрос.

Она посмотрела вверх, и на бледном лице появилось презрение. Серые глаза, холодные и уверенные, хотя и слишком яркие и в тени усталости, оглядели четверых мужчин и обратились к грохочущему водопаду. Она помедлила. Затем странно улыбнулась. Она сделала едва заметный жест прощания и нырнула в желтую реющую воронку.

Джон Стар был поражен внезапностью, с какой она прыгнула, и холодной безрассудной смелостью девушки. Прошло мгновение, прежде чем он оправился, отбросил собственный ужас перед этой алчной воющей пастью. Он отшвырнул свое импровизированное оружие и прыгнул за ней.

Пролетев двадцать футов в пенном желтом водовороте, он нырнул в поток.

Сумрачное красное свечение мгновенно погасло. Под черным городом, в крошечной тьме, его крутило как щепку. Спустя немного времени, ему удалось вырваться на поверхность. Дождь шел в полную силу, так что все было заполнено водой. Он ободрал руку о край трубы, однако смог вдохнуть скверного зловонного воздуха. Он снова набрал воздуха и закричал: «Аладори!», но тут же осознал тщетность этой попытки. В этом ревущем потоке она бы ничего не услышала. Да если бы и услышала, что толку?

Поток внезапно повернул, и за углом он едва не задохнулся в комьях пены.

Вновь, спустя бесконечное время ожидания, борьбы за то, чтобы удержаться на плаву, вдохов, когда это было возможно, он оказался в глубоком быстром потоке. Здесь водоотвод был заполнен целиком. Яростная вода плескалась и пенилась под самым верхом. Ему редко удавалось найти открытое пространство, чтобы наполнить легкие воздухом. Его толкало дальше и дальше, пока он не почувствовал, что не может больше бороться со свирепым потоком, пока усталое, израненное тело не запросило пощады, пока легкие не завизжали, требуя чистого воздуха, а не гнусной вони в пенных карманах грохочущего потока.

Он подумал, что нельзя упускать следующий момент, когда перед ним опять окажется широкий канал. Поток затянул его снова. Казалось, прошли часы, пока он, преодолевая боль, раздражающую легкие, стремился подняться на поверхность, и он вынырнул, чтобы оказаться рядом с металлом. Воздуха здесь не было. Каким-то образом он не позволял воде попасть в измученные легкие. Бедная Аладори! Неужели она тоже переносит все это? А трое остальных? Если они нырнули прежде, чем опустились медузиане, смогут ли они выжить?

Внезапно он оказался во власти дикой, яростно ревущей пены. Его вновь затянуло, и жестокий вес воды сдавил грудь. Устало пытаясь подняться на поверхность, едва живой, чтобы почувствовать победу, он увидел свет.

Он прорвался сквозь желтую пену, благодарно глотнул чистого живительного воздуха открытого пространства, совершенно не думая о красном, медленно убивающем газе, что содержался в нем.

Вверху, с одной стороны, было мрачное небо, и там бушевала буря. С другой стороны была металлическая стена черного метрополиса в милю высотой. Его выбросила в волны желтой реки. Кипящий, изборожденный легкими линиями пены, испещренный воронками водоворотов, поток несясь вдаль, шириной в десять миль, столь обширный, что низкая темная линия джунглей на дальнем берегу почти целиком терялась в густых темных сумерках.

Позади, на многие мили, он омывал основание могучей стены, пока не достигал незабываемого барьера черных шипастых джунглей. Он уже в течение месяцев путешествовал по желтой реке. Он научился встречать тысячи ее опасностей. Но тогда с ним находились остальные, тогда он был на плоту, тогда они были вооружены против яростной жизни реки, неба и джунглей.

Он безуспешно озираясь в поисках Аладори. Когда он восстановил дыхание, то стал выкрикивать ее имя. Однако издавал лишь тонкие бесполезные звуки. Голос его был слабым, хриплым и тонул в шуме реки. Поток ревел, встречаясь на выходе из дренажной системы с водами реки. Но внезапно он увидел ее в сотне ярдов ниже по течению. Голова ее была совсем крошечной и подпрыгивала, как поплавок, над кипящей желтой поверхностью. Он понял, что тело ее слишком маленькое, слишком хрупкое и слишком усталое, чтобы долго бороться со свирепой рекой. Он неуклюже поплыл к ней, полумертвый от усталости. Бурлящий поток нес ее от него. Он уносил ее все дальше и быстрее, чем Джон Стар мог плыть. Дикие волны издевались над ним, а он, близкий к безумию, ревел проклятия, словно имел дело со злобным разумным существом. Она увидела его. Из последних сил она поплыла навстречу ему через желтую пену. Их несло в тени под стеной. Иногда он

оглядывался, надеясь, что кто-нибудь из остальных выбрался живым, однако никого не видел. Аладори скрылась из глаз, когда он был менее чем в дюжине футов от нее, затянутая безжалостным течением. Она появилась снова, когда он уже был готов нырнуть за ней, беспомощно барахтаясь в капризной реке.

Он поймал ее руку и положил на свое плечо.

— Держись! — прохрипел он. И добавил с последней мрачной искоркой воодушевления: — Если только можешь доверять Ульмару.

Коротко, призрачно ухмыльнувшись, она вцепилась в него.

Желтая бурлящая пена несла их вдоль могучих стен к речному берегу. Там ждали шипастые джунгли.

ТВАРЬ

Позднее Джон Стар не мог восстановить в памяти свое пребывание в реке. Окончательно выдохшийся, далеко перейдя за пределы невыносимого, он больше напоминал машину, чем человека. Каким-то образом он удерживал себя и Аладори на плаву. Но это было все, что он помнил.

Ощущение грунта под ногами быстро привело его в себя. Он пополз из желтой воды к краю широкого гладкого пляжа из черного песка, волоча за собой бесчувственную девушку.

За черной песчаной полосой шириной в триста ярдов высились джунгли. Барьер из черных переплетенных мечей, он отталкивающе высился на фоне малинового неба. Он пестрил огромными яркими цветами, огненно-фиолетовыми красками, придававшими ему некую ужасную красоту. И там во многих облициях таилась смерть. Открытый пляж, как знал Джон Стар, не был пригоден для жизни человека. Существовала угроза из воды, из леса и с воздуха. Однако он почти утратил чувство опасности. Благополучно вытащив измученную девушку с желтого мелководья под сомнительное укрытие, образованное большим количеством плавника, зацепившегося за корягу, полузасыпанную песком, он рухнул рядом с ней на песок. И здесь усталость взяла свое.

Проснувшись, он уже знал, что драгоценные часы упущены. Огромный диск красного солнца был уже наполовину скрыт за краем джунглей. Воздух был ледяным жутким напоминанием о наступавшей ночи.

Аладори лежала рядом с ним на черном песке и спала. Взглянув на ее стройное незащитное тело, на медленно вздымающуюся грудь, он почувствовал ноющую боль внутри себя. Сколько раз, подумал он, пока они лежали здесь, проплывала в желтом потоке или выглядывала из стены шипов смерть, и грозила их жизням, и АККА, и надежде человечества.

Он попытался сесть и едва не задохнулся от боли. Каждый мускул тела яростно протестовал. Тем не менее, он заставил себя выпрямиться, размял нывшие члены, пока к ним не вернулась некоторая подвижность, и неуверенно поднялся на ноги.

Вначале он поднял спящую Аладори и отнес ее на возвышение на берегу, подальше от невидимых опасностей, что могли напасть на них с мелководья. Соорудив хрупкое укрытие из плавника, чтобы спрятаться, и найдя тяжелую дубину, он стал ждать, сидя подле девушки, когда она проснется.

Он устало озирает рыжевато-коричневую реку, бегущую вдаль, пока еще была видна в сумраке далекая темная стена джунглей. Он осматривал голое пространство темного песка, черный шипастый барьер за ним и валы черного метрополиса, вздымающегося на мили над рекой, едва видимые над джунглями. Но опасность пришла с темного неба, скользя на безмолвных крыльях. Тварь была уже низко, когда он ее увидел. Она нырнула к спящей девушке, лежащей под маленьким навесом из плавника. Чем-то она напоминала стрекозу, выросшую до чудовищных размеров. У нее были четыре тонких крыла до тридцати футов в размахе. Он увидел, что она похожа на существо, с которым Жиль Хабибула однажды сразился за свою бутылку вина. У него перехватило дыхание при виде этой чуждой и зловещей красоты.

Хрупкие крылья были голубыми и просвечивали. Они мерцали как темные пластинки сапфира. По ним проходила паутинка красных прожилков. Заостренное тело было черным, странно и удивительно усеянное яркими желтыми пятнами. Один-единственный огромный глаз был похож на полированную яшму. Единственная пара конечностей застыла под ним. Жестокие черные когти, выпущенные, чтобы схватить тело девушки. А тонкий желтый хвост наподобие скорпионьего, был вооружен огромным желтым шипом и вытянут для удара.

Джон Стар мгновенно вскочил, замахнувшись дубиной на яшмово-черный глаз. Однако блестящие крылья чуть встрепенулись, и тварь взмыла вверх. Вместо девушки она напала на него. Его удар прошел мимо единственного глаза. Тонкий безжалостный ланцет жала устремился прямо на него.

Он бросился вниз, взмахнув дубиной, чтобы отбить ядовитый шип. Он почувствовал удар, когда дубина встретилась с хлестнувшим хвостом. Ядовитое острие оказалось чуть отведенным в сторону, хотя все же коснулось плеча, вызвав вспышку слепящей боли.

Мгновенно вскочив на ноги, почти ослепнув от раздирающей боли, он едва различил, как тварь поднимается, разворачивается и опять скользит к нему на просвечивающих сине-алых крыльях. Она снова спикировала, выпустив когти. На этот раз, как он заметил, заостренный хвост бессильно висел. Дубина сломала его.

Шатаясь от боли, он вновь нацелил удар в яркий агатовый глаз, и на этот раз существо не упорхнуло. Оно бросилось прямо на него, растопырив желтые когти. В последнее мгновение, почти теряя сознание от боли, вызванной ядом, он понял, что когти должны вонзиться в него.

Он яростно боролся, чтобы удержать ускользящее сознание. Каждую унцию силы он вложил в тяжелый обломок дерева, чувствуя, как тот сокрушает огромный черный мерцающий диск. Затем чувства растворились в нахлынувшей боли.

Он смутно понимал, что тварь уже не летает над ним. Он осознавал, что она катается по песку, сжимая в когтях его тело. Последний его удар оказался фатальным.

Наконец, борьба утихла. Мертвая тварь рухнула на него. Желтые когти даже в смерти были глубоко всажены в его руку и плечо. Преодолевая слепящую боль, он один за другим распрямил пальцем когти и поднялся на ноги, слабея от мук и кровотечения.

Даже мертвая, тварь была красива. Целехонькие узкие крылья, распростертые на черном песке, казались пластинками сапфира в рубиновых прожилках. Лишь красновато-желтые когти и сломанное жало выглядели устрашающими, а также голова, разбитая последним ударом.

Он склонился над нею, слишком слабый даже для того, чтобы поднять дубину. Он рухнул возле Аладори, по-прежнему тихо дышавшей в мертвом от изнуренности сне, ничего не знавшей о сражении, которое только что произошло рядом. Погрузившись в апатию, вызванную новой усталостью и болью, он поначалу даже не пошевелился, когда увидел три крошечные фигуры, устало бредущие по черному берегу в туманной красноватой дали.

Трое странных жестких мужчин — каждый из них загорелый и потрепанный — были прикрыты лишь несколькими клочками одежды. Бородатые, длинноволосые, косматые люди. У каждого была дубина или копье-шип. Глубоко запавшие сияющие глаза вглядывались по сторонам с явной тревогой. словно трое первобытных людей, охотящихся в тени древних джунглей: примитивные звери, осторожные и опасные.

Странно было думать о них как об уцелевших из сокрушенного и преданного Легиона Пространства, последних бойцах некогда гордой Системы, одиночках, оставшихся для того, чтобы защитить ее от науки чужой звезды. Неужели эти косматые звери смогут выиграть межзвездную войну?

Наконец, Джону Стару удалось подняться, закричать и помахать. Его увидели и поспешили к нему по берегу.

Хал Самду все еще нес черный механизм с треноги, привязанный к его огромным плечам соединительными проводами. Он нырнул вместе с ним в канализацию, тонул с ним, боролся с желтой водой.

— Аладори? — прохрипел он, усталый, возбужденный, обогнав остальных.

— Спит. — Джон Стару хватило энергии лишь для одного слова, жеста.

Гигант опустился рядом с нею в тревоге, но затем лицо его прояснилось.

— Ты вынес ее? — прохрипел он. — И убил вот это?

Джон Стар смог лишь кивнуть. Глаза его были закрыты, однако он знал, что Джей Калам и Жиль Хабибула уже подошли. Он услышал, как последний слабо хнычет:

— Ах, драгоценная жизнь! Это было злое время, ужасное время! Нас промыло сквозь вонючую клоаку, как отбросы, и выбросило умирать среди коварных ужасов жуткой желтой реки. Ах, бедный старый Жиль Хабибула! Это был смертельно злой день...

Голос его изменился.

— Ах, девочка. Девочка не пострадала. И этот коварный сверкающий монстр... Должно быть, это Джон убил его... Ах, бедный старый Жиль знает, каково было тебе, парень. Смертельно горькие мы пережили времена!

Голос его снова воспрянул.

— Эта мертвая тварь... Ее мясо вполне пригодно в пищу. Она в точности такая же, с которой я с таким смертельным трудом сражался за мою бутылочку вина, — а ведь я его так и не отведал! Надо развести огонь. Я ужасно ослаб от голода. Ах, бедный старый Жиль, умирающий от голода...

Джон Стар во второй раз провалился в беспробудный сон.

Когда он проснулся, было холоднее. Тело его онемело и заостенело, хотя рядом с ним горел жаркий костерок из плавника. Наступала жуткая ночь: гневный солнечный диск полностью исчез, небо представляло собой низкий купол гибельных дымчатых сумерек. Над рекой дул по направлению к джунглям пронзительный ветер.

У огня находился Жиль Хабибула — он жарил на вертеле мясо, нарезанное с мертвой летучей твари. Джон Стар почувствовал сосущий голод — это запах мяса, должно быть, разбудил его. И он сразу стал есть.

Джей Калам и Хал Самду находился рядом с Аладори, отделенные от него костром. Небольшой механизм, который гигант принес в такую даль, они разобрали. Детали его лежали перед ними на плоском обломке дерева. Витки проволоки, странные детали и кусочки пластика.

Он поспешно встал, несмотря на онемение во всем теле, и быстро приблизился к ним. Сосредоточенные, они не подняли глаз. Перед Аладори находилось маленькое странное устройство, смонтированное из черных металлических частей и из грубо обструганных кусочков дерева. Она ощупывала последние кусочки металла один за другим, отказываясь от каждого с безнадежным качанием головы.

— Ты собрала его? — нетерпеливо спросил Джон Стар. — АККА?

— Она пробует, — отвлеченно вздохнул Джей Калам.

Джон Стар взглянул поверх черных джунглей на башни и машины черного метрополиса, что высились в красных сумерках. Он почувствовал явную невозможность того, что грубое маленькое устройство, лежащее на песке, может причинить какие-нибудь повреждения этим колоссальным стенам.

— Мне нужно железо, — сказала Аладори. — Крошечный кусочек железа размером с гвоздь. Он мне нужен, как магнитный элемент. Кроме этого, здесь есть все, что мне нужно.

Она разочарованно положила маленький прибор на песок.

— Мы могли бы найти руду, — сказал Джон Стар. — Построить печь, выплавить железо.

Джей Калам устало и мрачно покачал головой.

— Мы этого не можем сделать. Железа на планете нет. Как ты помнишь, медузиане сначала пообещали Пурпурным помочь в завоевании Системы всего лишь за один груженный железом корабль. Пока мы странствовали, я не заметил ни следа выхода железистых соединений.

— Выходит, мы не сможем смонтировать оружие, — медленно произнесла Аладори. —

Здесь нам не смонтировать. Если бы мы только смогли вернуться в Систему!

— Наш корабль лежит поврежденный где-то на дне моря.

Онемев от отчаяния, они стояли и дрожали под холодным ветром, дующим через реку. Они смотрели поверх темных шипастых джунглей на стены, башни и непостижимого назначения механизмы темного метрополиса. Состарившийся задолго до зарождения человечества, он, видимо, будет стоять и после того, как исчезнет последний человек.

Вдруг над этими старыми стенами и башнями вспыхнуло зеленое пламя. Они увидели, как поднимаются титанические машины — черные корабли-пауки, межзвездные суда медузиан. Поднимался чудовищный рой, и грохот пышущих зеленым дюз катился над джунглями и рекой, исчезая в кроваво-красном небе...

— Флот! — прошептала Аладори. — Он летит в Систему со всеми их ордами. Они оккупируют наши планеты. Флот уже ушел! Если бы мы нашли кусочек железа... однако уже слишком поздно. Мы проиграли.

КРЫЛЬЯ НАД СТЕНАМИ

— И ведь все, что нужно, — это железа с ноготок! — прокомментировал Жиль Хабибула голосом, который мог бы смягчить сердце железной статуи. — Ах, я, бедный! Неужели отсутствие жалкого ногтя может так много значить!

Он сидел, нахохлившись, на черном песке — глыба сплошного огорчения, — осторожно держа в руках деревянную палочку с куском дымящегося мяса над огнем.

— Бедный старый Жиль Хабибула! Ах, зачем ему довелось видеть такой жуткий день! Лучше, о, знает сладкая жизнь, гораздо лучше, если бы он умер еще жалким ребенком. Лучше бы закон пошел жестоким безжалостным путем тогда, на Венере.

Жуткая это награда, о, жизнь моя дорогая, очень жуткая награда за двадцать лет верной службы в Легионе. Обвинен в мерзком пиратстве. Заключен. Подвергнут голоду и пыткам. И, да, изгнан из своей родной Системы на этот ужасный мир страшных чудовищ.

Отравлен самым здешним воздухом, обречен завывать в безумии и умирать от медленного зеленого гниения. Затравлен миллионом смертельных монстров. Вынужден бежать, как крыса, через коварный черный город. Плыть, как жалкая крыса, в зловонной канализации! А теперь оказаться лицом к лицу с ужасной смертью в холодной и жуткой ночи. И единственная бутылочка вина на всем континенте разбилась прежде, чем удалось попробовать его вкус! Смерть моя! Это больше, чем может вынести человек. Смертельно много, знает сладкая жизнь, для бедного старого солдата Легиона, больного, ленивого и слабого, у которого на глазах пропало его вино!

А теперь из-за какого-то гвоздя пропадает вся Система! Из-за отсутствия одного драгоценного кусочка железа все человечество обречено на смерть под натиском чудовищных медузиан! Ах, знает дорогая жизнь, — это смертельно злые времена! Смертельно горькие времена! Бедный старый Жиль Хабибула...

От костра послышался треск, поднялся клуб горького дыма. Он вдруг выпрямился и вскочил с финальным криком:

— Ах, я бедный! Беда никогда не ходит одна! Теперь даже это смертельное мясо сгорело!

И он вернулся к ярkokрылой твари, которую убил Джон Стар, чтобы вырезать новый кусок мяса.

Возле мерцающих сапфирово-рубиновых крыльев, лежащих забытыми на черном песке, опустошенно стояли остальные, измученные и утратившие надежды, дрожа от усиливающегося холода под ветром, что дул из сгущающихся красных сумерек, со стороны речного берега к стенам и башням, и машинам черного метрополиса, что грозно высился на фоне темнеющего алого неба над темными шипастыми джунглями.

Беспредельное чувство неудачи, неизбежного рока, победившего их и все человечество,

гнетуще давило на них, отчаяние держало их в гнетущем молчании.

Пристальные синие глаза над рыжей бородой Хала Самду заметили черный космический корабль, колоссальный корабль-паук медузиан, несущийся на призрачных зеленых струях. Он двигался к зловещим стенам над желтой рекой. Хал показал, медленно проводя за ним рукой.

— Это... — закричал вдруг Джон Стар, и сердце в его груди вдруг болезненно подпрыгнуло. — Под ним... неужели это...

— Да, — хмуро произнес Джей Калам. — «Пурпурная Мечта».

— Ваш корабль! — воскликнула Аладори.

— Наш корабль. Мы оставили его разбитым на дне желтого моря с Адамом Ульмаром на борту.

— Адам Ульмар. — В голосе ее появилось презрение. — Значит, он вернулся к союзникам.

Она странно посмотрела на Джона Стара.

— Похоже, — признал он, — что он так и поступил. Он мог связаться с медузианами по радио. Должно быть, он вызвал их и добился, чтобы они подняли корабль и помогли его отремонтировать.

Они смотрели на «Пурпурную Мечту», летящую под огромными черными лопастями корабля медузиан, на ее крошечную торпедовидную фигуру, не более чем серебряную пылинку. По мере того, как она приближалась к черному городу, из дюз стало бить голубое пламя, и она начала снижаться на фоне красного неба.

В это время вторая огромная машина висела рядом с нею на зеленых крыльях отдаленного грома. «Пурпурная Мечта» замедлила скорость и приземлилась на башню над черной стеной, сводя их с ума своей открытостью. Черный корабль приземлился неподалеку.

Несколько мгновений они смотрели на все это и молчали — настолько сильным было их отчаяние.

— Мы должны захватить этот корабль, — прошептал наконец Джей Калам.

— Он может отнести нас в Систему, — едва слышно вздохнула Аладори. — Мы найдем там железо. Мы сможем построить АККА. Мы сможем спасти последние остатки человечества.

— Мы можем попытаться, — согласился Джей Калам. — Конечно, они будут преследовать нас отсюда. Со своим оружием, которое бросает пылающие солнца. Пояс Смерти все еще висит над нами — надо будет опять прорываться через него. А флот вторжения уже сторожит нашу Систему. И эти орды в крепости на Луне... — прошептал он. — Однако мы можем попытаться...

— Но как? — хрипло произнес Хал Самду.

— Это первый вопрос. До корабля отсюда несколько миль джунглей. Он на вершине гладкой стены в милю высотой. И рядом с ним черный корабль, наверняка на страже. Как?

Глаза его обратились к Джону Стару, который неотрывно смотрел на крылья убитой им твари, блестящие рядом на черном песке.

— В чем дело, Джон? — настойчиво спросил он, и голос его был странно напряженным. — Ты смотришь...

— Никто не доберется туда иначе, как по воздуху, — медленно, отсутствующе произнес Джон Стар. — Однако, мне кажется... мне кажется, я нашел способ.

— Ты имеешь в виду полет?

Джей Калам пристально всматривался в его страстное жесткое лицо; дивясь, он взглянул на длинные блестящие крылья, на которые смотрел Джон Стар, на сапфировые листья в рубиновых прожилках.

— Да. Я привык летать, — сказал Джон Стар. — В Академии Легиона. Планеризм. Однажды я выиграл годовой чемпионат в Академии.

— Ты хочешь построить планер?

— Это возможно, я в этом уверен. Крылья достаточно длинные. Прочные. Тело твари

больше, чем мое. А ветер дует через реку в сторону джунглей и стен. Должны быть восходящие потоки.

— Здесь есть крылья. Однако остальное...

— Понадобится немного. Крылья уже готовы. Нужны будут постромки, чтобы связать их вместе, но можно нарезать лиан в джунглях. И сплести волоконные веревки.

— Времени осталось немного.

— Да. Скоро будет слишком холодно, чтобы работать. Всего лишь несколько часов. И у нас нет ни укрытия, ни оружия. Нам не пережить эту ночь. Нет, Джей, похоже, это единственный выход.

— Да! — сказал внезапно Джей Калам, соглашаясь с этой идеей. — Да, мы попытаемся. Но это отчаянное предприятие, Джон. Ты это понимаешь? Аппарат будет ненадежен, если он вообще сможет летать. Есть опасность, что тебя обнаружат. Трудность в том, чтобы попасть на борт, а там нужно будет справиться с Адамом Ульмаром одним кинжалом-шипом. Даже если ты проникнешь к управлению, на страже корабль-паук.

— Я знаю, — рассудительно сказал Джон Стар. — Однако, похоже, это единственный выход.

Они приступили к работе перед лицом весьма внушительных обстоятельств и опасностей, делая невозможное. Поначалу отыскивали инструменты — острые раковины, камни, которые могли бы служить ножами и молотками, твердые, как железо, шипы джунглей.

Измерив яркие крылья, Джон Стар напряг память, вспоминая все, что он знал о конструировании планеров, помечая угольком от костра в нужных местах.

Затем, в усиливающемся холоде и тьме, обложившись блестящими крыльями, распорками и креплениями, изготовленными из древесины джунглей, плетеным волокнистым канатом и прочими деревянными деталями, он работал час за часом, собирая планер, в то время как четверо остальных обшаривали берег и джунгли в поисках материалов.

Они не отдыхали, пока не был закончен этот простенький аппарат, хрупкий и легкий. Всего лишь четыре ярких крыла, связанные вместе волокнистыми веревками, которыми планер должен был крепиться к телу Джона Стара. Они привязали к нему планер, и он несколько раз пробежал под холодным ветром по черному песку, пробуя балансировку.

Он сунул за пояс два кинжала-шипа и прикрепил рядом с собой к раме длинное копье. Он пробежал по песку, остальные натянули веревку. Он поднялся и обрезал ее.

Станный летательный аппарат неуверенно пошел вверх, качнулся и нырнул к песку. Отчаянным поворотом всего тела он выправил полет — единственное, чем он мог управлять, был его собственный вес. И он поднялся в сильном потоке, что проходил над джунглями.

Он взглянул вниз, на крошечную группу — троих потрепанных мужчин и усталую девушку, пославших вместе с ним свои надежды.

Четыре маленькие фигурки и чуждых красных сумерках. Он помахал рукой, они помахали в ответ.

Он поднимался с тревожной болью в сердце. Он не мог их подвести, иначе они, определенно, погибнут, если он не захватит корабль. Джей, Хал, Жиль и Аладори. Он не мог позволить им умереть, пусть даже их спасение не будет означать спасение человечества. А теперь он летел над черными шипами. Плохо, если он здесь упадет. Когда он нашел время оглянуться снова, четверка уже потерялась в тени за кромкой джунглей.

Прежняя сноровка возвращалась быстро. Вновь пришло знакомое воодушевление пологого восходящего полета; даже трудности управления рискованным аппаратом доставляли радость, даже опасность черных шипастых джунглей.

Держась на восходящих потоках над краем джунглей, он уверенно летел вверх по реке, к черным и могучим стенам, смутно выступающим в сгущающемся красном мраке. «Пурпурная Мечта» была уже не видна. Поначалу он сомневался в хрупкой машине, но вскоре летел все увереннее, опасаясь лишь случайностей или того, что его обнаружат

медузиане. Но затем пришла неожиданная угроза.

Над черным лесом взлетело, планируя, другое существо, такое же, как то, у которого он позаимствовал крылья. Оно обошло его по кругу, поднялось над ним, потом оно опять нырнуло к нему, держа наготове жало и когти, и он понял, что оно намерено напасть.

Он закричал на него и слабо помахал руками. Поначалу тварь, казалось, встревожилась, однако затем нырнула снова, ближе, чем прежде.

Он высвободил черное копье застывшими от холода руками и выставил его перед собой. Тварь спикировала в последний раз, изогнув изящное жало и выпустив желтые когти. Она неслась прямо на него. Он встретил ее открыто, направив копье в единственный черный глаз.

Острые угодило в цель. Но падающее тело врезалось в хрупкий летательный аппарат с такой силой, что заставило его хлипкий каркас затрещать. Потеряв устойчивость, Джон Стар скользнул к джунглям вслед за телом падающей твари.

Восстановив равновесие уже тогда, когда отчетливо были видны шипы, он поднялся вновь. Однако связанный лианой каркас был разболтан при ударе. Он потрескивал и тревожно постанывал во время подъема, и полет был еще неувереннее, еще опаснее, чем раньше.

Но, наконец, он вошел в сильный порывистый поток, который поднимался над стенами черного города. Его понесло вверх. Каждый миг он боялся, что увидит, как складываются яркие крылья, и тело его по спирали упадет в желтую реку.

Так он долетел до уровня башни. Он различил «Пурпурную Мечту», крошечную серебристую искорку, лежащую на огромной черной платформе в тени сторожившего ее корабля-паука. За нею простирался кошмарный город; машины на высоких платформах располагались как армия черных гигантов, затаившихся в сумраке.

Он взмыл над посадочной площадкой и стал снижаться.

Воздушный поток нес его слишком быстро, едва не сбросив через стену в город, планер трещал и трепетал. Тело его было медлительным и дрожало от пронизывающей стужи, оно онемело и не повиновалось.

Но ноги коснулись черного металла в тени «Пурпурной Мечты». Он высвободился из упряжки и отделил друг от друга яркие крылья. Он молча побежал к воздушному шлюзу, с кинжалом в руке, готовый к неожиданным опасностям.

ПРЕДАТЕЛЬ МЕНЯЕТ ЛИЦО

К его облегчению, воздушный шлюз был открыт, и вспомогательный трап спущен на металлическую платформу. Он мгновенно взлетел по ступенькам, пересек открытый люк и помчался по длинной узкой палубе, обогнул угол и оказался в каюте, где и встретился лицом к лицу с Адамом Ульмаром.

Когда несколько месяцев назад они расстались на дне желтого моря, Адам Ульмар выглядел измученным, разбитым, раздавленным открытием, что его дело предано медузианами, он был надломлен сознанием того, что невольно предал человечество.

Сейчас он был иным.

Всегда высокий, внушительный в фигуре, он был еще более упрям, уверен, решителен. Свежевыбритый, с причесанными и блестящими белыми волосами, в опрятной форме Легиона, он встретил Джона Стара с ласковой улыбкой гостеприимства на благородном лице.

— О! О, Джон! Ты меня удивил. Хотя я и надеялся...

Он шагнул вперед, протянул в приветствии холеную руку. И Джон Стар бросился ему навстречу, угрожая его горлу кинжалом-шипом.

— Ни с места! — хрипло прошептал он. — Ни звука!

Он почувствовал разницу между ними. Он представлял собой странную фигуру и знал об этом — почерневшую от солнца, жесткую от испытаний, полуобнаженную с косматой

головой и многомесячной растительностью на лице. Он должен был более походить на зверя, чем на человека. На нелепого зверя, встретившегося с лощеным, уверенным, властным человеком.

— Адам Ульмар, — яростно выдохнул он опять. — Я пришел убить тебя. Я думаю, ты заслужил смерть. У тебя есть что сказать?

Он ждал, дрожащий и закоченевший от холода. Вдруг он испугался, что не сможет ударить этого добродушного улыбчивого человека, чья персона вызывала неожиданное благоволение и гордость родства с ним, несмотря на его черную измену.

— Джон, — запротестовал тот неожиданно настойчивым и убедительным голосом. — Ты недопонял. Я действительно в восторге, что ты пришел. Некоторое время назад мой злосчастный племянник сказал, что ты был здесь и утонул в канализации. Зная тебя и твоих спутников, я слабо верил в вашу гибель. Я все еще надеялся, что смогу чем-нибудь помочь вам.

— Помочь! — хриплым эхом отозвался Джон Стар, не отводя кинжала от горла Адама Ульмара. — Помочь! И это говорит тот, кто ответственен за все наши беды!

— Я очень хочу оказать тебе помощь, мой мальчик, потому что понимаю свою вину. Это верно, что у нас различные политические взгляды. Однако я никогда не желал помогать медузианам в колонизации наших планет. У меня нет иных целей, кроме как исправить то, что уже сделано.

— Как это? — спросил Джон Стар с болезненным страхом, что этот ровный уверенный голос ничего не оставит от его решительности и потом предаст его снова.

Адам Ульмар жестом обвел корабль.

— Кое-что я уже сделал. Ты должен это признать. Крейсер поднят и отремонтирован; я надеялся, что он сможет переправить АККА обратно в Систему для предотвращения всеобщего бедствия.

— Но его подняли медузиане.

— Конечно. Они меня провели, и теперь был мой ход. Я связался с ними и предложил к ним присоединиться. Я согласился помогать им своим военным искусством в завоевании Системы. И я попросил их поднять «Пурпурную Мечту» и отремонтировать ее под моим руководством.

Они подняли крейсер и достаточно хорошо его отремонтировали, однако я боюсь, что они мало доверяют человечеству. Похоже, что они мне не верят, как и Пурпурные не верили им. Черный корабль, что снаружи, сторожит меня денно и ночью. Ты знаешь, какое на нем вооружение — пушки, что стреляют атомными солнцами.

— Ты видел Эрика? — подозрительно спросил Джон Стар. — Он с тобой?

— Нет, Джон. Он уже не со мной. Он рассказал, как медузиане заставили его силой выпытывать у девушки ее тайну. Он рассказал мне все о вашем прибытии и о бегстве. И он рассказал, как побежал предупреждать медузиан. Он не думал, что у вас был шанс уйти, и надеялся заслужить их расположение.

— Трусливая bestия! — пробормотал Джон Стар. — Где он?

Адам Ульмар кивнул. На его красивом лице появилась тень боли.

— Именно таким он и был, Джон. Трусом. Хотя его имя и было Ульмар. Жалкий трус. Он первым пошел на дурацкий союз с медузианами, потому что он был трус, потому что он боялся поверить в мои планы революции.

Я знал, Джон, что я совершил ошибку. Я знал, что не Эрика, а тебя следовало бы сделать императором. Но и сейчас это не было бы слишком поздно, если бы только ты за это взялся.

— Но я не возьмусь!

— Да, не возьмешься. И, может быть, ты прав. Я теряю веру в аристократию. Наш род стар, Джон, наша кровь — лучшая в Системе. Хотя Эрик — презренный дурак. А трое мужчин с тобой — обычные солдаты Легиона — отлиты из настоящего металла.

Мне было нелегко измениться, Джон. Однако на дне желтого моря у меня было время

подумать. И я изменился. Отныне я буду поддерживать Зеленый Холл.

— Да? — В голосе Джона Стара откровенно звучал скептицизм. — Но ответ на мой вопрос. Где Эрик? Вы оба...

— Эрик никогда больше не предаст человечество, Джон. — Голос был резок от боли. — Когда я узнал, что он послал за вами медузиан, когда вы бежали, я убил его. — Он сморщился. — Он был моей крови, и я убил его. Я сломал ему шею собственными руками.

— Ты убил... Эрика?

Джон Стар очень медленно прошептал эти слова, и глаза его изумленно смотрели на лицо Адама Ульмара, искаженное болью.

— Да, Джон. И вместе с ним убил часть себя, ибо я любил его. Любил его! Отныне ты — наследник Пурпурного Холла!

— погоди! — яростно рявкнул Джон Стар, еще сильнее прижимая кинжал и всматриваясь в благородное, с тенью боли лицо.

— Да-да, Джон.

Сложив руки на груди и улыбаясь, Адам Ульмар, привалившись к стене, глядел на него.

— Ты мне не веришь, Джон. Ты не можешь, после всего, что случилось. Ну что же ты, действуй — вонзай свое оружие, если чувствуешь, что можешь. Я не буду защищаться. И, даже умирая, я буду гордиться, что твое имя Ульмар.

Джон Стар замахнулся своим грубым оружием. Он вглядывался в красивые чистые глаза. Они не моргали. Они смотрели иронично. Он не мог убить этого человека! Хотя сомнение по-прежнему царило в его сердце, он опустил черное лезвие-шип.

— Я рад, что ты не ударил, Джон, — сказал Адам Ульмар, вновь улыбаясь. — Потому что решил, видимо, что я тебе понадоблюсь. Хотя мы и имеем отремонтированный крейсер, впереди серьезные препятствия.

Здесь на страже черный корабль. Если мы уйдем от него, за нами будет послан весь флот. И над нами Пояс Смерти — я недавно слышал, что он слабее над полюсами планеты, однако даже там это весьма эффективный барьер.

Если даже каким-то чудом мы вернемся в Систему, человечество уже раздавлено, дезорганизовано. Мы не получим помощи, на нас даже могут напасть жалкие остатки человечества, обезумевшие от красного газа.

Нам придется иметь дело со всем их флотом и черной крепостью на Луне, откуда они обстреливают Систему красным газом. Эрик говорил, что они разобрали все свои газовые фабрики месяц назад и переправили их на Луну. Вот, наверное, почему концентрация красного газа здесь уменьшилась.

Возможно, Джон, уже слишком поздно... Может быть, мы единственные выжившие, и у нас самих есть шанс прожить дольше. Если мы намерены попытаться, у нас очень мало времени.

— Я поверю тебе, Адам, — сказал Джон Стар, пытаясь отбросить терзающие его сомнения. Он быстро добавил: — Мы должны взять на борт Аладори и остальных. Они у реки, без крова и одежды и без настоящего оружия. Они скоро умрут в этой ночи.

— Двигаться отсюда, когда нас сторожит черный корабль, — запротестовал Адам Ульмар, — было бы самоубийством. Надо подождать удобного случая...

— Мы не можем ждать! — Голос его был хриплым от отчаяния. — У нас есть протонная пушка. Если мы ударим неожиданно...

Адам Ульмар покачал головой.

— Они сняли иглу, Джон. Убрали. Крейсер безоружен. Они убрали даже стойки со стрелковым оружием. Твой шип — единственное наше оружие против солнц, которыми они швыряются.

Джон Стар сжал челюсти.

— Тогда выход один, — мрачно пробормотал он. — Двигаться так быстро, чтобы у них осталось очень мало времени для удара.

— Как это?

— Мы можем стартовать на геодинах.

— На геодинах! — Это был сдавленный крик. — Их нельзя использовать при старте, Джон. Ты это знаешь. Их нельзя использовать без риска в атмосфере. Мы сожжем корпус трением! Или врежемся в землю, как метеор.

— Мы пойдем на геодинах, — хрипло сказал Джон Стар. — Я — пилот. Ты можешь управлять генераторами?

Адам Ульмар странно посмотрел на него, затем улыбнулся, взял Джона Стару за руку и быстро пожал ее.

— Очень хорошо, Джон. Я могу управлять геодинами. Мы пойдем на геодинах... Хотел бы я, чтобы ты был моим племянником.

Джон Стар почувствовал ответное чувство, сменившееся некоторым сомнением, которое отказывалось уходить. Так много было доверия этому высокому командиру, такими бедственными оказались последствия его измены.

Они разошлись. В маленькой рубке Джон Стар быстро осмотрел ряды знакомых приборов, он быстро проверил их один за другим. Он обратил внимание, что все железо было заменено другими металлами. Однако, похоже, все было готово к работе. Он посмотрел в телеперископ.

Сторожевой корабль медузиан располагался рядом с ними, одна из огромных странных лопастей простиралась вверх. Против красноватого свечения на туманном западе она выглядела зловещей и гигантской; корабль казался похожим на некоего гибридного паука, разросшегося до циклопических размеров.

Низкая чистая музыка геодиновых генераторов стала внятной и усилилась до отчетливого звона. Из динамика послышался резкий голос Адама Ульмара:

— Генераторы готовы, сэр, и на полной тяге.

Краткая хмурая улыбка Джона Стару при слове «сэр» сменилась опять выражением острого недоверия. Он быстро установил направление на берег реки, составляя план того, что необходимо было сделать. При малейшей ошибке должна была последовать мгновенная аннигиляция.

Положив пальцы на клавиатуру управления, он всматривался в телеперископ.

Затем он вспомнил о воздушном шлюзе и нажал на кнопку, которая его закрывала. Это действие, он знал, могло их выдать. Но он не мог оставить его открытым, потому что сопротивление воздуха тут же разрушило бы его.

Он в напряжении ожидал — одну секунду, две, три, — когда заработают моторы люка. Из огромного черного шара вражеского корабля внезапно выдвинулся длинный черный конус. Он стал поворачиваться в их сторону. Оружие!

Четыре! Пять! Он услышал лязганье закрывшегося люка и нажал на клавиатуру. Платформа башни и черный корабль вдруг исчезли. И, хотя невообразимая сила в равной степени действовала на весь корабль, ошутимого шока не было. Геодины понесли их прочь со скоростью, недоступной подсчету.

Вокруг завертелись малиновые тусклые сумерки. Их встретила черная тень.

Двигаясь со скоростью, соответствующей этому отчаянно опасному положению, пальцы Джона Стару быстро металась по клавиатуре. Годы тренировок сейчас должны были оправдать себя. Обучаясь в Академии, он часто представлял себе подобные случаи, отчасти мечтая о них, отчасти боясь.

Спустя мгновение ускорения он убавил за следующую долю секунды тягу геодинов, уменьшив невообразимую скорость.

И «Пурпурная Мечта», мгновенно перелетев через черную стену, с ужасной скоростью понеслась к плоской желтой реке. Ее корпус светился от трения о воздух.

Он судорожно врубил дюза, чтобы уменьшить скорость в оставшееся время перед приземлением.

Отчаянная игра, игра с самой кривизной пространства, в атмосфере планеты. Человеческая отвага и человеческое искусство против титанических сил. Бешеный восторг наполнил его. Он победит, если дюзы вовремя остановят корабль.

Светящийся корабль летел к темному песчаному берегу. К берегу замерзающей реки. В последнее мгновение дюзы загрохотали на полную мощность, затем последовал тяжелый удар о песок. Корабль зарылся в него, и от раскаленного докрасна корпуса повалил пар.

Пока, и в самый недолгий срок, они были спасены.

Спасены, пока медузиане не смогут атаковать.

Раскаленный люк распахнулся. Четверо пассажиров поднялись на борт — полуголые изможденные люди. Полумертвые от усталости, заостеневшие от холода. За ними лязгнул люк. «Пурпурная Мечта» снова загрохотала, голубые разряды стали лизать черный песок.

Мгновенно врубилась геодина, и корабль рванулся с совершенно невообразимой скоростью в тусклые красные сумерки.

Джон Стар испытал мгновение яростного торжества, прежде чем вспомнил о поясе спутников-крепостей над головой. Вспомнил о шести световых годах межзвездного пространства впереди, вспомнил о флотилиях медузиан, стерегущих Систему, и об оккупационных силах, ожидающих в новой черной цитадели на Луне.

Позади он увидел черные машины, возвышающиеся над стенами и башнями кошмарного метрополиса. На струях зеленого пламени вдогонку поднималась целая стая кораблей-пауков. Более чем достаточно превосходящие «Пурпурную Мечту» в скорости, вооруженные орудиями, что стреляли солнцами аннигиляционного атомного огня.

ШУТКА

Красный туман над головой таял. «Пурпурная Мечта» рвалась вверх, на свободу пространства, где ее светящийся корпус мог бы остыть. Планета уплывала, превратившись в огромный бесформенный полумесяц тусклого зловещего оранжево-красного цвета.

С нее поднялся рой кораблей-пауков. Безрассудный старт крейсера оставил их слишком далеко позади, чтобы они смогли воспользоваться своим страшным оружием.

Впереди лежал Пояс Смерти, пояс зла.

Зловещая сеть невидимых лучей распространялась от шести движущихся крепостей. Могущественные тайны древней науки. Грозные зоны невидимой радиации, что сокрушали молекулярные связи, заставляя прочный металл и человеческие тела растворяться туманом свободных атомов.

Вспомнив новую информацию Адама Ульмара о том, что они слабее на полюсах, Джон Стар проложил курс на север. Он вел корабль на пределе действия геодинов, уже испытывая тошноту от страха перед барьером, тошноту при мысли о том, что предстоит пережить Аладори. Однако выбора не было.

«Пурпурная Мечта» вонзилась в стену невидимой радиации. Джон Стар был на мостике один.

Неожиданно из его тела пошел кружащийся огненный туман, от панелей и приборов — тоже. Туман возбужденных либо ионизированных атомов, пляшущих точек радужного света. Острая раздирающая боль пронзила тело, завизжала в ушах, запылала перед глазами. Атом за атомом корабль и его тело растворялись. Ослабев от боли, он пытался удержаться в сознании, удержать дрожащий крейсер в узком проходе относительной интерференции волн над полюсом.

Тело его, все более светящееся и прозрачное корчило в световой агонии. Красное пламя выжигало сам мозг.

Часть его вдруг была поражена внезапным смехом — странным, хриплым и диким. Безумным смехом, лунатическим. Смех потряс его тошнотой нового ужаса, ибо он знал, что смеется сам. Он только что придумал ужасную шутку.

Подобно тем, кто уцелел из первой экспедиции, здоровая часть его знала, что он сходит

с ума! Долгое пребывание в красном газе климатического контроля наконец подействовало на него. Сходит с ума! И обречен на смерть от медленного зеленого гниения. Он смеялся. Смеялся над чудовищной шуткой. Шуткой была смерть Системы от безумия и зеленой проказы.

И, между прочим, смерть тех, кто пытался спасти человечество от этой медленной гибели — жуткая шутка. Но зато ужасно смешная.

Миллионы, да что там, миллиарды людей смеялись глупо, бессмысленно над тем, как их плоть превращается в зеленую гниль и отваливается, а те, кто задумал их спасти, умрут самыми первыми. Что за космическая шутка! Люди смеются перед лицом красной боли. Мужчины и женщины смеются, в то время как их плоть становится зеленой! Смеются, а тело их распадется, а они смеются до смерти.

Что за вселенская шутка!

Его рука соскользнула с клавиатуры. Он сложился пополам от смеха.

Могли ли медузиане оценить юмор ситуации, когда дождем сыпали на планеты бомбы с красным газом? Или их чудовищная раса слишком стара для смеха? Или они разучились смеяться еще до того, как родилась Земля? Или эти зеленые податливые тела никогда не знали смеха? Надо спросить Адама Ульмара. Надо связаться с медузианами. Надо выяснить.

Он мог рассказать им эту шутку. Космическую шутку. Вся раса смеется, умирая.

Он попытался встать, однако смех не дал ему подняться. Он потерял ладони одна об другую. Они были сухими, бумажными. На коже уже формировалась чешуя. Кожа будет отваливаться, а кости станут голыми. Он сам шутка! Что за шутка!

Он лежал на полу и смеялся!

Затем пришло смутное понимание того, что он должен что-то делать. В мозгу вспыхнуло красное пламя. Его рвало от слабости. И тут были остальные. Остальные? Да, Джей, Хал и Жиль. И Аладори! Он не мог их подвести. Но что именно надо делать?

Надо вести крейсер — смутно припомнил он. Через Пояс Смерти. Потом невыносимая боль пройдет. Она покинет и остальных. Аладори! Такая красивая, такая усталая. Он не должен позволить, чтобы она вытерпела такое.

Он боролся со смехом.

Он пытался забыть о шутке. Он бился с болью, пожирающей нервы. Он неуклюже потащился к пульту управления.

Надо провести «Пурпурную Мечту» сквозь радиационный барьер. Он смотрел сквозь радужный туман на полупрозрачные приборы. Он нажимал на клавиши сияющими руками. Он вновь и вновь содрогался от смеха.

Наконец, он понял, что барьер остался позади. Красная боль растаяла, свечение оставило приборы, пляшущий радужный блеск постепенно покинул воздух. Тем не менее, он по-прежнему всхлипывал от смеха.

Наконец, на мостик пришел Джей Калам, изнуренный, бледный от боли, однако спокойный и решительный. После того, как они миновали барьер, он успел побриться и найти новую форму. Он опять был опрятен, чист и серьезен.

— Хорошо сработано, Джон, — сказал он тихо. — Я пока буду на мостике. Я только что говорил с командиром о наших шансах обогнать преследующий флот. Он утверждает, что...

Джон Стар отчаянно пытался слушать и понимать то, что говорил Джей Калам, а также старался хранить молчание. Но шутка, она была ужасно смешная. Он снова разразился безумным смехом, и дикий порыв хохота бросил его на палубу.

Он должен попытаться рассказать Джейу Каламу о шутке. Джей Калам ее оценит. Потому что он тоже очень скоро будет смеяться, а его тело превращаться в зеленую гниль.

Однако сквозь смех он ничего не мог сказать.

— Джон! — услышал он испуганный крик Джей Калама. — В чем дело? Ты нездоров?

Джей Калам помог ему подняться на ноги, он держал его, пока тот не смог прекратить смеяться и вытереть слезы.

— Шутка! — прохрипел он. — Роскошнейшая шутка! Люди смеются, умирая!

— Джон! Джон! — Голос его был слаб от невыразимого ужаса. — Джон, что случилось?

Надо было что-то сказать Джей еще. Что-то, что не было бы таким смешным. Он вновь затрясся от смеха и всхлипываний.

— Джей, — сказал он наконец, — я схожу с ума. Это красный газ. Я чувствую его на коже и не могу прекратить смеяться, хотя понимаю, что это на самом деле не смешно. Ты должен взять управление. И пусть Хал запрет меня в камере.

— Зачем?

— Пожалуйста, закройте меня! Я могу причинить вред даже Аладори... И спасайте Систему!

Смех вернулся. Он повис на шее Джей Калама, хныча:

— Подожди немного, Джей! Я расскажу тебе шутку. Такую смешную-смешную! Миллионы людей смеются и одновременно умирают. Даже маленькие дети смеются, а плоть у них гниет. Это самая замечательная шутка, Джей. Космическая шутка над всей человеческой расой.

Смех одолел его. Содрогаясь, он рухнул на пол.

Следующее, что он осознал, это то, что привязан к койке в каюте, а Жиль Хабибула промывает его тело бледным светящимся голубым раствором, очевидно, тем самым, которым пользовался немногословный врач Адама Ульмара в Пурпурном Холле, очень давно, когда он получил ожог красным газом.

— Жиль, — прошептал он, и голос его был хриплым и тихим.

— Да, дружище, — засопел, улыбаясь, Жиль Хабибула. — Ты меня, наконец-то, узнал, дружище. Смертельные времена мы из-за тебя пережили. Не смейся больше, обещай старому Жилу.

— Смеяться? Над чем я не должен смеяться?

Он смутно припомнил некую замечательную шутку, но что это была за шутка, он не мог сказать.

— Ни над чем, дружище, — с облегчением выдохнул Жиль. — Все это пустяки. И ты опять станешь на свои жалкие ноги, дружище, к тому времени, когда мы прибудем в Систему.

— В Систему? Да, я помню. А что, Джей считает, что мы можем уйти от черного флота?

— Ах, дружище, мы давно от него оторвались. Мы подлетели поближе к красному карлику. Они не смогли последовать за нами. Его гравитационное поле остановило у них механизмы управления. Некоторые из них упали на него. Как мы прошли — смертельно близко! Ах, коварную борьбу нам пришлось вести с ними, чтобы оторваться, дружище!

— Так, значит, я смеялся? Вспомнил! Я думал, что меня прикончит красный газ. Однако теперь это не кажется таким смешным. Я что, снова здоров, Жиль?

— О да, похоже, дружище. Адам Ульмар дал нам этот раствор. Эти твари сделали его по рецепту, который он им дал, пока ремонтировали корабль. Он нейтрализует газ. Если им не дышать смертельно долго. Жуткие зеленые чешуйки несколько дней назад осыпались с твоей кожи. Но мы боялись, что ты...

— А кто-нибудь из остальных?

— Да, дружище. — Сопящий голос упал. — Наша драгоценная девочка...

— Аладори? — В голосе Джона Стара хрипло звучала боль. — Все остальные этого избежали?

— Мы воспользовались этим раствором. Это случилось, когда ты, дружище, вел нас через жуткий Пояс Смерти. Похоже, это шок от излучения.

— Что с ней?

— Не знаю, дружище. — Он покачал головой. — Злая зелень уже вся очистилась с ее драгоценной кожи, однако, она по-прежнему сама не своя. Она лежит, как лежал ты, в

мертвом трансе, и нам ее не разбудить. Она смертельно устала и ослабела. Ты же видел, как ей досталось!

Ах, дружище, это плохо, смертельно плохо! Если она не проснется, она не сможет смонтировать это смертельное оружие. И вся наша возня окажется напрасной. Ах, что за коварные времена! Я люблю эту девочку, дружище. Знает жизнь, как мне не хотелось бы видеть ее смерть!

— Я... я... — прошептал Джон Стар в агонии отчаяния и страха. — Я тоже люблю ее, Жиль.

И он всхлипнул.

Когда они добрались до дальних пределов Системы, прошли мимо Плутона и Нептуна, Джон Стар опять смог вернуться на мостик. Все знакомые планеты, которые они видели в телеперископ, были окутаны жутким красным туманом. Даже Земля была тусклой зловещей малиновой искоркой.

— Красная, — прошептал Джей Калам. В его безжизненном голосе был ужас. — Воздух каждой планеты полон красного газа. Я боюсь, мы слишком опоздали, Джон.

— Даже если бы и не опоздали, — горько прошептал Джон Стар. — Аладори не лучше.

— В любом случае, мы сядем на Землю, найдем кусок железа. И будем ждать. Возможно, она проснется до того, как умрет последний человек.

— Возможно. Хотя Жиль говорит, что пульс у нее... — Он замолчал, потом яростно пробормотал: — Она не может умереть, Джей, не может!

Они проскользнули пятью днями позже мимо Луны, направляясь к Земле. Аладори по-прежнему лежала без сознания. Ее сильное сердце и дыхание невероятно замедлилось. Хрупкое тело, ослабевшее от истощения, плена и пыток, от многомесячного вдыхания красного газа, отчаянно боролась за жизнь. Остальные следили за ней, содержали ее в тепле. Они промывали ее слабое тело нейтрализующим раствором, помогали ей глотнуть воды, когда она была в состоянии. Больше ничего они сделать не могли.

Луна представляла собой красный угрожающий мир Джон Стар посмотрел на нее в телеперископ.

Нагие еще до рождения человека горы ее были теперь окружены смертельным пурпурным газом. Новые человеческие города представляли собой груды безжизненных руин. На голом лавовом плато он увидел город медузиан.

Неземная цитадель! Реплика черного метрополиса на из собственном обреченном спутнике. Зловещие стены и башни из черного высокопрочного сплава, усеянные фантастическими черными машинами — инструментами науки, пережившей бесчисленные века, покорившей многие миры.

— Их орды ждут там, — мрачно сказал Джей Калам. — Вырабатывают красный газ. Бомбардируют планеты снарядами с ним. И там размещен флот вторжения. Если они нас обнаружат...

Его голос затих. Он увидел то, что в этот миг потрясло и Джона Стар. Яркую вспышку зеленого холодного пламени над черной посадочной площадкой. Поднимался черный корабль, чтобы следовать за ними к Земле.

— Возможно, уже обнаружили. Однако у нас есть время, чтобы опуститься раньше и найти кусок железа.

— Но Аладори по-прежнему в этом жутком трансе. Пока она не проснулась и не смонтировала АККА, у нас нет оружия.

Они понеслись вниз, в сторону красной туманной Земли, со страхом глядя на черный корабль-паук, несущийся за ними под малиновой Луной.

ЗЕЛЕНЫЙ ЗВЕРЬ

«Пурпурная Мечта» опускалась в атмосфере Земли, которая приобрела теперь ядовитую красноватую дымку, на западе Северной Америки на площадку возле Зеленого

Холла, на коричневый участок под зубчатым, в милю высотой, Сан-Диасом.

Джон Стар сам добровольно вызвался покинуть крейсер и поискать железо. На борту корабля, с тех пор, как они вернулись, железа не было. Космический корабль был немагнитным, поскольку магнитные поля интерферировали с геодинами. И медузиане, восстанавливая корабль, сняли с него все немногие детали из железа и стали.

— Принеси его, — сказал Джей Калам и дал ему старый кинжал-шип. — И будь осторожен, если встретишь людей. Они будут безумны и опасны. И торопись. Мы должны раздобыть железо и побыстрее удрать куда-нибудь, прежде чем придет черный корабль. Надо спрятаться и ждать пробуждения Аладори.

Выпрыгнув из воздушного шлюза, Джон Стар с ужасом смотрел на то, что осталось от гордой и величественной столицы Системы.

Небо было затуманено алой дымкой, сквозь которую кроваво-красным злым светом пылало полуденное солнце. Под этим смертоносным свечением голые места и зубчатые горы выглядели чужими и мрачными, и невероятно одинокими.

Зеленый Холл был разрушен огромным снарядом с Луны.

На краю площадки, где некогда был широкий ухоженный газон, разверзся рваный кратер, окаймленный сырой, изодранной скалой. За воронкой находились колоссальные развалины зданий. Гора битого изумрудного стекла, из которой торчали ржавые прутья стального каркаса. Мгновение он не двигался, пораженный ужасом. Затем, вспомнив о необходимости спешить, он бросился вперед сквозь ряды кустов, мимо голых скелетов деревьев, погибших, должно быть, от жидкого газа, по мертвым газонам, заваленным камнями, прилетевшими из кратера, и осколками зеленого стекла.

Странно, заметил он вскоре, как трудно оказалось найти хотя бы с ноготь железа в этом месте. Он находил многочисленные металлические предметы: бронзовое основание лампы, маленькую статуэтку, отлитую из свинца, разбитый алюминиевый остов аэросаней. Даже огромная стальная балка свисала со здания, разумеется, слишком тяжелая для переноски.

Он спешил, отчаянно выискивая на пострадавшей земле хоть кусочек железа, достаточно маленький для транспортировки, время от времени бросая испуганные взгляды на малиновое небо. Если медузиане заметили их, если черный корабль шел для того, чтобы напасть...

Он обогнул большую грудку битого зеленого стекла и оказался лицом к лицу с зеленым ужасом.

Это был человек. Огромный человек. Должно быть, он пережил дни ужаса исключительно благодаря грубой силе. Примерно семи футов ростом, полуобнаженный, полуоблаченный в лохмотья, жалкие остатки формы Легиона, формы стражи Зеленого Холла. Кожа его представляла собой массу кровоточащих язв, усеянных и покрытых жесткой зеленой чешуей. Окаймленные красные глаза, затуманенные зеленью, смотрели с ужасного лица, едва видя его. С обнаженными клыками, что скалились в зияющей красной пасти, этот человек казался химерой. При виде человека-зверя, скорченного, оскаленного, рычащего, он почувствовал тошноту. Ибо это значило больше, чем судьба одного человека. Он олицетворял собой обреченность всего человечества, гибель его под натиском старейшей и более жизнеспособной расы, мудрой, смелой расы, много раз жестоко проверенной на живучесть. Он невольно вскрикнул при виде этого зеленого рокового зверя. Затем, осознав опасность, он попробовал ускользнуть. Но зверь уже знал о нем. Он издал странный полуголосовой вопросительный звук — хриплый, однотонный и пронзительный, ибо голосовые связки, очевидно, уже разложились. Туманные глаза в красных кольцах всмотрелись и обнаружили его. Зверь пошел, оступаясь и волоча ноги.

— Ни с места! — резко вскричал Джон Стар. В голосе его была паника.

Эффект от этой резкой команды был странным. Так как волочащая ноги тварь внезапно проявила военную дисциплину. Она жестко подняла невообразимую зеленую лапу, отдавая честь. Однако это была не более чем механическая реакция, оставшаяся от забытой человеческой сущности. Она снова вернулась в прежнюю позу и неуклюже побрела к нему.

— Внимание! — закричал он. — Стой!

На мгновение зверь замедлил движение, затем пошел вперед быстрее. Бессвязные, протестующие звуки изливались из беззубого рта. И Джон Стар стоял, ослабев от ужаса и пытаясь понять эти крики, пока они не сменились внезапно страшными животными и зверь не перешел на неуклюжий оступающий бег.

Он понял, что зверь облюбовал его себе в пищу. Он быстро огляделся в поисках пути к спасению. С волной тошноты он понял, что попал в ловушку. Животная хитрость еще не исчезла. За спиной у него возвышались горы зеленого битого стекла. Надо было встречать опасность лицом к лицу. Да, у него был черный шип. Однако он знал, что не настолько силен и едва оправился от долгой болезни. А этот дикий завывающий зверь, видимо, в два раза превосходил его весом. Очевидно, зеленая гниль еще не убавила у него сил.

Когда они схватились, он надеялся, что приемы рукопашного боя, усвоенные в Академии Легиона, восполнят недостающие силы. Но, когда когтистая, в зеленой чешуе лапа схватила запястье руки, в которой был кинжал, в настоящий жесткий захват, он сразу понял, что перед ним действительно бывший легионер. Безумный мозг еще не забыл, как надо бороться.

Кинжал выпал из парализованной руки. Вонючие зеленые руки сдавили его в сокрушительных объятиях. Затем тварь применила еще один прием — колено в спину, другое вокруг бедра. Плечи изгибаются, изгибаются, пока не сломается хребет. Он безуспешно боролся в безжалостном захвате, ослепший от боли и страха. Твердые зеленые чешуйки царапали тело, запах гниения вызывал тошноту. Он слабел и чувствовал, как уплывает сознание. Обнаженные клыки впились в плечо. Тварь испустила злобный вой. Она была голодна.

Отчаяние вернуло ему хладнокровие и выдержку. Сквозь туман боли он вновь почувствовал себя в Академии. Он ощутил запах пота, кожи и втертого спирта. Он услышал скучный носовой монотонный голос инструктора:

— Изогнись всем телом, так, вдави локоть в солнечное сплетение, так, руку просунь сюда, так, теперь сомкни ноги и поворачивайся.

Он сделал так, как шептал в памяти сухой старый голос, едва сознавая, где он находится, едва понимая, что лишь так сможет избавиться от мучительной боли и получить свободу для поисков кусочка железа.

Раздался треск!

Он медленно поднялся возле дрожащей массы зеленоватой гнили. Он побрел вокруг руин разрушенного Зеленого Холла, осматривая изрытую землю. Надо спешить. Если прилетит черный корабль... Его внимание привлекла детская игрушка. Маленький сломанный детский паровозик, которому уже не бегать по тоненьким рельсам. Однако, возможно, ему удастся спасти Систему.

Он выломал из него ось, убедился, что она из славного серого железа и поспешил обратно к крейсеру.

Взобравшись на груды битого зеленого стекла, он оглянулся и увидел черный корабль-паук. Тот несся в красном туманном небе. Он был уже очень близко.

Перейдя на спотыкающийся усталый бег, Джон Стар приблизился к «Пурпурной Мечте». Крошечная серебристая торпеда-пигмей в тени огромного, с черными лопастями аппарата, спускающегося над темным Сан-Диасом на жарких зеленых струях. Он был над кратером, в четверти мили от них.

В сердце, как игла, колола боль истощения. Он безнадежно бежал, спотыкаясь. Крейсер был безоружен. Оружие черного корабля могло аннигилировать его в один миг.

На бегу он различил маленькую группу, появившуюся на опущенном люке воздушного шлюза и торопливо опускающую трап, Джей Калам, Хал Самду, Жиль Хабибула — он узнал их — несли неподвижное тело Аладори.

Люк закрылся над ними. Адам Ульмар не появился.

Они побежали прочь от крейсера! Очевидно, он готовился к старту, и возле управления

был Адам Ульмар. Но зачем?

Продолжая бежать, Джон Стар вспомнил свои старые сомнения. Неужели его знаменитый родственник опять сменил курс? Неужели он высадил остальных, чтобы вернуться к медузианам?

Джон Стар не мог поверить в это. Адам Ульмар не был предателем. Но...

Затем «Пурпурная Мечта» тронулась с места. Она бросилась вперед с такой стартовой скоростью, какой он никогда не видел. Она помчалась так быстро, что он на миг потерял ее из виду. Он увидел ее снова — она неслась к кораблю-пауку, и корпус ее уже светился.

Когда он понял, что движет ее не сравнительно слабая сила дюз, а ужасная мощь геодинов, она врезалась в круглое черное брюхо вражеского корабля со вспышкой слепящего света.

Горящий черный захватчик падал с красного неба с неожиданной неторопливостью. Он врезался в пустынные темные склоны Сан-Диаса, покатился по ним, по-прежнему похожий на чудовищного паука, но уже в медленной агонии смерти.

Застарелые сомнения Джона Стара исчезли.

— Ты теперь последний Ульмар, — приветствовал его Джей Калам. В его голосе было новое мрачноватое уважение. — Адам Ульмар сказал, что должен возратить долг, и велел мне, чтобы я сказал тебе, Джон Ульмар, что он надеется, ты будешь счастлив в Пурпурном Холле.

Джон Стар опустился на колени возле неподвижной белолицей девушки и в тревоге прошептал:

— Аладори? Как она?

— Ах, дружище, — пробормотал печально Жиль Хабибула, поправляя подушку под ее головой. — Похоже, ей не лучше. Не лучше! Это тот же злобный транс, в котором она провела эти смертельные недели! Она может никогда не проснуться. Ах, бедная девочка!

Из рыбьего глаза выкатилась слеза.

Они попытались устроить ее поудобнее под маленьким кровом, сооруженным из ветвей расщепленного дерева. Они нашли грубые дубины, чтобы защитить ее от зеленых тварей. Хал Самду и Жиль Хабибула отправились на поиски еды и воды. Они вернулись в тусклых малиновых сумерках с пустыми руками.

— Смерть моя! — ныл Жиль Хабибула. — Мы потерялись в ужасной пустыне, в мертвых руинах, без продуктов и воды для себя и для девочки! Ах, я, несчастный! И жуткие воюющие твари рыщут вокруг нас и охотятся за жалкой человечинкой! Ах, что за коварные времена!

В алом закате взошла Луна — огромный кроваво-красный шар над рваными стенами Сан-Диаса. И они увидели на ее пятнистом и зловещем лице гроздь маленьких черных пятнышек, растущих, расширяющихся. Маленькая стая черных насекомых, которые уверенно и зловеще становились большими.

— С Луны идет флот, — прошептал Джей Калам. — Так как один корабль не вернулся, целый флот кораблей-пауков идет, чтобы убедиться в нашей гибели. Они будут здесь через час.

АЛАДОРИ

— Она должна проснуться, — прошептал Джон Стар. — Или никогда больше не проснется.

— Боюсь, что так и будет, — согласился Джей Калам. — Мне представляется, что они разрушат все плато этими атомными снарядами. Для уверенности, что мы им больше не помешаем. Однако у нас нет другого выхода.

— Она должна проснуться! — опять пробормотал Джон Стар. С неожиданной решительностью он поднял Аладори. Тело ее было вялым, безвольным. Глаза закрыты, бледные полные губы слегка раскрыты, прекрасная кожа очень белая. Он едва чувствовал ее

пульс. Дыхание было очень медленным. Она была в глубокой коме и пребывала в ней очень долго.

Такая красивая и такая неподвижная! Он сильно сжал ее в объятиях, с вызовом глядя на зловещую, в красных и черных пятнах Луну. Она не может умереть! Она была его! Навсегда его! Такая теплая, такая дорогая! Он не мог дать ей умереть!

Нет! Нет! Она должна проснуться и воспользоваться своими знаниями для монтирования оружия и уничтожения угрозы с этой красной Луны. Он должен разбудить ее, чтобы она была с ним навсегда!

Он бессознательно шептал ей это. И теперь, в отчаянном призыве, он говорил громче. Он взывал к ней без особой надежды, пытаясь проникнуть сквозь кому, чтобы внушить ей отчаянную необходимость проснуться.

— Аладори! Аладори! Ты должна проснуться! Ты должна! Ты должна! Медузиане идут, Аладори, чтобы убить нас опаловыми солнцами. Ты должна проснуться, Аладори, чтобы смонтировать оружие. Ты должна проснуться, Аладори, чтобы спасти то, что осталось от Системы. Ты не можешь умереть, Аладори, не можешь, потому что я люблю тебя!

Он уже верил, что его призыв проник в спящий разум. Возможно, уже проник, или, возможно, как предположил бы ученый-медик, это была раздражающая стимуляция красного газа за пределами «Пурпурной Мечты». Это несущественно.

Она слабо чихнула и тихо прошептала:

— Да, Джон, я тоже люблю тебя.

Он едва не выронил ее, и она проснулась окончательно, с тревожным испугом глядя на окружающее.

— Где мы, Джон? — прошептала она. — Не на этой планете?

Она в ужасе уставилась на красную луну в красном небе.

— Нет, мы на Земле. Ты можешь побыстрее закончить оружие до прихода медузиан? Мы принесли детали, которые ты подготовила у реки.

Она встала, изумленно оглядываясь, неуверенно цепляясь за руку Джона Стар.

— Неужели это Земля, Джон, под этим ужасным небом? А это Луна?

— Да. А эти черные пятнышки — корабли-пауки медузиан. Они идут, чтобы убить нас.

— Ах, девочка проснулась! — радостно засопел Жиль Хабибула. И Джей Калам торопливо приблизился к ней с маленьким незаконченным прибором, который Аладори смонтировала на другой планете и который был бесполезен без кусочка железа.

— Ты можешь его закончить? — спросил он, становясь спокойным и серьезным. — Побыстрее? Прежде, чем они придут?

— Да, Джей, — сказала она так же спокойно, похоже оправившись от первого потрясения. — Если мы найдем кусочек железа...

Джон Стар достал сломанную ось от игрушечного паровозика. Она взяла ее в нетерпеливые пальцы и быстро осмотрела.

— Да, Джон, это сгодится.

Закат на западе был красным. Опускалась призрачная ночь. Под красной взошедшей луной четверо стояли вокруг Аладори и ее оружия в напряженном ожидании и страхе. Они были одни на плато, застывшем в жутком свете. За ними находился разрушенный Зеленый Холл, страшный скелет погубленных человеческих надежд, жуткий и спокойный на фоне зловещего сияния. Перед ними пологим склоном уходило к зубчатому Сан-Диасу плато под зловещей луной.

Над ними повисла тишина. Благоговейная тишина мира, преданного и погубленного. Лишь одно нарушало ее — жуткий надрывной вой боли и ужаса в руинах.

— Что это? — дрожа, прошептала девушка.

Это было уже что-то нечеловеческое, столкнувшееся с другим голодным зверем. Джон Стар знал это, но не сказал ничего. Аладори занималась оружием. Крошечная вещь, она выглядела довольно простой, очень грубой и совершенно бесполезной. Части ее крепились к узкой дощечке, водруженной на грубую треногу, так что прибор можно было поворачивать и

нацеливать.

Джон Стар осмотрел его и совершенно ничего в нем не понял. Он вновь подивился его простоте. Неужели, подумал он, такая штука может противостоять ужасной древней науке медузиан? Две маленькие металлические пластины с отверстиями, так что можно было смотреть сквозь их центры. Проволочная спираль между ними, соединяющая их. Одна из пластин имеет желоб, в котором скользит кусочек железа. Их можно соединить маленькими винтиками. Грубый выключатель — возможно, чтобы переключать ток к противоположной пластине, поскольку иных источников питания видно не было.

И это все.

Аладори поставила винтики, куда следовало. Затем она нагнулась, вглядываясь сквозь крошечные отверстия в пластинах на красную луну и на черные пятнышки вражеских кораблей. Она прикоснулась к выключателю и выпрямилась, глядя вдаль с сосредоточенным любопытством на бледном лице.

Джон Стар смутно ожидая от аппарата каких-либо проявлений деятельности, возможно, необычных лучей. Однако ничего подобного не было. Даже искорки не проскочило, когда замкнулась цепь.

В какой-то миг показалось, что он, возможно, по-прежнему безумен. Совершенно невероятно, чтобы такой крошечный и такой простой, что сделать его по силам и ребенку, прибор смог сразить медузиан. Могучие победители неведомых планет из неведомых веков. Что им может грозить?

— А оно не... — прошептал он нерешительно.

— Подожди, — сказала Аладори. Голос ее был совершенно спокоен, без следа слабости или усталости. Как и в ее лице, в нем было что-то странное. Сосредоточенность. Холодная бесстрастная властность. Он был абсолютно уверенным. Без страха, без ненависти, без восторга. Он был похож на голос богини.

Джон Стар невольно сделал шаг назад.

Они ждали, глядя на крошечные черные пятна, летящие и растущие на фоне зловещей Луны. Возможно, они ждали секунд пять. И черный флот исчез. Не было ни взрыва, ни пламени, ни дыма, ни видимых разрушений. Флот попросту растворился. Они напряглись, утратив способность дышать от внезапного облегчения.

Аладори пошевелилась, прикоснувшись к винтикам и к выключателю.

— Подождите, — сказала она еще раз, и голос ее был по-прежнему ужасно, божественно спокоен. — Через двадцать секунд... Луна...

Они глядели на красную и грозную Луну. На спутник Земли в течение тысячелетий, юную, вероятно, по сравнению с медузианами. А теперь — базу их оккупационных сил, ожидающих захвата планет.

Почти не отдавая себе отчета, Джон Стар считал секунды, затаив дыхание, глядя на красное лицо рока. Теперь не человеческого, а самих медузиан.

— 18... 19... 20...

Ничего не случилось. Сминающий дыхание, ломающий душу миг сомнений. Затем красное свечение в небе погасло.

Луна исчезла.

— Медузиане, — прошептал Джей Калам, — медузиане исчезли. — Он словно уверял себя в невозможном. Долгий миг тишины, и он прошептал еще раз:

— Исчезли! Больше они никогда не отважатся.

— Я ничего не вижу! — закричал Джон Стар. — Как они...

— Аннигилированы, — сказала Аладори необычайно серьезно. — Даже материи, из которой они состояли, в нашей вселенной больше не существует. Она не существует больше в том пространстве и времени, которые мы знаем.

— Но как?..

— Это моя тайна. Я никому и никогда не скажу, кроме избранных, которые будут ее хранить после меня.

— Смерть моя! — засопел Жиль Хабибула. — Ах, наконец-то, злосчастная Система спасена. Ах, жизнь, моя милая! Как все-таки отчаянно трудно было ее спасти. Ты должна быть осторожна, девочка, чтобы опять не попасть во вражеские руки. В своей сладкой жизни старому Жилу никогда больше не удастся пройти через все это. Ах, я, несчастный! И мы остались посреди пустыни, в полной тьме, и даже Луна больше никогда не поднимется.

Голос его срывался от напряжения, не покидавшего их.

— Джон! — прошептала Аладори — это больше не был голос богини. Серьезность исчезла. Теперь это был человеческий, слабый и дрожащий зов. Джон Стар нашел ее во тьме. Он усадил ее, и она заплакала на его плече счастливыми слезами облегчения.

— Ах, девочка! — застонал Жиль Хабибула. — Подходящая у тебя причина плакать. Мы все еще страдаем без смертельного кусочка пищи.

«Зеленый Защитник», новейший крейсер Легиона Пространства, примерно год спустя прилетел в форт на Фобосе. Хотя снаряд с красным газом попал на этот крошечный спутник Марса, огромное здание не пострадало. Нейтрализующий раствор был предоставлен тем, кто получил какой-нибудь вред. Он также был распылен и связал красный газ в безобидные окислы, пока темное небо крошечного мира не оказалось очищенным от последних остатков красного.

Крейсер опустился на посадочную площадку, которая увенчивала центральную пурпурную башню. Новый командор сошел с трапа, и Джон Стар нетерпеливо двинулся к нему навстречу. Поздоровавшись, они помолчали, глядя на роскошную зеленую окружающую местность на крошечной планете, печально вспоминая минувшие события, когда они были здесь вместе и похитили «Пурпурную Мечту».

— Не осталось ни следа вторжения, — заметил Джей Калам.

— Да, командор, — ответил Джон Стар, едва заметно улыбаясь при этом слове. — Во всей вселенной ни одного случая безумия, оставленного без лечебного вмешательства. Я знаю. И красный газ исчез из воздуха. Это уже история.

— Замечательное государство, Джон. — Глаза Джея Калама рассматривали с восхищением густо-зеленый покаты́й ландшафт. — Мне кажется, лучшее в Системе.

Лицо Джона Стара затуманилось.

— Мне пришлось взять на себя эту ответственность. — Голос его был почти горек. — Но мне бы хотелось быть в Легионе, Джей. Вместе с Халом и Жилем. Хотелось бы снова оказаться в гвардии Аладори.

Джей Калам улыбнулся.

— Ты влюблен в нее, Джон?

Он кивнул.

— Был... Да и сейчас влюблен. Я надеялся, до той ночи, когда она применила АККА. Тогда я понял, какой же я был дурак. Она богиня, Джей. Кроме тайны, у нее могущество и ответственность. В ту ночь я увидел, что у нее не может быть времени для... для любви.

Джей Калам по-прежнему серьезно улыбался.

— А тебе когда-нибудь приходило в голову, Джон, что она всего лишь девушка? Хотя, быть может, это интересно — уничтожать планеты, однако она не может делать этого постоянно. Она рискует остаться в одиночестве.

— Конечно, — устало признал Джон Стар, — у нее должны быть другие интересы. Но она была... просто богиня! Я не мог ее спросить. Как бы там ни было, я никогда не смогу добиться ее.

— Почему ты так думаешь, Джон?

— Есть одна причина. Мое имя Ульмар. Я не мог просить ее забыть об этом.

— Но имя может тебя больше не беспокоить, Джон. Зеленый Холл, узнав о твоей доблестной службе, официально изменил твое имя на Джон Стар. Мы для этого и прилетели, чтобы сказать тебе об этом.

— Да? — прохрипел он.

И тут из воздушного шлюза вышла Аладори, а за ней Жиль Хабибула и Хал Самду. Лицо ее было сдержанным, глаза холодными и серьезными, и солнечный свет создавал чудеса — рыжие, золотые и коричневые — в ее волосах. Она вопросительно и насмешливо посмотрела на Джона Стара.

— Поскольку Пурпурный Холл наша самая надежная крепость в Системе, — поспешно пояснил Джей Калам, — Зеленый Холл просит тебя принять ответственность за охрану Аладори Антар.

— Если пожелаешь, Джон Ульмар, — мерцая глазами, добавила девушка.

У него пересохло в горле. Он искал в золотистом тумане слова и, наконец, с усилием пробормотал их:

— Я желаю. Однако меня зовут, мне кажется, Джон Стар.

Серьезная, если не считать глаз, она сказала:

— Я буду называть тебя Джон Ульмар.

— Но ты говорила...

— Я передумала. Я доверяю только Ульмару. Более того...

Она внезапно оказалась слишком занята, чтобы закончить фразу.

— Ах, я, несчастный! — заключил Жиль Хабибула, с одобрением глядя на парочку. — Это ясно, что нам здесь рады, особенно девушке! Смертельно ясно! Ах, и для бедного старого солдата Легиона это местечко, кажется, вполне подходит, чтобы провести в мире оставшиеся годы. Кухня и погреб построены здесь пропорционально всему зданию. Ах, Хал, может, ты забудешь о своей драгоценной гордости за все эти медали и украшения, которыми обвешал тебя Джей с тех пор, как Зеленый Холл сделал его командиром Легиона? Если бы ты это сделал, мы смогли бы поискать где-нибудь смертельный кусочек еды.